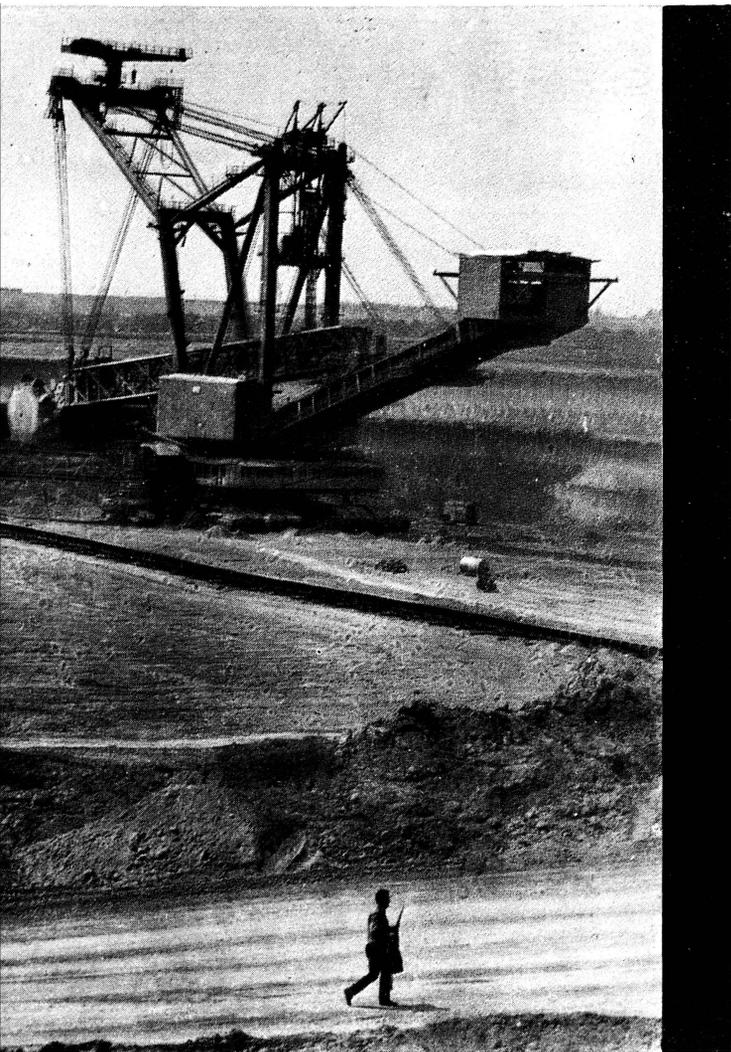

ВОКРУГ ГЛОБУСА

3 1977
МАРТ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЕМЛИ

СТРАУСЫ НА КАРЬЕРЕ

— **Н**евозможно, повторяю, и руду добывать в карьере, и землю после себя оставлять плодородной, — втолковывал горный инженер агроному. — Англичане по такому поводу говорят: «Нельзя сделать яичницу, не разбив яйца».

— Итак, после нас хоть пустыня, безжизненные кратеры, так? — не сдавался его собеседник.

Инженер, однако, продолжал твердить о том, как необходима руда, и о том, что плодородных земель в стране еще много. Главное же, на что он нажимал: нет, мол, такой технологии, чтобы и дома были сыты, и поля целы.

— А как же это удастся Серede? — спросил агроном.

Горняк только руками развел:

— Так то ж сам Серeda!

Имя директора Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината Героя Социалистического Труда Г. Л. Середы я с тех пор слышал не раз. И вот что интересно. Хотя его предприятие не только передовое, но и едва ли не крупнейшее в стране, если не в мире, по добыче марганца, имя Середы упоминалось чаще в связи с тем, что еще недавно считалось для горняка не самым главным — с рекультивацией земли, пожалуй, самой удачной не только у нас, но и за рубежом. О хозяйстве Середы ходили чуть ли не легенды: будто бы на месте карьеров у него шумят леса, плещутся озера, а по берегам бродят страусы, ламы и пони.

— Все правда — сейчас увидите сами, — сказал Григорий Лукич, выходя вместе со мной из двери управления комбината. Невысокий, собранный, он смотрел в даль тенистой, как аллея, улицы, и на его крупном загорелом лице появилась довольная улыбка: он словно приглашал меня порадоваться вместе с ним. Степной городок утопал в зелени, и почти у каждого дома люди поливали из шлангов деревья, словно вели бой за этот оазис, отвоєванный ими у бескрайней равнины.

— Как вам понравилось у нас? Первое впечатление, — Серeda говорил уверенно, раскатиисто, чуть-чуть по-южному певуче.

Ночью в поезде я не мог уснуть: в вагон врывались то пыль полей, то удушливый дым заводов. А подъехали к Орджоникидзе — стало легко дышать, словно за окном была иная земля, а не та же самая индустриальная Днепропетровщина.

И я ответил:

— Здесь отличный воздух.

Серeda улыбнулся:

— Главное, что все это не от бога — от человека... Итак, начнем с зоны отдыха, не так ли?

И, не дождавшись ответа, он лихо вскочил на переднее сиденье директорской «Волги», легко снял ее с тормоза, и мы понеслись. За окном сменялись поля, сады, карьеры, проносились какие-то неправдоподобно большие агрегаты, какие-то строения и даже электричка местной, комбинатовской железной дороги. Серeda держал руль одной рукой, вернее, не держал — придерживал (я заметил: так ведут машину бывшие пилоты), другой показывал свои владения. «Волга» даже на подъемах шла легко, казалось, вот-вот Серeda возьмет штурвал на себя, и мы взлетим, чтобы увидеть все его хозяйство разом. Он откровенно гордился содеянным и хотел приобщить к своей радости и меня, гостя.

Через полчаса я уже многое знал об Орджоникидзевском ГОКе и о том, что этот промышленный гигант потребляет чуть ли не всю электроэнергию соседней Каховской ГЭС, а вот землю и воду он, напротив, только использует, как бы берет взаимнообразно у природы — на комбинате обратное водоснабжение и аналогичное, временное, землепользование.

— Вот посмотрите, — сказал Серeda, — что мы сотворили на месте Александровского карьера.

Григорий Лукич остановил машину и отошел в сто-

рону, как бы давая мне насладиться открывшейся картиной наедине. У моих ног за песчаным пляжем плескалось озеро. На другом берегу раскинулся лес. А слева, в вольерах, окруженных цепочкой школьничков, ходили... страусы и пони. Поодаль люди что-то репетировали на берегу.

— Завтра открытие зоны отдыха, праздник Нептуна, — пояснил Середа. — Да что озеро, главное — лес! Его в этих степях ни при киммерийцах, ни при скифах не было. А при нас есть!

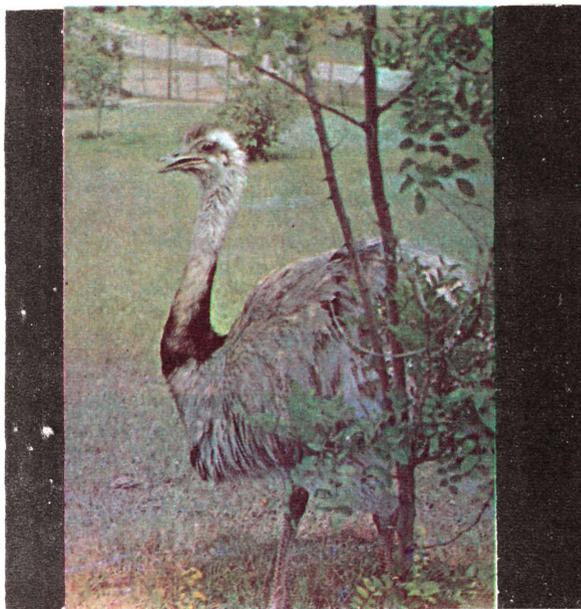
— Да, прямо-таки не комбинат, а Аскания-Нова!

— Что ж, не одной работой жив человек. Есть теперь где отдохнуть людям. Ведь скучно, если кругом только степь да степь.

— А страусы зачем?

— Мы почему-то считаем, что человек уже с детства добрый. А это не всегда так. Часто малыш, завидев зайчика, просит: «Папа, убей». А здесь он с самого детства может погладить страуса, покатасться на пони. Это воспитывает любовь к природе.

Фото А. МАСЛОВА

де. А качество это ох какое важное! В особенности для будущего горняка, который, хочет он того или нет, ведет с этой самой природой войну.

— Но вы-то, похоже, живете с ней в согласии. Как это вам удается?

— Увы, непросто: повторяем бога. — Заметив недоумение на моем лице, Середа загадочно улыбнулся и повторил: — Бога повторяем — создаем землю.

Мы сели в «Волгу» и поехали на действующий карьер.

КОНЕЦ ЛУННОГО ЛАНДШАФТА

— Это вашу зону отдыха экспонировали на всемирной выставке в Спокане, США?

— Да, нашу, — ответил Середа, держа одной рукой руль и поглядывая на меня сбоку. — А я догадываюсь, о чем вы думаете: мол, это все напоказ, совсем другое дело — карьер: пыль, грязь, земля добыт. Одним словом — производство. Правда? Я кивнул.

— А теперь посмотрите.

Середа затормозил на смотровой площадке у самого края карьера. То, что я увидел, походило на кадры из какого-то фантастического фильма. На развернувшись во весь горизонт экране не было видно людей. Огромные даже на большом расстоянии машины взрезали чрево земли, аккуратно складировали чернозем и выбирали руду. Рядом, на выработанных участках, землю вновь настилали. А дальше колосились поля пшеницы, зеленели сады.

— Там еще недавно были карьеры, — пояснил Середа.

Придя в себя от изумления, я стал анализировать увиденное, сравнивать. На тех карьерах, что мне довелось видеть в других местах, тоже была мощная техника, но вся ее сила направлялась против природы. Цель у горняков еще совсем недавно была одна — вскрыть недра, взять богатства, а рекультивация, восстановление плодородия — в лучшем случае это уже не их дело, в худшем — вообще ничье. А здесь восстановление земли входило в самую технологию горных работ! Я сказал об этом Середе.

— Вы заметили самое главное: вошло в технологию. На комбинате есть цех рекультивации, у него план восстановления земли. Пусть только горняки сдадут ему землю не такой, как надо, сразу вступят в действие экономические факторы — кого-то депремируют. Здесь уже не слова: тут и рубль поставлен на охрану земли.

На обратном пути Григорий Лукич ехал какой-то притихший: вот, мол, все показал, о чем еще говорить... А я не узнал самого главного. Почему он, горняк, инженер, занялся делом, которое, пожалуй, больше к лицу агроному?..

— А когда же вы занимаетесь производством?

Он молчал.

— Говорят, что в свободное от рекультивации время...

Он продолжал молчать.

— Григорий Лукич, как все началось?

— Припекло. Александровский карьер подошел к самому городу, а я подумал, что же это такое? Мы ведем какую-то сумасшедшую битву с землей! Мы побеждаем. Но это, как говорили древние, пиррова победа. Еще одна такая победа, и мы окажемся окруженными безжизненной пустыней. А что потом? Как жить?

Вот говорят: марганцевая руда — полезное ископаемое, — продолжал Середа. — А ведь самое полезное ископаемое — это чернозем. Он хлеб ро-

дит. Но земля — это не только хлеб. Она — мать...

Я слушал Середу и думал об истоках. Да, все началось с Александровского карьера. Но это был час деяния. А ему предшествовал час решения, важнейший час.

— Все началось с Луны, — устало сказал Середа.

— С Луны?!

ЗЕМЛЯ И НЕБО ГРИГОРИЯ СЕРЕДЫ

Лет пятнадцать назад приехала на комбинат в Орджоникидзе съемочная группа. Нет, они не снимали фильм о горняках, хотя предприятие и тогда уже было среди передовых, — действие их кинокартины должно было происходить на Луне, и здесь, на отработанных карьерах, они нашли великолепную натуру для съемок: гигантские кратеры, горы бурой пыли, иссушенную, растрескавшуюся землю — отличный, безжизненный ландшафт. И съемочная группа пришла в восторг.

Иные эмоции тот же пейзаж вызвал у Григория Середы. Он впервые как бы со стороны взглянул на свою работу. «Ведь здесь же земля была, земля, а не лунный грунт. Так что же мы сотворили?!»

Было это в начале шестидесятых годов. Тогда еще только начинали говорить о том, что плодородной земли становится все меньше; законы об охране природы, решения партийного съезда — все это пришло позже. В общем, понятно: проблема должна раньше сформироваться, созреть. Но происходило это не в безжизненном пространстве, а в сердцах и головах людей. Одним из таких пионеров, осознавших, что нужно изменить наше отношение к земле, и был коммунист Григорий Середа.

Мне бы не хотелось, чтобы все это понималось упрощенно: вот Середа осознал и встал на защиту природы. Нет, все сложнее. Есть веление времени — одни принимают его раньше, другие — позже, третьи подчиняются ему нехотя, повинуюсь распоряжениям и законам. Но всегда есть самые первые, и, чтобы объяснить, почему они избрали свой нелегкий путь, стали первопроходцами, нужно понять, кто они.

Итак, вернемся к истории с «лунным» ландшафтом. К тому времени, когда Середа осознал, что в душе его происходит конфликт. Как мог бы поступить на его месте другой хозяйственник? Возможно, он подавил бы в себе «души прекрасные порывы» и сказал: «Мое дело — план, надо давать руду. Защитой природы пусть занимаются другие». И вероятней всего, оказался бы в числе тех, третьих, которые дожидались соответствующих решений, — так спокойней.

Что и говорить, простой путь. Середа пошел нетереной дорогой. И поэтому мы ничего не знаем об упомянном имярек, а пишем о Серде.

Казалось бы, всю свою жизнь он провел вдали от крестьянских забот — студент, летчик, горный инженер. Да, он родился, учился, воевал в тех же местах, где хозяйствует сейчас, на родимой Днепропетровщине. Все равно рушится нехитрая схема: живет в селе — близок к земле, уехал в город — оторвался от нее. В юности его заморозил самолет. Середа поступил в аэроклуб. Авиация в те годы была, как для нас космонавтика. Увлекли его небеса. А земля? Что ж, как сказал поэт: «Земля любима, но небо — возлюбленно. Небом единым жив человек». И Середа «жил небом» всю войну, потому что сражаться ему довелось в авиации — вначале на истребителе, потом на штурмовике.

Так Середа пролетал всю войну. Мне сказал: «Повезло». Четыре года сражался он за нашу землю. Думаем ли эти слова — за землю...

— Сколько за эти годы перекорезили земли — смотреть было больно. Сколько перепортили курганов... — так вспоминал он, когда в его краях нашли знаменитые клады скифов. Земля для него и история, и просто земля — кормилица.

— А правда ли, что фашисты вывозили украинский чернозем в Германию?

— Правда. Грабили самую основу нашего богатства, внуков наших грабили, — с болью говорит Середа. — После войны я поступил в институт.

— В сельскохозяйственный?

— Нет, в горный, в тот самый, что бросил когда-то ради аэроклуба.

Видно, по сердцу пришлось ему горное дело, если возвращался к нему столько лет спустя.

«ЧЕРНОЗЕМ ВЫСЕЛЯЮТ!»

— А ведь мы, горняки, не всегда враждовали с землей. Когда кайлили уголь и поднимали в корзинках — земле вреда не было. И над шахтами колосились поля, разве что уродовали их терриконы. Но вот пришел открытый способ добычи руды. Почву сдирали, как шкуру с загарпуненного зверя.

— Однако способ этот прогрессивный?

— Разумеется. Избавились от тяжелого, подземного труда — это ж теперь не в темноте, в шахте, а на солнышке работать — машинами! Выросла производительность труда, почти не стало увечий на производстве. Человеку — хорошо, земле — плохо. Над поселками стон висит: «Чернозем выселяют!» И людям не по себе. Вот как получается...

Ведь надо же, придумала природа — самые богатые залежи марганцевой руды спрятали под богатейшими в мире украинскими черноземами. Словно поставила перед людьми неразрешимую задачу: либо «хлеб металлургии» — марганец, либо он — хлеб наш насущный... Работал я, а людям в глаза смотреть стыдно. Думал: открыли бы марганцевую руду где угодно — в пустыне, в Заполярье, на другой планете, — так бы и поднялся, переехал туда вместе с комбинатом...

Слушая Середу, я думал о конфликте, который созрел в душе этого человека: Середа-горняк против Середы — рачителя земли. Все-то мы любили раскладывать по полочкам: этот человек такой, этот сякой, налево — технар, направо — природолюб, тут лирик, здесь физик... Нет, не укладывается Середа в эти схемы. Именно с его приходом на производство здесь начали закрывать шахты и открывать карьеры...

Конечно, все это было не так просто. В 1955 году, когда Середа приехал в эти места, дела на производстве шли плохо. Комбинат уже много лет не выполнял плана, а жизнь в поселке... Вокруг степная пыль, ни деревца, воду привозили в бочках.

Вот тогда, собрав рабочих, инженеров, Середа решил все в корне менять: выработали план реконструкции, вместо шахт — переходить постепенно к открытым разработкам. «В общем, взяли мы производство за ушко да и вытащили на солнышко», — улыбается Середа.

А быт? Приказал строить коттеджи, закладывать сады. «Рабочие ко мне, — вспоминает Григорий Лукич. — «Да здесь средю ничего не росло!» — «И неправда, — говорю, — росло! При наших предках росло и при нас будет — земля же богатейшая!»

Так в степи появились первые сады и... карьеры. Но земля еще было много... К 1958 году комбинат уже трижды завоевывал переходящее знамя министерства. Его там оставили навечно, а руководитель Орджоникидзевского ГОКа Г. Л. Середа был удостоен звания Героя Социалистического Труда. И вот тогда, как говорится, в зените славы, он понял, что, окружая город выработанными карьерами, он в конце концов обрубил сук, на котором сидит: город просто захохочет со временем в объятиях индустриальной пустыни.

— Итак, комбинат богател... — продолжал я разговор.

— Дело в том, что в этих степных, малоуютных местах могло существовать только передовое производство. Будет шахтер работать здесь за те же деньги, что и в обжитых местах? Нет. Значит, налаживаем дела так, чтобы он получал у нас больше. Это, во-первых. Далее — быт. В Орджоникидзе ненадежно принимались телепередачи. Думаете — мелочь? Как бы не так! Горняк хочет, например, после работы «поболеть» за свою футбольную команду — иначе какая жизнь. Я вызвал специалистов, поставил ретранслятор, на, смотри. А все почему? Потому что комбинат начал приносить прибыль.

— Кажется, улавливаю связь с рекультивацией земель. Только богатое, сильное, передовое пред-

приятие могло решиться потратить на это новое дело часть средств... Могло-то могло, но ведь если начистоту, то у вас в планах графы такой — на восстановление земли — не было, не так ли?

— Откуда мы брали деньги? Расскажу вам недавнюю историю. Произошла она еще до постановления Совета Министров СССР о рекультивации земель. Приходят горняки в министерство и просят средства на эту самую рекультивацию. Им отказывают. Они в амбицию: «А почему Середу дадут?» А им: «Ничего мы Середу не даем, он сам берет!»

И это была правда...

Григорий Лукич — умный, предприимчивый хозяин в лучшем смысле этого слова. В начале шестидесятых годов он понял, что его конфликт становится для горнодобывающей промышленности типичным — карьерное хозяйство росло, больше площади отводилось под города и заводы, а количество земли, приходящейся на человека в стране, несмотря на освоение новых площадей, падало. Он видел, что, начав рекультивацию, вступает в конфликт с узковедомственными интересами, с владельцем же земли, социалистическим государством, у него конфликта не было.

Так-то это так, но ведомство-то было родное, горнодобывающее. Его дело — план. И заботу о земле Середа начал по-умному, исподволь. Недалеко от Орджоникидзе строили Северо-Крымский канал. Он послал туда рабочих с наказом освоить мелиоративную технику, а потом эту самую технику, уже списанную, скупил, отремонтировал и применил у себя.

Дальше, намечая реконструкцию производства, ввел туда и план восстановления земли. Исподволь, незаметно. Но никто ему этого не запретил, не мог запретить: к тому времени дули попутные ветры.

— И не так уж много на эту рекультивацию нужно, — говорит Середа. — Затраты — один процент от себестоимости руды. Но как было включить в план производства тех же страусов?..

...Лет пять назад в Орджоникидзе приехал корреспондент одной из газет. Увидел он страусов и сады на бывших карьерах, но решил проверить эту гармонию алгебры экономически. То ли не сошлись у него концы с концами, то ли смотрел он на новое дело слишком практично, но он сказал Середу:

— Ваша рекультивация не окупится ни за десять, ни за сорок лет. Она убыточна. Зачем вы, горняк, так стараетесь?

— Знаете ли, — ответил Григорий Лукич, — я не люблю высокий слог, а придется. Это ж земля. Земля! Разве к ней, в широком смысле, применимы наши обычные понятия рентабельности и окупаемости? Она киммерийцев кормила, скифов кормила, нас кормит и через тысячу лет потомков кормить будет. Рентабельно ли ваше существование на тысячу лет? Или мое? Существование земли так же рентабельно, как существование человечества. Какие на этот счет возможны нормы?

РЕШЕНИЕ ПОДСКАЗАЛИ СКИФЫ

Середа любит повторять, что землю не на рубли нужно мерить, а на поколения. Однако это не мешало ему снизить стоимость восстановленного гектара чуть ли не вчетверо. И все-таки на первый взгляд рекультивация может показаться убыточной.

— У нас на Украине есть пословица: «Скупой дважды платит, а ледачый два раза робит». Я и не скупой и не лентяй, — смеется Григорий Лу-

кич, — а вот посмотрите: изымаю гектар земли — плачу, чтобы его восстановили где-то в другом месте. За рекультивацию опять плачу, правда меньше. Если бы комбинат платили разницу, мы бы уже давно разбогатели. Да ничего, главное — стране, народу польза. Все остальное неважно.

Признаться, за этими разговорами о пользе и рентабельности земли я чуть не упустил главное: каким образом Середа вернул жизнь почвам на карьерах и отвалах? Ведь тогда, в начале шестидесятых, не было у него ни машин для рекультивации земли — их тогда еще вообще не существовало, — ни знаний, как ее оживить, эту землю.

— Вы обратились за помощью к ученым?

— Да я сам ученый, — бросает мой собеседник. И в самом деле, Середа — кандидат наук. — Но я был бы рад это сделать, только вначале мне не к кому было обращаться.

Горная наука ответа на его вопросы не давала. Она учила лишь, как «нарушить землю» («нарушить» — это горный термин). Сельскохозяйственная командовала на полях. А карьеры были ничейной землей. Наука ведь тоже питается соками практики, а опыта рекультивации почти не было ни у нас, ни за рубежом.

Другой человек опустил бы руки: «Если уж ученые не знают!» Середа пригласил аграрников на «ничейную землю» и стал с их помощью оживлять отвалы.

Это была адски тяжелая работа: землю горячки выворачивали как попало, почва оказывалась внизу, наверху либо вредные, либо так называемые «пустые» породы, на которых ничего не принималось. Середа решил изменить технологию разработки руды: укладывать пласты земли так, как они лежали раньше. Но на этом пути он встретился с, казалось бы, непреодолимым препятствием.

По широко распространенным воззрениям той поры, почва — живое тело, и для того, чтобы сохранить ее плодородие, требовалось укладывать ее тонким слоем. Какие же склады нужны были Середе, если он «нарушал» в год десятки тысяч гектаров земли! Тупик... И тогда на помощь Середе пришли... скифы.

Во всем мире город Орджоникидзе известен не только залежами марганцевой руды, но и тем, что именно здесь советские археологи раскопали скифский курган, так называемую Толстую могилу с ее бесценным сокровищем, золотом скифских царей. Комбинат имел к этому открытию самое прямое отношение — он оплачивал работы и помогал их вести.

— Ну а как все это связано с рекультивацией? — настойчиво спросил я.

— Самым непосредственным образом! Я приказал разложить землю из кургана, высеять на нем пшеницу. Взошла, заколосилась. Не сразу, но земля заплодоносила. А в кургане-то она лежала буртами, а не тонким слоем! И не погибла за 2500 лет! Значит, можно и нам так ее складировать!

Я слушал Середу и думал: удивительная способность у этого человека — смотрит на золото, а видит землю, главное богатство, с которым ничто не сравнится на планете.

АЛГЕБРА ПЛОДРОДИЯ

Я пошел смотреть земли на бывшем карьере, уже застрахованный от удивления. Ну в самом деле, думал я, поля и поля, сады и сады, не могут же они быть лучше там, на «нарушенных» землях, чем в

местах, где не прошли колеса горнодобывающих машин. И снова я ошибся — оказалось лучше.

Я кое-что прикинул в уме, переспросил данные; выходило, что поле после рекультивации стало давать больше, чем до нее.

— Такая вот арифметика, — подтвердил Середа. — И ничего удивительного: если к земле приложить труд, она должна давать не столько, сколько раньше, а больше.

Потом мне кое-что рассказали. Комбинат ведь только восстанавливает «нарушенные» земли, используют их соседние сельские хозяйства. Одно из них, как, например, колхоз имени Горького, получило недавно на таких землях около сорока центнеров пшеницы с гектара. Но был и другой случай: председатель одного из хозяйств то ли не провел снегозадержания, то ли не очень верил в плодородность возрожденного поля, словом, он засеял его не столь урожайным зерном. Середа не стал ждать, он приехал, орлом налетел, защищая свое детище.

— Ты что же это — рубишь меня под корень? Хорошее дело хочешь дискредитировать, да? Давай вместе работать. Помощь нужна — я здесь, наука здесь, опытный участок рядом...

Вот, походи ты, действовало: Середа крепкий хозяин, с ним лучше не ссориться, а дружить.

Комментируя подобные случаи, Григорий Лукич говорил мне:

— Рекультивация — дело новое. Но именно поэтому и нужно навести в нем порядок. Землю сельскому хозяйству передавать по акту, чтобы там все было сказано: и сколько колхоз должен за эту землю комбинату, и как он должен ее в оборот пускать. А что происходило до постановления? Не было заинтересованности ни у комбината, ни у колхоза. Мы восстанавливаем землю — нам и платить, сосед ее губит — он ничего не выкладывает из своего кармана.

Я про себя подумал: ведь Середа словно предвидел, еще много лет назад предвидел, что его порядок хозяйствования неизбежно станет всеобщим правилом социалистического хозяйствования на земле, как это узаконено теперь постановлением Совета Министров СССР о рекультивации. Но и само постановление наверняка опиралось на опыт передовой практики...

— Нужен институт или межотраслевая лаборатория, которая бы обобщала весь опыт в этом деле, — добавил он между тем. — А то ездят к нам в гости, а скопировать ничего нельзя — условия всюду разные. Земля же... Помните, что о ней сказано у Карла Маркса? — И Середа взял с полки «Капитал»: — «Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не суть собственники земли, но лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как добрые отцы семейства, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям».

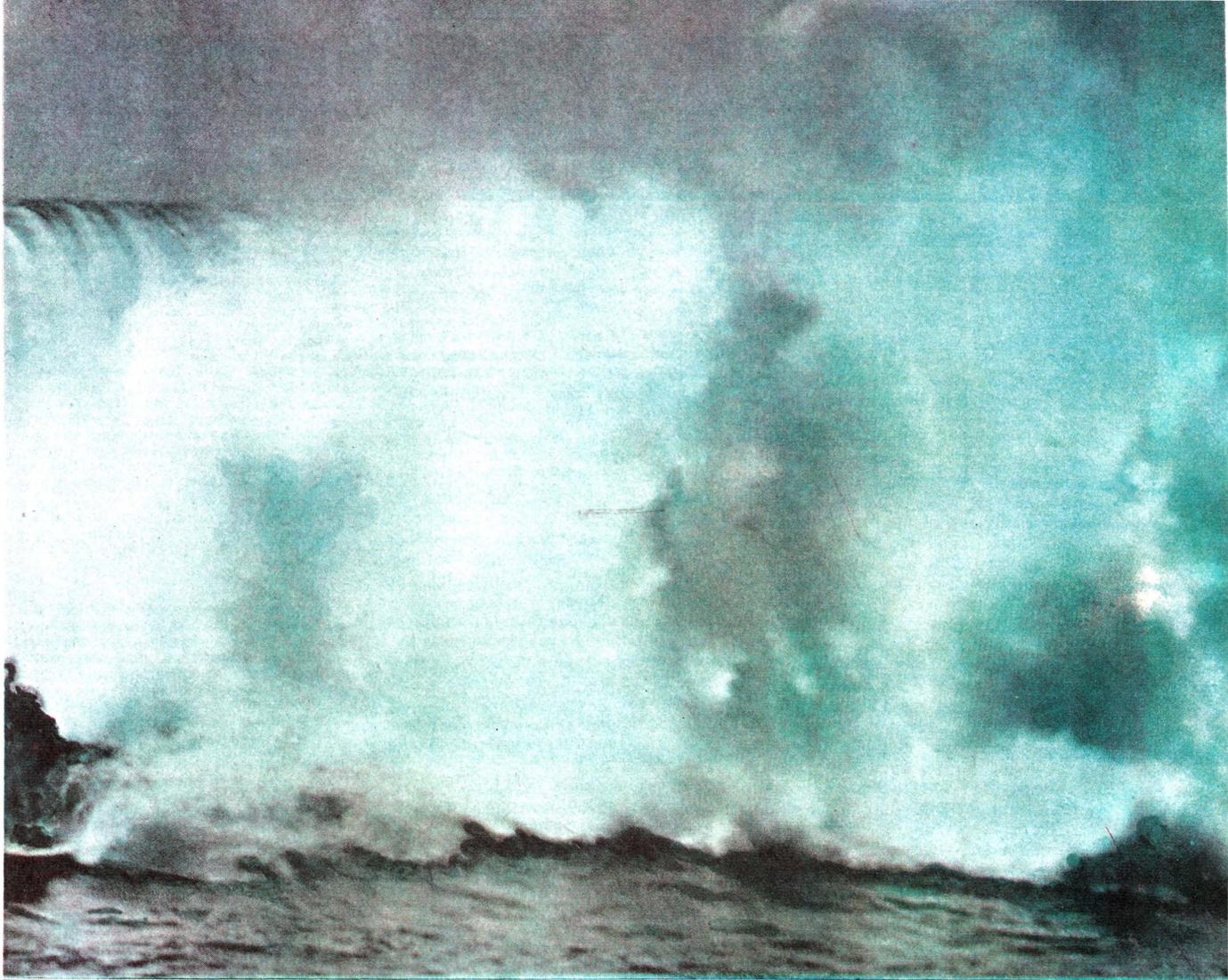
...Рассказывают, что, глядя на археологические находки, Григорий Лукич как-то задумчиво сказал:

— Хочется и свою царапину оставить на камне истории. Вот скифы, те оленя на этом камне нарисовали. А мы чего нарисуем?

Сказал и посмотрел в окно, за которым утопал в зелени степной горняцкий город. И кажется мне, этот ландшафт и был лучшим ответом на слова Середы — в наш век поисков гармонии между разумом и природой.

АЛЕКСАНДР ХАРЬКОВСКИЙ,
наш спец. корр.

Орджоникидзе — Москва

« БЕЛАЯ СМЕРТЬ » В ЛАГУНЕ

Бамбуки прислали вождя войны, — разнеслось по Бикини.

Островитяне собрались на берегу, глядя, как с катера сходят высокие розоволицые мужчины в парадной форме при орденах — «бамбуки». Эта странная для уха европейца кличка родилась в ту пору, когда американские морские пехотинцы высаживались на Маршалловых островах, изгоняя япон-

цев. Тогда микронезийцам они показались одинаковыми, как бамбук. С тех пор и пошло — «бамбуки-американцы».

В этот февральский день 1946 года в лагуну Бикини прибыл собственной персоной военный губернатор Маршалловых островов коммодор Бен Уайетт в сопровождении офицеров штаба, посыльных и переводчиков. Ступив на берег, коммодор пропустил вперед курчавого микронезийца, одетого словно рассыльный в отеле: белая рубашка, галстук-бабочка, лакированные туфли. То был король Джеймата, привезенный за 800 миль к своим подданным, ибо как-никак он считался верховным правителем всего архипелага Маршалловых островов. На Бикини же был свой иройдж Джуда. Американцы, а до них немцы и японцы не смогли найти эквивалента для этого наследственного титула туземного вождя и перевели его словом «король». Может быть, потому, что по праздникам он носил корону из кораллов.

Гостям преподнесли подарки — коралловые веточки, плетеные корзинки, один малыш протянул коммодору очищенный банан: «Йокве юк» — «Любовь вам», что на языке микронезийцев означало «Добро пожаловать». Затем бамбуков пригласили на торжественный «банкет» — законы гостеприимства на Бикини чтутся свято. «Вождем войны», коммодору Уайетту, дали тарелку и вилку, остальные довольствовались пальмовыми листьями и половинками кокосовых орехов. Начальник бамбуков похвалил бикинийскую рыбу. Затем отставил тарелку, сделал знак переводчикам и с широкой улыбкой заговорил:

— Достопочтенный иройдж! Полгода назад лейтенант Руни объявил вам о конце войны. Он рассказал, каким образом мы принудили врага капитулировать. Хватило двух бомб, которые были сброшены на японские города Хиросиму и Нагасаки. Мы верим, что это грозное оружие обеспечит отныне мир на земле. Но чтобы защитить такие маленькие народы, как ваш, от будущей войны, необходимо испытать очень большие бомбы, больше, чем в Хиросиме... Лучше места, чем ваш атолл, мы не нашли. Просим поэтому уступить нам на время Би-

кини. Вас посадят на корабль и отвезут в безопасное место, а когда все будет закончено, вы вернетесь на родину.

Джуда ошарашенно смотрел на американца.

— Поверьте, — продолжал убеждать тот, — мы не напрасно сражались за вашу свободу и желаем, чтобы вы были свободны и в будущем. Одолжив нам на время свой остров, вы окажете услугу человечеству. Миллионы детей и стариков во всем мире будут благодарны вам... Президент Соединенных Штатов поручил мне передать это и заверить вас в вечной дружбе¹.

Коммодор обвел взглядом аудиторию. Старики были неподвижны, как сухие корни кокосовых пальм. Дошло ли до них сказанное? Кто его знает. Во всяком случае, в деревне воцарилось гробовое молчание. Только океан с шуршанием накатывал на берег свои волны. Будь Джеймата единовластным правителем Бикини, у него можно было бы просто купить этот клочок суши, как покупают у владельца дом, предоставив ему самому выгнать жильцов. Но здесь дело было сложнее. Поэтому-то военный губернатор и захватил с собой короля Джеймату, поручив переводчикам проследить, чтобы тот вызубрил текст своей речи. По знаку коммодора один из офицеров толкнул короля локтем в бок.

— Дети мои! — заучено начал он. — Никто из нас не хочет, чтобы вновь загрохотали пушки. И есть только один способ избежать этого: показать нашим врагам всю силу нового оружия. Это оружие — «белая смерть». Нашим друзьям понадобилась лагуна, и мы, конечно, поможем им. Я, сын Кабуа, властитель королевства Ралик, призываю вас довериться нашим покровителям. Они защищают мир. И они умеют быть щедрыми к тем, кто пострадал от войны...

— Куда же нас повезут с земли, где жили наши отцы? — перебил иройдж Джуда.

— На один из соседних незанятых островов. Там вы сможете так же выращивать копру и ловить рыбу...

— А почему вы не взрываете свои бомбы на этих островах, где никто не живет?

— Мы думали об этом. Но все предложения пришлось отвергнуть по соображениям безопасности.

На этом банкет закончился. Иройдж Джуда удалился, чтобы

посоветоваться со старейшинами, а коммодор со свитой вернулся на корабль.

Бикини был выбран военными не случайно. Ответственные за операцию лица выдвинули следующие требования: место испытаний должно отстоять на несколько сот миль от густонаселенных районов, находиться в стороне от морских и воздушных дорог и лежать в зоне постоянных ветров. После консультаций с геологами, физиками, метеорологами и биологами исследовательский отдел Пентагона отдал предпочтение Бикини перед другими 34 атоллами архипелага Маршалловых островов. Помимо всего прочего, здесь самая большая лагуна — 400 квадратных километров. Ну а туземцы-островитяне в расчет просто не брались, всего сто шестьдесят семь душ — меньше, чем служащих в хорошей гостинице. Проблем с транспортом не возникнет.

Ответ Джуды обрадовал коммодора Уайетта: «Если правительство Соединенных Штатов действительно желает установить мир во веки веков и для этого нуждается в нашей земле, мой народ согласен уехать».

«Уехать» на языке бикинийцев означало: «удалиться на время». Начальник бамбуков не указал, как долго продлятся испытания. Поэтому никто из островитян не сомневался, что речь идет о временной эвакуации.

А коммодор Уайетт, глядя на этот клочок суши, размером всего в одну двадцать седьмую площади кабинетов и коридоров Пентагона, думал: останется ли он на поверхности океана после первого взрыва? Иначе придется менять программу.

Время поджимало. Военно-морской флот США торопился вступить во владение лагуной.

Начало вышло непохлким: удалось получить согласие бикинийцев, даже не указав им нового адреса. Теперь надо было срочно подыскивать им новое прибежище. Король Джеймата предложил два своих атолла — Лае или Удае. Правда, они уже заняты, и бикинийцам придется разделиться. Однако племя Джуды ответило отказом: «Оно не хочет быть развеянным по ветру».

В канцелярии губернатора начали искать острiem карандаша на карте обитаемый остров. Вот, скажем, Ронгерик, в 220 километрах к востоку от Бикини. Конечно, земля там похуже, но зато судно с эмигрантами без труда сможет подойти к берегу — лагуна не защищена частокором коралловых рифов. Объективные условия вполне приемлемы.

Почему там никто не жил? Военная администрация не знала, да и не считала себя обязанной знать, что, по местным преданиям, этот остров был обиталищем Либокры — злого духа в образе женщины. Легенда гласила, что она отравляла рыбу, но люди с помощью духа-хранителя Орджабто спрятались ее отовсюду. Тогда Либокра спряталась на Ронгерике. Все, к чему она прикасалась, становилось отравой. Когда она умерла, из воды поднялся страшный смерч, который унес ее в дыму и пламени. Однако ее след до сих пор убивает людей на острове, где она жила...

Джуда объявил результаты голосования совета старейшин: девять членов из одиннадцати согласились переехать на Ронгерик. Для старейшин в этом акте крылся глубокий смысл. Если бы американцы предоставили им хороший

**ДОСЬЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ИМПЕРИАЛИЗМА**

¹ Цит. по книге: «Retour à Bikini», par André Coutin. Paris, 1972.

остров, они бы могли затягивать их возвращение на Бикини. Но, коль скоро бикинийцы отправятся в проклятое место, их надо будет как можно скорей перевезти назад. Домой.

Губернатор немедленно направил на Бикини десантное судно, приказав капитану:

— Перед погрузкой проведите тщательную опись имущества: хижины, лодки и прочее. Запишите имена владельцев и сделайте снимки — они могут понадобиться как вещественные доказательства, если туземцы потребуют возмещения убытков от правительства.

Инвентарный список королевства Джуды выглядел следующим образом: 26 крытых соломой хижин, 13 бочек для дождевой воды, 31 пирога с балансиром, коллективный дом из досок, четыре кокосовые пальмы и два хлебных дерева на семью, поросята, домашняя птица (забирается с собой), несколько библий и молитвенников.

Высаженный на Ронгерике взвод саперов установил на новом месте 26 палаток, забетонировал четыре бассейна для сбора дождевой воды и разместил в «стратегических» точках выгребные ямы. Пальмы и хлебные деревья сажать не стали.

На палубе каждый клан разместился на отведенном ему месте: имена старейшин были заранее написаны мелом. После ужина, который им выдали бамбуки, — кино. Джуда не сомневался, что голливудские блондинки — это жены членов экипажа, и поблагодарил от всего сердца за любезный показ семейного альбома. Потом, лежа на металлочерепице палубе, 167 бикинийцев от волнения всю ночь не могли сомкнуть глаз. На рассвете показался Ронгерик. Как-то примет их обитель Либокры?

Матросы выгрузили пожитки островитян и запас консервов на несколько недель. Матери страшали детей: «Не трогайте ничего без разрешения старейшин. Здесь кругом следы Либокры». День прошел в хлопотах. А наутро, когда Джуда откинул полог душевой палатки, горизонт был пуст. В тот день безмянное судно, которое доставило их сюда, превратилось для горстки людей в волшебную, но, увы, несбыточную мечту. Они называли его «корабль, который нас возвратит на Бикини».

Если бы кому-нибудь из островитян довелось взглянуть на оставленную родину месяц спустя, они бы не узнали Бикини. В лагуне теснились 75 бронированных

кораблей, семь плавучих лабораторий, одиннадцать транспортов, туча сторожевых катеров. Пентагон воссоздал здесь, за тысячи миль от Америки, натуральную модель Пирл-Харбора. Как и тогда на Гавайях, «нападение» на эскадру должно произойти с неба. Только в отличие от 7 декабря 1941 года на сей раз самолет сбросит всего одну бомбу — атомную, мощностью 20 килотонн. Не щадя финансов — за полгода приготовлений было потрачено 70 миллионов долларов, — морское ведомство имитировало «Пирл-Харбор атомной эры».

Коммодор Бен Уайетт торжественно заявил Джуде и его народу, что операция под кодовым наименованием «Перекресток» ознаменует собой «поворотный пункт в истории нынешней цивилизации», после которого наступит «долгожданный мир». Но напрасно было бы искать среди громких фраз подлинную причину испытаний «белой смерти» в мирное время. Атомный гриб на самом деле был призван разрешить... спор, начавшийся 25 лет назад. Главкомандующий военно-воздушных сил США Уильям Митчелл первым бросил перчатку:

— Нет такого корабля, который бы я не смог потопить!

Это было сказано в 1921 году. Моряки долго ждали своего часа. И вот не успел еще остыть пепел Хиросимы, как вице-адмирал У. Блэнди принял вызов:

— Флот готов выдержать любой удар.

— За исключением, разумеется, атомного нападения?

— Я сказал: любой удар. В том числе и атомные бомбы!

Старое соперничество между авиацией и флотом вступило в решающую фазу. От исхода затеянного турнира зависела военная стратегия крупнейшей империалистической державы. А значит, престиж того или иного вида вооруженных сил. И самое главное — приоритет в финансировании. Флот считал, что он вынес на себе основную тяжесть войны с Японией на Тихом океане. И вот под занавес авиация всего лишь двумя бомбами над Хиросимой и Нагасаки вырвала у моряков лавры победителей! Флот жаждал revanche.

Здравомыслящие люди уже тогда протестовали против готовящегося безумия. Если бы Джуда или кто-то из бикинийцев мог читать американские газеты, он бы убедился, что сам научный руководитель атомного проекта разоблачил скандальный замысел. Профессор Опенгеймер публично отказался участвовать в псевдонаучном «эксперименте»:

«Адмиралы желают продемонстрировать способность флота переносить атомные нападения. Таким образом, испытания надо рассматривать лишь в качестве пропагандистской кампании в пользу нынешних ВМС, кампании, инициаторы которой не желают задумываться над последствиями».

После подобного заявления перед знаменитым физиком захлопнули двери Комиссии по атомной энергии, где он был главным экспертом. Но фейерверк не был отменен.

В Комиссии по атомной энергии считались с возможностью того, что взрывы могут нанести непоправимый ущерб морской фауне. Высказывались робкие мнения о необходимости более тщательной подготовки и контроле над разрушительной силой.

Что произойдет после атомного взрыва?

— Сами увидите, — отрезал адмирал Блэнди. Он не собирался нарушать классические правила вестерна и рассказывать о концовке фильма. Иначе у зрителей пропадет всякий интерес...

В сгущающихся сумерках пилот наблюдательного самолета кружил над лагуной Бикини. Внутри голубого полумесяца он видел россыпь стоящих на якоре судов-мишеней. Впервые в истории морских сражений был отдан приказ покинуть целехонькие боевые корабли без малейшей угрозы с чьей-либо стороны. На палубах крейсеров и линкоров место людей заняли 3529 подопытных животных: новые ковчеги перед генеральной репетицией конца света.

34 тысячи матросов, саперов и рабочих покинули запретную зону. Физики в последний раз проверили приборы, установленные на решетчатых стальных башнях по всему берегу. Медики в герметических костюмах разбили на палубах обреченных судов склянки с бактериями различных инфекций и культурами вирусов: микроорганизмам предстояло принять атомную баню.

Вице-адмирал Блэнди перечитал сообщение синоптиков.

— Не небо, а мечта, — довольно прокомментировал он. — На рассвете В-29 сможет выйти на цель без помех...

1 июля 1946 года

Атомный бомбардировщик «Мечта Давида» (пройдет немного времени, и в США под тем же названием появятся модные духи) стартовал в 3.45 утра с секретной базы на острове Кваджалейн и взял курс на атолл Бикини. В 7.00 «летающая крепость» вышла в расчетную точку, в 80 километрах от «атомного Пирл-Харбора». Поднялись в воздух беспилотные самолеты, которым предстояло пройти радиоактивный гриб.

8.30. Радист адмиральского судна оповещает: «Внимание! Осглось 30 минут!»

«Мечта Давида» описывает второй круг. Его командир Гарольд Вуд переглядывается со вторым пилотом.

— О'кэй. Следующий заход наш.

«Две минуты», — ревут динамики. На палубе наблюдательного судна все надевают темные очки.

«Одна минута». Вуд берет за ручку бомбосбрасывателя.

— Открыть люк!

В ту же секунду «Мечта Давида» закладывает крутой вираж. У Вуда нет времени смотреть вниз. Он знает, что смертоносная колонна сейчас упрется в небо. Скорее прочь.

— Мы честно заработали отпуск где-нибудь на райском острове, — говорит второй пилот.

Ласковый песок, изумрудное море, пальмы, цветы. Как на Бикини...

Рукотворное солнце на мгновение затмило яркостью небесное светило. Огненный шар изверг во все стороны клочья розовой, жел-

той и белой ваты. Клубящаяся колонна быстро пополнила вверх. 6000 метров: круглая головка начинает принимать характерную форму шляпки гриба. Через девять минут гриб поднимается на десять тысяч метров, становится серым и медленно отклоняется на юго-восток.

А внизу? Исчез и остров, и флот?

Нет. На контрольных экранах отчетливо выделяются силуэты главных судов. На четырех из них пожар, в том числе на авианосце «Индепенденс», ближе всех находившемся к эпицентру взрыва. Только и всего. Адмирал Блэнди объявляет по радио: «Ну, ребята, поздравляю — полный успех!»

Честь флота спасена: ВМС оказались неуязвимы для нового оружия. Авиация, правда, оспаривает результаты теста, дав понять, что

виноваты физики, не давшие бомбу большей разрушительной силы. Ученые, задетые за живое, ставят под сомнение точность бомбометания.

— Мы готовы повторить тест, — не скрывает ликования адмирал Блэнди. — Согласны на любые условия!

...За два дня до второго взрыва короля Джуду повезли взглянуть на Бикини. Тот мог убедиться (в бинокль), что с островом все в порядке. Джуда спросил, нельзя ли ему присутствовать при взрыве. Адмирал Блэнди отказал: «Невозможно. Для этого нужно получить письменное разрешение президента США. А оно не успеет прийти в срок».

Да и потом, разве сможет туземный вождь «оценить всю научную и гуманитарную ценность» происходящего?

Джуда уехал на Ронгерик с твердой уверенностью вернуться на землю предков сразу же по окончании испытаний. Он сам видел — с Бикини все в порядке.

24 июля 1946 года

Эскадра из 92 судов ожидала в лагуне начала второго действия. Бомбу на сей раз поместили в водолазный колокол между кораблями на глубине 30 метров. Адмирал Блэнди предупредил журналистов «пресс-судна»: «Взрыв, возможно, поднимет волну, которая полностью затопит остров».

В 22.30 молодой физик, воспитанник Лос-Аламосского атомного центра М. Холлоуэй включил дистанционный взрыватель. Миллионы радиослушателей в Америке и Западной Европе по сети Сиби-эс и Би-би-си слушали прямой репортаж с места событий. Наблюдатели с «пресс-судна» «Апалачиен» увидели взмывший посреди лагуны гигантский гейзер, принявший на высоте полутора километров форму гриба. Обреченный флот исчез в облаке пара. Радист «летающей крепости» В-29 возвестил с неба:

— Бикини превратился в кипящий котел!

По мере того как «белая смерть» уплывает в небо, над водой возникают силуэты кораблей. Режиссер-постановщик атомного шоу оптимистически заявил с адмиральского флагмана, что затонул всего лишь один тяжелый крейсер. Однако несколько часов спустя список жертв стал увеличиваться. На палубе «пресс-судна» журналисты описывали агонию смертельно раненных судов. Авианосец «Саратога» погружался семь часов...

На сей раз никто не аплодировал зрелищу, никто не хлопал себя по ляжкам в восторге от того, что моряки утерли нос летчикам. От ударов мощной волны образовались многочисленные течи в корпусах кораблей-наблюдателей. Слово лятно проказы, на поверхности лагуны расплзалась зеленоватая отравленная радиацией пена.

А воздух? Из разных точек Земли стали поступать сведения о концентрации радиоактивных частиц. Французская обсерватория Пюи-де-Дом, например, обнаружила их на высоте 6000 метров. Ответ Вашингтона: «Маловероятно, что эти частицы принесло с Бикини». Физики продолжали настаивать: «По своим характеристикам указанные частицы отличаются от природных, известных науке...» Сообщения, сообщения, сообщения... Причем из них явствует, что расстояние не гарантирует безопасности. Французский журналист Андре Лабарт с борга «Аппалачиена» передает свои впечатления читателям «Франс-суар»: «Надо остановить этот бич нашего века. Я думаю сейчас о панораме Парижа. Что, если облако долетит до Эйфелевой башни?»

Однако Париж на другом конце Земли. А люди живут куда ближе к страшному очагу. В том числе на Ронгерике. Отряженный на остров инспектор доложил губернатору Маршалловых островов, что подданные короля Джуды находятся в состоянии сильной депрессии.

— Почему? У них все есть.

— Ресурсы Ронгерика весьма ограничены...

— Чепуха! Просто они не способны наладить дело.

— Переселенцы деморализованы. Им не нравится остров...

— Они получили точный эквивалент того, что имели... Все лагуны здесь одинаковы, только названия разные.

Шли месяцы. Приговоренные к ссылке бикинийцы отчаянно пытались бороться с «плохой землей», непривычным бурным морем и духом Либокры. В июле 1947 года санитарный врач, объезжая Маршалловы острова, побывал на Ронгерике. В своем рапорте он прямо указал, что состояние переселенцев вызывает тревогу. Главная причина: недоедание. Как раз в это время Соединенные Штаты сменили военную администрацию на Тихоокеанский верховный комиссариат по опеке. Что скажут в Объединенных Нациях, если узнают, что на подмандатной территории, о благополучии которой призваны пещься американцы, проживают анемичные, больные, рахитичные существа?..

На Ронгерик послали комиссию для подробного обследования. Доклад, подписанный специалистом по тропическим районам доктором Г. Д. Макмилланом, гласил: «Урожай не в силах обеспечить пропитания жителей... Люди вынуждены употреблять в пищу несъедобных рыб, что привело к тяжким последствиям... За исключением цементных бассейнов для дождевой воды и палаток, никакой иной помощи не было оказано... Эвакуация представляется единственно разумным решением».

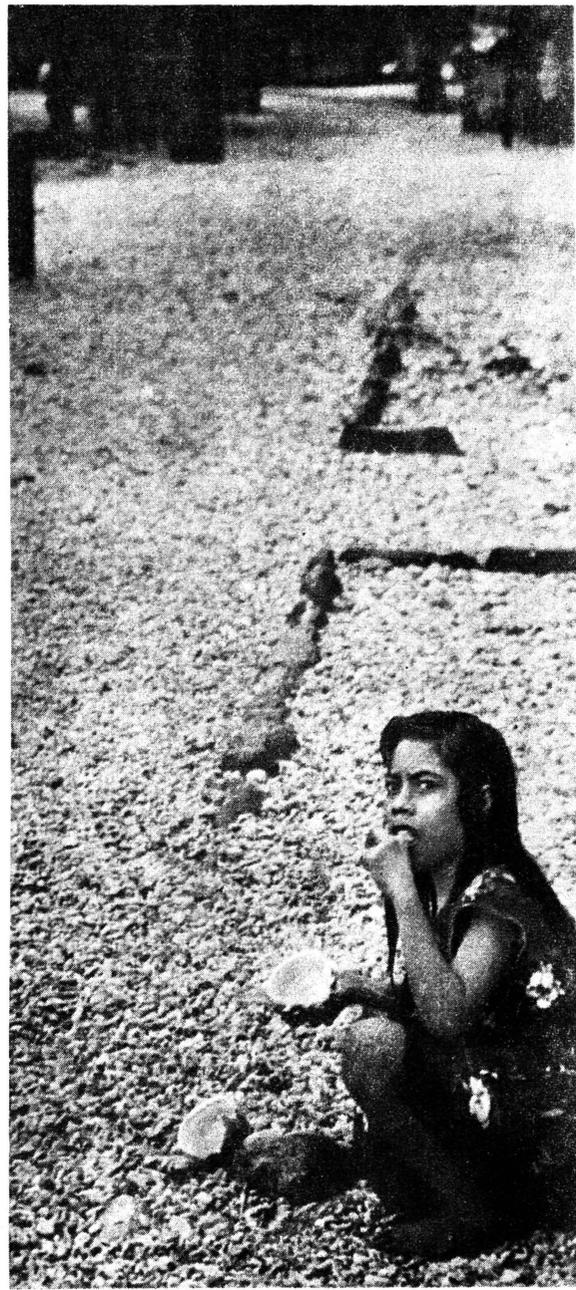
— Эвакуация, — в сердцах бросил новый высокий комиссар Маршалловых островов. — Ну ку-

да я дену этих бикинийцев? Укажите мне место.

Действительно, незанятое место найти было не так-то просто. Доктор Макмиллан предложил атолл Уджеланг, где островитяне хотя бы смогут ловить рыбу.

Хорошо, пусть будет Уджеланг. Бикинийцев не пришлось уговаривать: новый переезд приближал их к родине! Два десятка молодых мужчин вызвались поехать на новое место, чтобы подготовить жилье. Сборы проходили в лихорадочном темпе.

Но десять дней спустя молодых мужчин привезли назад на Ронгерик. В чем дело? Ни в чем. Что-то изменилось? Да. Уджеланг понадобился для других переселенцев — через три недели туда должны перевезти 145 обитателей

атолла Энвекот. Комиссия по атомной энергии в Вашингтоне уведомила гражданскую администрацию Маршалловых островов, что этот атолл избран местом «новых испытаний», которые начнутся в 1948 году...

А бикинийцы? Высокий комиссар решил просто: «Перевезем их пока на нашу базу на Кваджалейн, а дальше будет видно...»

Джуда, иройдж маленькой бикинской общины, выразил согласие от имени совета старейшин. Им руководила тайная надежда: на военной базе они не затеряются, будут все время на виду. И бамбукам рано или поздно придется найти им пристанище. Нет, конечно, не новую родину — родина всегда одна. Американцы не могут не понимать этого.

Остров Кваджалейн во время войны заслужил прозвище «Утес». Растительность в ходе боев была сожжена, посаженные пальмочки имели жалкий вид ресторанных украшений. Бикинийцев повезли по берегу океана, где вдоль бетонной взлетной полосы тянулись палатки; возле них копошились туземные женщины и дети.

— Тоже переселенцы? — спросил Джуда у сопровождавшего офицера.

— Нет, это добровольцы, завербованные для работы на базе... О-кэй, вот мы и прибыли на Бикини-стрит.

«Улица Бикини» состояла из пятнадцати одинаковых барачков — деревянный пол да металлический каркас, на который натянута парусина. Гибрид летнего лагеря и бидонвиля. Зато в каждой палатке горела электрическая лампочка, невиданная доселе роскошь. Первое время бикинийцы не выключали свет даже по ночам, чтобы отгонять дух Либокры. Но постоянный свет быстро становится непереносимым, и Джуда на совете старейшин предложил выключать лампочки с заходом солнца. Увы, он был не властен над шумом — днем и ночью на базе садилась и взлетали самолеты. Бензиновая гарь постоянно висела в воздухе.

Старики и большие не покидали Бикини-стрит, остальные питались в столовой для чернокожих-туземцев. Бикинийцам работы предоставить не могли. Зато переселенцам стали показывать фильмы. Кроме того, администратор объяснил вновь прибывшим, что для облегчения отношений с президентом США им нужно иметь не наследственного короля-иройджа, а избранного собственного президента. Все единодушно назвали Джуду. Что касается художественных

фильмов, то ковбойские ленты не на шутку встревожили островитян. Конечно, индейцы, которых им показывали, были свирепыми. Но белые их уничтожали без разбора. И все потому, что индейцы не пожелали добровольно отдать бамбукам свои земли. Одна женщина спросила Джуду (теперь «иройдж» переводилось как «президент»): «А что стало с женами и детьми индейцев, которых убили в бою?» И Джуда не знал, что ей ответить...

Им обещали, что они проживут на Кваджалейне два месяца. Прошло полгода, но американцы ни слова не говорили о возвращении. В конце концов Джуда не выдержал:

— Мы доверили вам свой остров, чтобы вы установили мир на всей земле и чтобы все были счастливы. Но теперь мы хотим получить его назад!

Моряки и ученые плескались в прозрачной воде лагуны: разведывательная миссия «Чилтон» отмечала купанием годовщину подводного взрыва на Бикини. Ровно 365 дней назад радиоактивный гейзер обрушился на корабли эскадры. Сейчас атолл вновь являл собой идиллическую картину райских кущ.

Войдя в лагуну с превеликими предосторожностями, научное судно «Чилтон» скоро оповестило Комиссию по атомной энергии, что Бикини очистился от заражения!

Затем приступили к систематическим исследованиям. Коралловые рифы омертвели, но связано ли это со взрывом? До испытаний вода была настолько прозрачна, что видно было дно на 30—40-метровой глубине. Сейчас видимость сократилась до 10 метров. В чем дело? Лагуна кишела планктоном, причем каким — по 5—10 сантиметров длиной! Нигде больше такой планктон не встречался.

С палубы затонувшего авианосца «Саратога» водолазы достали моллюсков необычного вида. К ним поднесли счетчик Гейгера: радиоактивность превышала норму в 20 раз. Ил на дне лагуны был заражен радиацией на глубину от полутора до трех метров. А значит, и водоросли, и ракообразные, которые там жили... Подумать только, а ведь на поверхности все казалось таким чистым!

«Этот ил является источником постоянного заражения, — заключил д-р Л. Дональдсон, главный эксперт миссии. — Следует опасаться, что продукты распада в зоне взрыва накапливаются в клетках микроорганизмов, кото-

рые, в свою очередь, служат пищей для рыб и крабов. Таким образом, для туземцев, употребляющих морскую рыбу, есть риск заражения даже спустя неопределенное время».

Несколько тунцов, выловленных в лагуне Ронгерика, за 220 километров от места взрыва, преподнесли сюрприз: уровень радиоактивности у них в печени превышал норму в 15 раз. По всей видимости, тунцы заходили в лагуну Бикини и съели там рыбу молодую. Очаг заражения расплывался по океану. «Процесс диффузии не поддается изучению за столь короткий срок, — констатировал Дональдсон. — Мы бродим в лабиринте». Но Комиссарнат по опеке не интересовали детали. Можно ли считать Бикини пригодным для жизни, вот что он желал знать. Но никто не мог взять на себя смелость заявить: «Бикини здоров». Это могло показать только время.

А время шло. Соседи-туземцы, работавшие на военной базе, предупредили президента Джуду, что на север выходит большая эскадра. Одновременно рыболовным и торговым судам запретили заходить в ту зону. Значит, американцы не кончили испытывать «белую смерть»?

Джуда, дрожа от страха, бросился на пирс. «Бикини? Бикини?» — спрашивал он офицеров. Те отрицательно качали головой.

Не надо было быть оракулом, чтобы указать, где прогрямят следующие взрывы: на Энвекоте. И действительно, три взрыва на атолле прошли строго по плану. Уроки Бикини не были учтены. Главное внимание уделено безопасности наблюдателей. Что касается остаточной радиации, то заботы по изучению ее последствий предоставили биологам. А биологи в глазах стратегов выглядели поэтами...

3 июля 1948 года Дональдсон со своей группой вновь прибыл в лагуну Бикини. Уровень радиоактивности ила, как и предполагалось, нисколько не уменьшился. Ученые бросили в «нулевой зоне» лагуны две доски. 15 дней спустя доски были извлечены и подвергнуты анализу. Водоросли, которых коснулось дерево, оставили на нем стойкие радиоактивные следы. Никто не мог сказать, что же станет с островом еще через год. Впрочем, исследовательская группа меньше всего была озабочена судьбой полутора сотен бикинийцев. Важно было установить, что ожидает население тех стран, которые подвергнутся атомному нападению, а также их соседей.

И потом, речь шла лишь о прикидочных взрывах относительно небольшой мощности. Самое страшное ждало впереди.

23 сентября 1949 года президент Гарри С. Трумэн объявил, что Соединенные Штаты больше не обладают монополией на атомное оружие. Нужны были срочные — и весомые — доказательства того, что Америка лидирует в «гонке устрашения». Требовалось взорвать сверхбомбу. Бикини сочли идеальным местом для операции «Браво». Эниветок слишком мал, решила Комиссия по атомной энергии.

Почти все атолла Тихого океана сработаны природой по одному типовому проекту: низкий берег, который полумесяцем окружает лагуну, огорожен частокоралловых рифов. Этот барьер служит волноломом, делая лагуну спокойной заводью. Но если рифов нет, океан безостановочно бьет о берег крутой волной. Именно так обстоит дело на Кили. И именно поэтому Кили был необитаем.

В феврале 1950 года, четыре года спустя после изгнания с родного Бикини, два американских транспорта доставили в южную часть архипелага Маршалловых островов к атоллу Кили 184 бикинийца. Мотоботы, спущенные с судов, не смогли подойти к берегу. Люди прыгали в воду и брели, держа над головой дрожащих от ужаса детей. Капитаны обоих транспортов отказались разгружать при такой волне скарб бикинийцев и ящики с продовольствием; суда ушли пережидать непогоду в лагуну острова Джалуит в 50 милях.

Иройдж Джуда молча смотрел на удалявшиеся бортовые огни.

— Кили — это тюрьма, — тихо прошептал кто-то из старейшин-алабов.

Тюрьма, которую они избрали сами. Бикинийцы жили в бараках военной базы на Кваджалейне, ожидая, что их вот-вот отправят домой, но попали на... Кили. Они не могли знать, что из Вашингтона придет предписание готовить в строжайшей тайне операцию «Браво». Снаряжение должны были доставлять по воздуху на Кваджалейн, там перегружать на суда и везти на Бикини. Присутствие лишних свидетелей на базе исключалось.

Бикинийцам предложили — опять-таки «временно» — перебраться на один из островов: Вотто или Кили. Американская администрация потребовала, чтобы выбор между Сциллоу и Харибдой

был сделан демократическим путем. Совет старейшин проголосовал за Кили: 54 голоса против 22. Результат удивил американцев — условия на Вотто были явно лучше. Да, но Вотто был уже занят маленьким племенем, а стеснять соседей не в обычаях островитян. Тем паче что переждать надо было какое-то время, а там — домой, на Бикини.

Разве могли знать алабы, принимая свое решение, что мало кому из них доведется увидеть свой дом...

Вахтенный Синдзо Судзуки, приняв ранним утром бортовой журнал шхуны «Фукуру Мару» («Счастливый Дракон»), аккуратно записал число: «1 марта 1954 года». На борту все спали. Судзуки бросил взгляд на небо — рваные облака плыли, едва не задевая верхушки мачт.

6.45. Облака внезапно вспыхнули, будто еще одно светило взошло на западе. Судзуки повернулся на восток: заря на своем месте. Посмотрел на запад: второе солнце.

Судзуки бросился будить экипаж. Матросы сгрудились у борта. Да, Судзуки не спятил — на западе облака действительно горят сильнее, чем на востоке, из облаков сыплются искры... Семь минут спустя отдаленный гром докатился до «Счастливого Дракона», а в небе расцвели гигантские белые анемоны. Потом все погасло. Экипаж принялся за работу. Семь крупных тунцов болтались на крючках, надо было втянуть их на палубу.

Но вот чудо — через три часа палубу начали покрывать крупные хлопья, похожие на серый снег. В тропиках забушевала метель! Радист Сонами Масуда забыл в кубрике фуражку, и его черная шевелюра мгновенно стала седой. Масуда и Айкити Кубояма со смехом стали осыпать друг друга полными пригоршнями «снега». Словно расшалившиеся мальчишки, они пробовали его на зуб: снег хрустел. Капитан суровым тоном призвал их к порядку. Масуда, по-прежнему с седой головой, вернулся в радиорубку; настало время выходить на связь с хозяином. Капитан доложил об улове, однако ни словом не обмолвился о странном свечении на западе — какое это имеет отношение к делу? «На борту все в порядке. Прошу разрешения возвратиться в порт».

Никто из членов экипажа «Счастливого Дракона» не знал, что в 6.45 утра 1 марта 1954 года в

50 метрах над островом иройджа Джуды взорвалась водородная бомба, в 750 раз превышавшая мощностью ту, что была сброшена на Хиросиму. Тысячи тонн земли и коралловой пыли взвились в воздух. На высоте 3 тысячи метров огненный шар раскрылся в зонт клубящихся облаков.

На борту американских судов, отведенных на безопасное расстояние в 48 миль от Бикини, наблюдатели приникли к приборам. Стрелки, разом подпрыгнув, показали силу взрыва, близкую к расчетной. Все шло по плану. Однако час спустя защелкали счетчики Гейгера. Было приказано очистить палубы: по ним, смывая радиоактивную пыль, забили струи брандспойтов.

В 190 километрах от эпицентра на самолетах, замерявших уровень радиации в воздухе, тоже загудели сигналы опасности. Да, теперь уже никаких сомнений...

— Облако отклоняется!

По мнению Вашингтонских экспертов, за пределами 450-километровой зоны вокруг Бикини не было необходимости принимать меры предосторожности — к чему лишняя паника? На атоллах Утирик и Ронгелап, ближайших к Бикини, не стали даже оборудовать противоатомных убежищ. Метеорологическая служба обеспечения операции «Браво» предположила, что ветер медленно погонит «белую смерть» на северо-северо-запад, где на три с половиной тысячи миль не было никакой земли. Там патрулировали самолеты и корабли, готовые перехватить случайное судно.

Маленький тунцелов «Счастливого Дракона» проскочил незамеченным...

Пункты наблюдения на Утирике подтвердили, что облако отклоняется: оно вытянулось в длину, коснувшись смертельным дыханием Ронгелика, а потом прошло над Ронгелапом. На этом атолле детишки впервые в жизни играли в снежки на берегу океана. Метеостанция, расположенная на том же острове, приняла атомный «душ». Сотрудники, забаррикадировав дверь и окна, послали в эфир отчаянный сигнал SOS. В отличие от ронгелапцев они-то знали, чем грозит этот снег. С адмиральского судна распорядились немедленно отправить пострадавших в госпиталь на базу Кваджалейн. Персонал метеостанции вывезли быстро. Островитян же — лишь спустя пятьдесят часов после катастрофы.

Зато через час после взрыва председатель Комиссии по атомной энергии адмирал Страус передал для прессы лаконичный бюллетень:

«Седьмое специальное подразделение, выполняющая программу испытаний, успешно произвело взрыв ядерного устройства на полигоне КАЭВ в районе Маршалловых островов. Это испытание — первое в серии тестов».

Ни слова о том, что ветер отнес облако к обитаемому атоллу. Что

взрыв вызвал гигантскую приливную волну на юге архипелага. Что бомба отравила огромные просторы океана. Правда, десять дней спустя после операции «Браво» был опубликован первый медицинский бюллетень, составленный помощниками адмирала Страуса в предельно спокойном тоне: «Во время проведения обычной операции на испытательном полигоне в Тихом океане 28 человек американского персонала и 236 жителей были доставлены согласно плану радиационной защиты на базу Кваджалейн. По сообщениям врачей, состояние здоровья всех обследованных лиц удовлетворительное. По завершении данной серии испытаний жители будут отправлены к месту проживания».

Перенесемся вперед на 23 года. Жители Ронгелапа давно вернулись на свой остров (их держали под наблюдением три с половиной года). Но к настоящему времени только один человек — еще ребенок — избежал операции по поводу опухоли щитовидной железы, что считают прямым следствием облучения. Следы «белой смерти» долго еще держались в почве Ронгелапа, так что даже люди, которые не были дома в тот страшный день 1 марта 1954 года, впоследствии заболели. Десять человек умерло от лейкемии. Даже дети, которые рождались на Ронгелапе в 60–70-е годы, несли на себе проклятье того дня: они появлялись на свет с врожденными дефектами.

Доступ на Ронгелап имеют только американские врачи, причем вызывать их надо за 2500 километров, с Гуама. Рядом, правда, по-прежнему действует ракетная база на Кваджалейне, но там врачи обслуживают только военнослужащих. Гражданское население вынуждено обращаться «по своей линии». Конгресс Микронезии (выборный орган с крайне ограниченными правами) пытался как-то пригласить на Ронгелап группу японских врачей, однако американский комиссариат по опеке запретил им въезд на атолл...

Все это произойдет позже. А пока «Счастливого Дракона» шел в порт приписки, а 23 человека, на которых выпал странный тропический снег, не ведали о случившемся с ними несчастье.

Дежурный чиновник, принимавший рыбу в порту, обратил внимание на болезненный вид рыбаков: кожа покрыта багровыми пятнами, молодые парни не в силах поднять ящик с рыбой, у Масуды выпали все волосы. Чиновник решает позвонить владельцу.

— Нисикава-сан, мне кажется, вам следует приехать. Люди на «Фукуру Мару» явно больны. Возможна эпидемия...

На следующий день токийская газета «Йомиури», опережая всех, вышла с ошеломляющей новостью: «Двадцать три матроса облучены произведенным на Бикини взрывом. Двое находятся в критическом состоянии».

Страна, еще не успевшая прийти в себя от жутких призраков Хиросимы и Нагасаки, была парализована ужасом. Что с облаком? Возможно, не сегодня-завтра оно достигнет Японии?

Нисикава отправил своих матро-

сов в больницу. Но, рачительный хозяин, груз он успел вывезти на рынок. Часть улова была продана в тот же день, остальное ушло на консервный завод и было переработано, прежде чем власти забили тревогу. Оказалось, «Счастливого Дракона» был не единственным судном, которое вело лов в том районе океана. Обследование траулеров в портах приписки показало, что, хотя некоторые были в полутора-двух тысячах миль от Бикини, уровень радиации на них namного превышал норму. А значит...

Значит, радиоактивное заражение грозило не только Японии, но десяткам миллионов людей в Юго-Восточной Азии и Океании. Японцы перестали покупать рыбу, которая наряду с рисом составляет их основной продукт питания. Одна из важнейших отраслей национальной экономики была парализована. К лету страх стали вызывать уже все продукты моря, а затем и сам Тихий океан. Люди боялись купаться и вообще подходить к берегу. Вслед за резкими протестами общественности вынуждено было начать демарши и японское правительство.

Посол США в Токио Джон Эллисон выступил с успокоительными заявлениями: отныне запретная зона вокруг Бикини увеличилась в восемь раз. Все капитаны судов, пилоты самолетов, все заинтересованные лица обязаны очертить на своих картах красным карандашом гигантский круг, в центре которого должен находиться атолл. Что касается рыбы, добытой за пределами опасной зоны, то «крайне незначительного риска радиоактивного заражения можно избежать, подвергая уловы дозиметрическому контролю».

Да, но как быть с течениями, которые направляются от Маршалловых островов к Японии? Ответ американцев: «Скорости течений не превышают 1 километра в час, так что через тысячу миль уровень радиации практически незначителен».

Предположения, уверения, увещевания... Но никто не проводил подробных анализов, никто не брал проб. Зато двенадцать дней спустя после возвращения «Счастливого Дракона» из рокового плавания взрывы вновь начали сотрясать атолл Бикини. Водородные бомбы помещали на баржу в лагу-

не, сбрасывали на парашюте, укладывали на коралловый риф.

Рыболовное судно «Тадеси Мару» по приходе в Кобе подвергли дозиметрическому контролю: смертоносная пыль оказалась не только в трюме, но и на одежде 25 человек экипажа. Между тем тунцелов вернулся из района островов Палау, в 2000 миль к западу от Бикини, у западной оконечности Каролинских островов. Более того, там же, в Кобе, счетчик Гейгера зарегистрировал наличие радиации у судов, промышлявших к северо-востоку от Филиппин, в 3200 миль от Бикини! Японское исследовательское судно «Сунгоцу Мару», зайдя в запретную зону, обнаружило весьма высокий уровень радиации у мигрирующих рыб и планктона. В 500 морских милях от Бикини уровень радиоактивности в литре воды в сто раз превышал норму. Ученые предали гласности свой вывод: «Непрекращающиеся испытания произвели такой же эффект, как если бы в Тихом океане уже началась атомная война».

Не заставили себя ждать и первые жертвы. 23 сентября 1954 года умер от лучевой болез-

ни Айкити Кубояма с тунцелова «Счастливым Драконом». Он попробовал «серый снег», принесенный с Бикини. Два дня спустя скончался Масуда...

Босоногий мальчишка тащит по деревне за веревку ржавую консервную банку. Взрослые поворачивают головы на звук, отводя взор от моря. Весь день они ждут, пока хоть чуть-чуть стихнет волнение. Но океан упрямо бьет и бьет о берег. Нет, недаром Кили был необитаем. Вокруг кишат акулы. С ноября по апрель невозможно выйти в море. С риском для жизни иногда удается прорваться сквозь прибой, но до чего жалок улов — рыбы хватает только на то, чтобы не забыть ее вкус. Кили отрезан от всего мира.

— Наши отцы были отважными мореплавателями...

Дети с недоверием слушали пройду Джуду.

— Не судите по Кили. Здесь мы беспомощны.

Томаки, Игоши, Корани, да и все их сверстники никогда не видели Бикини. Они родились во время большого кочевья — на

Ронгерике, Кваджалейне или здесь, на Кили. Но всю свою жизнь — пять, десять, пятнадцать лет — они только и слышали о Бикини, земле, куда они должны вернуться, но где по-прежнему властвует «белая смерть».

В 1956 году над Бикини вознеслись шесть «грибов». В 1958 году термоядерных взрывов было произведено десять. А всего взрывы прогремели 23 раза. По оценкам специалистов, радиоактивность достигла такой степени концентрации, что для ее «рассасывания» потребуется не меньше десятилетия.

Джуда не сомневался, что остров остался точно таким, каким он видел его в последний раз в 1947 году. Если бы он знал...

В 1958 году на Кили прибыл военный казначей: американцы указали в докладе, представленном в Организацию Объединенных Наций, что бикинийцам за «временное использование» их острова выплачена компенсация в размере 25 тысяч долларов. Бикинийцев вместе с родившимися уже на Кили было 330 человек, так что пособие достигло 75 долларов на душу в год.

Король Джуда с нетерпением ждал прибытия казначея. О нет, он не рассчитывал купить что-либо на эти деньги — ведь на Кили не было ни товаров, ни магазинов, а на базу Кваджалейн их не пускали. Доллар был не властен в коралловой тюрьме. Джуда ждал корабль, чтобы передать начальнику бамбуков жалобу. Которую уже по счету... «Море недоступно. Рыбы нет. Болота кишат насекомыми, и те разносят заразу. Если кто-то заболевает в сезон гроз, его некому лечить...»

— Опять эти бикинийцы! — разводили руками чиновники по опеке. — На них не угодишь. Ведь ждать осталось совсем недолго.

Ждать надо было еще десять лет... 12 августа 1968 года между сообщениями о расовых беспорядках в США и сводками о военных действиях во Вьетнаме диктор одной из калифорнийских радиостанций сообщил: «Президент Джонсон, пребывающий на своем ранчо в Техасе, заявил, что более не существует опасности радиоактивного заражения на атолле Бикини. Желающие вернуться туда могут сделать это». Диктор закончил свою речь следующей фразой: «Какие-то точки атолла, возможно, останутся еще во временном ведении военного персонала, но туземная община сможет переехать на остров. Кстати, план переселения уже разрабатывается. Итак,

атомная война в Тихом океане закончена».

Можно возвращаться! По иронии судьбы послание высокого комиссара привез на Кили опять военный казначей. Скрупулезный офицер, он желал вручить его адресату — «президенту» Джуде, и только ему лично. После бесплодных переговоров офицера повели в глубь острова, где показали могильный камень. Иройдж не дождался радостного известия.

9 сентября высокий комиссар «Подопечной территории Тихоокеанских островов» В. Норвуд пригласил девятерых алабов, членов совета старейшин, отправиться с ним на Бикини, чтобы «оценить на месте масштабы подготовительных работ». Полковники, физики-атомники, администраторы, этнографы и фотографы заняли на борту армейского исследовательского судна «Капитан Кук» все спальные места. Делегаты Бикини всю ночь дрожали от сырости на открытой палубе под брезентом.

Наутро им роздали парадные костюмы, в которых, по мысли интендантства, туземцы должны были выглядеть прилично: белые рубашки с галстуками-бабочкой и лакированные туфли.

Алабов было девять, а репортеров — девятнадцать. Они первыми прыгнули в воду спиной к берегу — важно было запечатлеть «радостное волнение» на лицах бикинийцев, впервые за 22 года ступавших на родную землю.

«Объективы запечатлели выражение безмерного удивления на лицах островитян», — пишет очевидец этого события француз Андре Кутен в своей книге «Возвращение на Бикини».

Они не узнавали родных мест. Между тем Бикини перед прибытием гостей был подвергнут генеральной уборке. Целая саперная часть заваливала бульдозерами туннели, взрывала бетонные капониры, стаскивала в лагуну ржавую арматуру. Первое, что пожелали сделать бикинийские пришельцы, — это поклониться могилам предков. Но на месте кладбища они нашли только одно захоронение по соседству с грудой пивных бутылок.

Бикини потерял свои кости, — в тоске промолвил иройдж Лоре, сменивший умершего в изгнании Джуду.

Слезы текли по его щекам. Однако американцы не собирались отказываться от намеченной программы: торжественный подъем флагов, речи и так далее. После трагедии последовал фарс. Второпях забыли про флагштоки, поэто-

му высокий комиссар распорядился срубить и поставить рядом два дерева. Флаг Микронезии — несколько белых звезд на ярко-синем фоне — благополучно запылился по ветру. А флаг Соединенных Штатов застрял на полпути. Минутная заминка, и вот уже один из алабов, скинув тесные туфли, вскарабкался по стволу и освободил запутавшийся тросик.

Успокоенный В. Норвуд произнес речь: «Вы — дети Америки. Вы помогли нам, доверив свою землю ради установления мира на земле. Отныне вы можете вкушать плоды этого мира на своем острове...»

Представитель Комиссии по атомной энергии приблизился к Лоре и его спутникам для вручения памятных медалей, на которых было выбито: «Бикини, 1968». Одной медали не хватило. Но ничего, ее пришлют из Вашингтона и обязательно вручат, поспешил заверить представитель.

Когда официальная часть закончилась, прибывшие с удовольствием устремились за сувенирами. Ученый-атомник подобрал стеклянный поплавок от японской сети — украсит вход в его виллу. Полковники собирали оплавленные взрывами кусочки металла — с самого Бикини, из адского котла. «Сувениров» осталось предостаточно, несмотря на приборку, — остовы автомобилей, понтоны, трубы, цистерны, решетчатые фермы башен. Физик МакГрау поднес к ним счетчик Гейгера.

— Эти останки уже не «горячи», но я не рекомендовал бы никому сидеть на них долгое время...

В густой растительности были видны щиты с красными надписями: «Осторожно! Употребление в пищу любого плода на этом острове может повредить вашему здоровью». Их поставили еще в 1958 году, когда весь Бикини был «горячим». Но остыл ли он окончательно?

Иройдж Лоре смотрит на восточный берег — там рядом с Бикини были еще два крошечных островка, примыкавших к атоллу; на них росли чудесные хлебные деревья. Островки исчезли. Если бы Лоре умел расшифровывать снимки, сделанные из космоса, он бы увидел в этом месте огромный темный кратер на дне лагуны.

— Здесь можно создать дивный курорт! «Нью-Бикини!» — в восторге воскликнул один из администраторов.

Бикинийцы молчали. Атомная бомба убивает все. Даже мечту о доме.

— В самом деле, — согласился

высокий комиссар, — представьте себе — шикарный отель, рай для любителей подводной охоты, мекка воднолыжного спорта. От желающих не будет отбоя — теперь благодаря нам Бикини пользуется всемирной славой!

Сотни миллионов долларов были истратены на то, чтобы превратить Бикини в необитаемый остров. Теперь в мечтах высокий комиссар видел атолл «на порядок лучше, чем его создал господь бог». Образцово-показательной витриной. Примером заботы Соединенных Штатов о подопечной территории. Тем более что деньги на сей случай были. Теоретически. Еще десять лет назад был создан Фонд Бикини (о котором, правда, островитяне не ведали). На счет бикинийской общины было положено 300 тысяч долларов. При ревизии, однако, оказалось, что за это время более 200 тысяч было выплачено... американским чиновникам на «административные расходы». Какие такие расходы? В графе значилось: «Организационное планирование». Под этим звучным термином, очевидно, подразумевалось полное забвение, в котором оказались изгнанники на Кили. Эти 300 тысяч долларов должны были приносить 3,5 процента годовых, а вся сумма выплачена в момент возвращения. Но, увы, Фонд Бикини испарился.

Депутация бикинийских алабов вернулась на Кили. Скоро домой, объявили они. Начались радостные сборы — неужели вот-вот можно будет покинуть коралловую тюрьму?!

Бикинийцы не знали, что Соединенные Штаты, опекающие Каролинские, Марианские и Маршалловы острова, обязаны отчитываться перед ООН. Сооружение Нью-Бикини, искусственного рая в прежнем аду, должно было стать «возмездием» очередного доклада, а оно требовало времени.

План новой деревни, выполненный в красках, был привезен на Кили в мае 1969 года. На ватмане красовались 50 стандартных домиков, крытых алюминем — «их стены должны выдерживать удары любого тайфуна», — подчеркивали администраторы. Ну а место будущей деревни по просьбе алабов было великодушно перенесено ближе к прежнему кладбищу, чтобы дух предков защитил будущих бикинийцев от несчастий. Кто знает, какая судьба еще ждет маленький народ...

Прошел еще год, другой, третий... Наконец после бесконечных проволок торжественное открытие Нью-Бикини было назначено на 1 мая 1974 года. Информационная служба комиссарата по опеке оповестила об этом событии все крупные агентства печати, мобилизовала журналистский корпус. Но бикинийцы категорически отказались превращать долгожданное событие, ставшее стольких душевных и физических мук, в парадное шоу.

Они высиделись на берегу в молчании. Так же молча они прошли мимо выстроившихся шпалерами домов под алюминиевыми крышами. Они не желали больше иметь дело с бамбуками.

По материалам иностранной печати подготовил
Б. ТИШИНСКИЙ

*Мастерицы из поселка Кедон.
Фото С. Козловского*

С. КОЗЛОВСКИЙ
Фото А. МАСЛОВА

ХАРЧ

Кольцо насквозь промерзших гор и чахлое редколесье окружали Кедон. Добраться до поселка, затерянного среди простора Магаданской области, можно было только са-

БИОГРАФИЯ РЕМЕСЛА

молетом. Несколько домов, клуб, медицинский пункт, магазин, пекарня, склады, метеостанция — вот и весь Кедон, базовый поселок одного из отделений оленеводческого совхоза «Буксунда». Мне предстояло работать

здесь в красной яранге. Работа как работа, и я не ждал особых для себя открытий от пребывания в этих краях. Но, как оказалось, напрасно.

...Стоял зимний день, когда все погружено в сумеречную голубизну, окутано толстым слоем инея, от которого лиственницы кажутся столбами дыма, а дым в неподвижном воздухе поднимается подобно гигантской лиственни-

це. И тишина такая, какая может быть лишь в северном краю. Вдруг за моей спиной раздался странный перезвон и мягкий оклик: «Дорова, яранга, что чай пить не заходишь?» Я оглянулся и увидел... ожившую иллюстрацию к сказке: вся в блеске серебра, ярких бисерных узорах на темном фоне мехов, в нежном перезвоне колокольчиков стояла красавица. Всмотрелся присталь-

ней — да ведь это тетя Поля, Пелагея Семеновна Амагачан!

Этот миг — миг полного созвучия творения человека и природы — навсегда врезался мне в память.

Неудивительно, что меня, человека, проведшего половину жизни в горнячках поселках, так поразили наряд эвенов. Впоследствии, интересуясь их национальной одеждой, я узнал, что красотой костюмов эвенов-тунгусов и эвенов-ламатов восхищались и немало поводавшие путешественники XVIII—XIX веков. Академик А. Ф. Миддендорф писал: «Что значат в сравнении с их костюмами произведения наших наемных изготовителей нарядов? Самые блестящие костюмы или парадные мундиры наших самых щеголеватых гвардейцев? Разве еще камергер может сравниться с нарядным тунгусом...» Далее Миддендорф характеризует тунгусское шитье как «великолепнейшее», «блистательнейшее». Енисейский губернатор Степанов в 1835 году сравнивал тунгусский кафтан с испанским камзолом. Наряд невесты-ламутки оценивался в 500 рублей. Один только серебряный гравированный пояс — «калби» стоил, по словам эвенов, столько, сколько три оленя.

Старожилы Кедона показывали мне эвенский традиционный костюм и охотно повторяли название каждой детали. После таких разговоров моя записная книжка стала походить на русско-эвенский словарь. Костюм состоял из однобортного мехового или замшевого кафтана — «наймика», или «дудэка», фартука-нагрудника — «нэл», замшевых штанов — «хиркы», шапки-капора — «авын», или «корбакка», обуви — «унта», перчаток — «хайыр». Мужская одежда отличалась от женской более коротким кафтаном, скромной вышивкой и отсутствием подвесок — колокольчиков на фартуке. Несмотря на суровейшие условия (эвены живут и на полюсе холода в Оймяконе, и в окрестных горах), эвенская одежда выглядит легкой и элегантной.

Старики говорили, что, мол, теперь восхищаться-то особо нечем: «Посмотрел бы, как мы в молодости кочевали! Во вьючной связке по двенадцать оленей. Расшитые седла, вьючные сумки — «мангурки» с бахромой почти до земли, все вьюки укрыты сверху ковриками — «кумнан»... Во главе связки — всадница со сверкающим посохом — «нэри» в руках. Вспоминать красиво!»

Сейчас мужчины в тайге при зимних переходах надевают меховую одежду коряжского типа, а каждодневно — европейскую, лишь торбаса носят постоянно. Всю одежду и обувь шьют из шкуры северного оленя. Мужчины пасут оленя, забивают и снимают шкуру, а потом она попадает в женские руки.

Выделка шкур — тяжелый, кропотливый труд. Просто диву даешься, как маленькие руки эвенков справляются с горой грубого шкурья! Даже нежная шкурка еще не родившегося олененка — пыжик — далеко не готовый материал, из которого можно шить. И тем не менее даже сейчас таежники эвены не пользуются почти никакими химикатами-дубителями; разве иногда слитой заваркой чая или жидким тестом из отрубей смачивают сухую шкуру и мнут, мнут руками, пока она не станет сухой и мягкой.

При обработке камусов, то есть шкуры с ног оленя от колен до копыт, а также при изготовлении замши пользуются кожемалками и скребками. Иногда кожу дымчат, чтобы она стала более долговечной и не боялась влаги, а белая замша при этом еще приобретает золотисто-желтый цвет. У моих соседей — семьи Нивани — во дворе постоянно дымится такой чум, укрытый шкурами и замшей, а внутри, над тлеющими гнилушками, рядами висят камусы.

Когда бы ни пришел в оленеводческую бригаду — не увидишь женщин праздными, разве только ради гостя оставят они шитье, так что я видел за работой всех кедонских женщин. В том числе и одну из лучших мастериц — Кэтэ Давыдовну Нивани.

Работают мастерицы обычно сидя на полу, даже в городской квартире. Так удобней. Кладут на ногу кроильную доску — «тиневын», а рядом — сумочку для рукоделья — «авсы» с набором иголок, сухожильных и капроновых ниток, кусков цветной материи.

Кроят на доске ножиком, не делая предварительных разметок, но так уверенно, что диву даешься! Выкройка унта из четырех-пяти камусов или «чижа» (мехового чулка) занимает считанные минуты; сшивают детали ниткой из спинных сухожилий оленя. Такая нитка, если и оборвется в одном месте, то остальной шов все равно остается целым, капроновая же с лихосью выскальзывает по всей длине шва. Шить мастерицы предпочитают трехгранной

иглой. Но сейчас такую днем с огнем не найти, поэтому перед тем, как приняться за работу, Кэтэ Давыдовна вооружается напильником или бруском и стачивает обычную иглу на три грани.

Когда Кэтэ Давыдовна шьет унты, возникает впечатление, будто работает она без всякого напряжения, а кожа камуса необычайно податлива — так ловко и быстро мелькает иголка в ее руках. При этом тетя Катя еще рассказывает что-либо или напевает. Если же самому попробовать сделать десяток стежков, сразу убедишься, что кожа остается кожей — неподатливой и плотной, здесь секрет в руках, с детства владеющих материалом и иглой.

Высокие, как болотные сапоги, мужские унты — «мэрун» и женские нарядные — «нисами» кроются так же, как и обычные, рабочие, только камусы подбираются получше и покрашены: белые, серебристо-серые, или же почти черные с ровной, густой и блестящей шерстью. Но самыми изысканными и редкими считаются белые унты. Подошву унтов, в которых охотнику идти в тайгу, шьют из стриженной шкуры сохатого или из нерпичьей кожи.

Обычно мастерица отделяет унты полосками белого камуса, а также белыми зубчиками или «зеркальцами» на носке унта. Верхнюю часть голенища украшает мозаичным узором. Кладет опушку из крепкого пушистого меха — собачьего, лисьего. Иногда окаймляет узор двумя нитками бисера: белой и черно-белой. Женские унты несравненно богаче орнаментированы — так и сверкают ярким бисерным узором! Бисерные полоски вставлены в боковые швы, верх стопы украшен широкой вышивкой, а верх голенища на десять-двенадцать сантиметров сплошь расшит.

Кэтэ Давыдовна, как, впрочем, и все мастерицы, очень придиричиво относится к своей работе. Однажды онашила тапочки, чтобы отправить ко дню рождения знакомой «на материк». Камусные тапочки были очень изящны, расшиты чудесно, с беличьей опушкой. Но самой тете Кэтэ чем-то не нравилось, и она их не отправляла, пока не нашла белый мех на опушку. И уж тут стало очевидно, что тапочки стали еще красивей: «Хотя подарок придет и с опозданием, зато не скажут, что как попало сделано».

Бисерная вышивка трудоемка, зато и живет не год и не два. Исполняют ее обычно на полосе замши. Сначала мастерица нани-

зывает бисер на нитку (раньше — на сухожилие оленя), потом накладывает ее на замшу и закрепляет стежком каждую бисеринку, начиная с центра узора. Износятся одни унты или кафтан, а вышивку берут да и на новую одежду перешивают: вот и встречаешь порой шитый старинным, едва ли не XVIII века, индийским бисером узор на совсем новых вещах. Имея на вооружении пять-шесть узоров: паучки, зигзаг, ромбики, несколько мозаичных мотивов да еще полузабытую у нас на Буксунде плетенку из разноцветных ремешков, мастерицы умудряются вышить каждую вещь по-новому, на всякие лады комбинируя эти геометрические элементы.

При всей яркости и обилии узоров эвенская одежда не кажется пестрой, так как основная цветовая гамма довольно сдержанна — черно-бело-голубая, как бы вобравшая в себя цвета зимнего пейзажа Колымских нагорий: белые снега, черные скалистые обрывы, синие тени ущелий.

Имеют ли орнаменты какое-либо значение, кроме декоративного, — неизвестно. Лишь круглый узор на перчатках, похожий, был не только украшением; его название «иньгыр» переводили как «подарок» — символизировав солнце, он, видимо, играл роль оберега, поэтому раньше его вышивали и на детской одежде.

Похожий орнамент имеется и на круглой сумочке для огнива — «хилтык». Судьба этой символической вещицы интересна — хотя огнива давным-давно нет, хилтыки имеются даже у русских оленеводов. Объясняется это просто — его стали использовать как патронташ.

О мастерстве эвенов в последние годы заговорили: очень модными стали унты. Их можно увидеть не только в Магадане, Хабаровске, Москве, но даже в Прибалтике (хотя в них там, наверное, жарковато). Ну а жительницы Севера считают делом престижа иметь такую обувь — благо мороз действует заодно с модой.

Конечно, все хотели бы иметь унты, сделанные руками таких мастериц, как Кэтэ Давыдовна Нивани, Эвдэ Прокопьевна Гурьи или Акулина Сергеевна Гарпани, но эти мастера шьют в основном более прозаичные и необходимые в таежном быту вещи: спальные мешки, рабочую обувь, чужи, одежду для пастухов. А национальную одежду, унты, столь милые сердцу горожанок, изготавливают, когда позволит время...

Многие национальные ремесла звенов уже канули в вечность, а хэрчэ — искусство вышивки, национальное шитье — живо, живо до сих пор. Но лучшие мастера работают в тайге, а поскольку молодежь живет в основном в интернатах, то невольно отрывается от истоков прекрасного народного искусства.

Может быть, стоит уже сейчас создавать при школах и интернатах кружки по изучению старинного мастерства, обучать шитью из шкур и вышивке традицион-

ных орнаментов, проводить занятия по народным ремеслам для всех — и коренных жителей, и приезжих, привлекая к преподаванию лучших мастеров, знатоков народного искусства, энтузиастов?

Может быть, сохранению старинного ремесла могли бы помочь и мастерские по пошиву национальной одежды? Хочется верить, что не забудется вышивка, и старинные узоры разгорятся ярче, радуя людей, живущих в этом суровом краю.

КОМПАС У ДРЕВНИХ ИНДЕЙЦЕВ?

Десять лет назад в ходе раскопок древнего поселения ольмеков около современного города Сан-Лоренсо (штат Веракрус, Мексика) был обнаружен обработанный обломок магнитного железняка длиной несколько более трех сантиметров.

Американский археолог Майкл Д. Кау, которому находка была передана для изучения, пришел к убеждению, что этот черный отполированный обломок магнитной породы представляет собой часть довольно крупного прибора. В анализе физических свойств находки принял также участие физик Джон Б. Карлсон. Согласно его исследованию возраст предмета составляет около трех тысяч лет.

Известно, что в доколумбовской Центральной Америке индейские племена ольмеков нередко строили свои города так, что их улицы и здания были ориентированы относительно сторон света. Особенно часто это делалось при сооружении храмов, вокруг которых и возникали города.

Ориентация культовых сооружений была, несомненно, важным фактором в религиозных представлениях ольмеков. Поэтому, как считают специалисты, вполне вероятно, что находка представляет собой часть древнейшего компаса. За это также говорит тот факт, что вдоль бруска магнетита тянется параллельно его сторонам почти осевой желобок. Вероятно, он мог служить для ориентации всего прибора.

При проверке «компасных» свойств обломок железняка занял направление, отходящее на $35,5^\circ$ к западу от линии север — юг (бороздка на его поверхности позволяет достигать точности около $0,5^\circ$). Такое отклонение может быть объяснено перемещением магнитного полюса, которое в течение всего четырех веков иногда достигает 30° . Однако археомагнитные измерения в Центральной Америке, относящиеся к эпохе первого тысячелетия до нашей эры, практически еще не производились.

До сих пор предполагалось, что первые в истории компасы были созданы на Дальнем Востоке, в эпоху династии Хань, то есть примерно в первые годы нашей эры. Если истолкование открытия в Мексике подтвердится, изобретение компаса придется существенно перенести как во времени, так и в пространстве.

ЛЕНТЫ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

МЕЖДУ ПАНТЕРОЙ И ТИГРОМ

Внимание! Хотя эта история подлинная, а не сказка, но в ней с самого начала появляется король. Настоящий король по имени Махендра Бир Бикрам Шах Дева. По примеру сказочных королей этот король путешествует и охотится. Вот он попадает в грузинский лес и прицеливается в оленя. Тверда королевская рука, верен королевский глаз.

Падает подстреленный олень...

Справа от короля находился еще один стрелок. Только в руках у него было не ружье, а кинокамера, ибо был он по профессии кинорежиссер и кинооператор. Звали этого человека Георгий Ираклиевич Асатиани.

Король Махендра Бир Бикрам Шах Дева, очень довольный трофеем, обернулся к спутникам и стал рассказывать, какие удачные выстрелы случались ему делать на охоте у себя дома, в Непале.

— Вы представьте, — говорил король, — двадцать боевых слонов с отточенными бивнями направляются вперед...

— Непросто это представить, — заметили сопровождающие. — Мы никогда не были в Непале.

— Я приглашаю всех, — сказал король. — А вас, — он обернулся к Асатиани, — особенно. И не забудьте свою кинокамеру...

Высоко в Гималаях лежит королевство Непал. Лучшие альпинисты мира — люди народности шерпов — живут на склонах гор, к которым принадлежит и высочайшая вершина мира Джомолунгма.

А долины заросли густыми, почти непроходимыми джунглями — их называют «тераи». Здесь водятся и слоны, и пантеры, и самый сильный, жестокий и коварный хищник — тигр.

Когда уже немало коробок было заполнено отснятой пленкой,

Асатиани спросил у королевского министра:

— Нельзя ли посмотреть охоту на тигра?

Министр, который прежде на все просьбы Асатиани неизменно отвечал «конечно» и «пожалуйста», немного смутился. А потом объяснил:

— Это непросто. Такая охота бывает единожды в пять лет, а прошлая была всего лишь год назад. Дело это дорогое и сложное — в охоте принимают участие 20 слонов и 2000 человек. И охотиться надо в тераях, где право на добычу тигров имеет только один человек в Непале — король...

Король не забыл убитого им оленя и назначил охоту на тигра.

В чаще тераев слоны вытоптали в трехметровой траве поляну. На ней поставили охотничий лагерь — палатки, ресторан, баню и площадку для танцев. Королевский бивак обнесли забором. Ночью дикие звери подходили так близко, что иногда терлись боком о забор. А днем убежали подалее от людей, в самую чащу леса.

К пятнадцати деревьям вокруг лагеря привязали пятнадцать буйволят. И на каждое из этих деревьев забрался наблюдатель. Ждать пришлось недолго. Огромный тигрище выпрыгнул из густой, высокой травы и одним ударом лапы убил буйволенка. Потом он пообедал и тут же улегся отдыхать. Когда наблюдатель убедился, что тигр заснул, он слез с дерева и поспешил в лагерь с сообщением: «Тигр есть!»

Началась облава. Десять боевых слонов наступали на тигра, а остальные окружали его. Куда ни бросался хищник, охотники выкладывали перед ним непроходимую преграду — полосу белого полотна.

Слон, на котором ехал Асатиани,

двигался позади. Слон нервничал. Корзина тряслась так, что снимать из нее было невозможно.

Асатиани понял: если немедленно не слезть на землю, он не успеет снять самую интересную часть охоты. Он спрыгнул со слона и стал карабкаться на ближайшее дерево. Залез, устроился на суку и едва начал снимать, как вдруг что-то быстро защелкало по листьям — очередь из автомата! Но откуда, кто стреляет? Тяжело пролетела мимо и шлепнулась на землю пантера. Она пряталась в листве на вершине дерева, и охотник, заметивший ее, решил стрелять немедленно, не тратя мгновенья на предупреждение.

Охота близилась к концу. Окруженный слонами, тигр бросался из стороны в сторону, но всюду наткнулся на отточенные бивни. Наконец пространство его жизни уменьшилось до нескольких метров. Король взял в руки ружье. После выстрела тигр подпрыгнул и метнулся в траву.

Что делать? Несколько охотников с ножами пошли к тигру. Если он ранен — его надо добить, однако и тигр зевать не станет: достанет кого-нибудь лапой — пищи пропало. Но из травы послышался радостный клич. Тигр был мертв.

Кадры, снятые на этой охоте Асатиани, вошли в два фильма: «Путешествие в Непал» и «Королевская охота».

СИНДБАД-МОРЕХОД

В начале 1964 года Асатиани попал в Марокко и начал съемки фильмов о Северной Африке. Нужно было отснять эпизод о ловле знаменитых марокканских сардин. А для этого следовало выйти в море и разыскать флотилию промысловых сейнеров, правда, без пропуска портовых

властей выход в море запрещен. Наконец, получив пропуск, Асатиани стал подыскивать себе судно. Выбор был велик.

Взгляд кинорежиссера остановился на великолепном моторном сейнере, гордо выделявшемся среди всякой плавающей мелочи. И капитан тоже понравился Асатиани — высокий, мрачный, в оранжевых шароварах, чалме, в шитых золотом туфлях с загнутыми вверх носами. Совершеннейший Синдбад-мореход из сказок Шехерезады.

Договорились о цене и, не теряя времени, вышли в море. Ночью Асатиани проснулся от странного шума. Это не походило на монотонные удары волн о корпус. Нет, сейнер, видимо, куда-то причалил. На палубе раздавались торопливые гортанные команды, гремели какие-то грузы, шлепали босые ноги.

Асатиани вскочил, бросился к

двери каюты. Она была заперта снаружи. На крики никто не ответил.

Утром сейнер снова вышел в море. Дверь приоткрылась, и рука капитана, которую Асатиани запомнил по украшавшим ее четырем массивным перстням, просунула в каюту тарелку с едой. — Что это значит? Немедленно откройте дверь!

— Спокойно, хозяин, спокойно, — раздался голос капитана, — еще день-другой, и мы займемся вашим делом.

— Я требую, чтобы меня выпустили из каюты.

— Боюсь, что вы будете вмешиваться в наши маленькие хлопоты. А мне бы не хотелось этого. Лучше подумайте, что вы желаете съесть и выпить за обедом. Клянусь, я угощу вас не хуже, чем в парижском ресторане. Вино выделю из собственных запасов.

Асатиани улегся на койку и закурил. Волны хлестали сильнее, чем прежде: наверное, усилился ветер. На полном ходу сейнер шел в неизвестном направлении.

Еще трижды он приставал к каким-то берегам. Снова шлепали по палубе босые ступни, громыхали ящики, злобно ругался капитан.

На четвертые сутки дверь каюты оказалась открытой. Капитан сидел на палубе в парусиновом шезлонге и созерцал горизонт в бинокль.

Увидев Асатиани, капитан нервным голосом произнес:

— Вам повезло, хозяин. Час

назад мы обнаружили флотилию сардинников. Хотите взглянуть? — и протянул кинорежиссеру бинокль.

В мареве расплывались контуры десятка юрких суденышек.

— Скоро мы их догоним, — продолжал марокканец. — Вы довольны?

Такой наглости нельзя было не удивиться.

— А что, если я расскажу о ваших контрабандных делишках в Танжере? — спросил Асатиани.

— Все мои матросы присягнут, что у вас был острый приступ морской болезни. Кроме того, для таможни необходимы улики, а на судне нет ни одного грамма предосудительного груза.

— Да, вы ловкач, ничего не скажешь, — вынужден был признать Асатиани.

— Это необходимо в моей профессии. А то пришлось бы мне ловить сардины вместе с этими беднягами. Однако успокойтесь, хозяин. Все, о чем мы договорились, будет исполнено.

И контрабандист сдержал слово. Он показал чудеса морского искусства, лавируя между судами, которые снимал Асатиани.

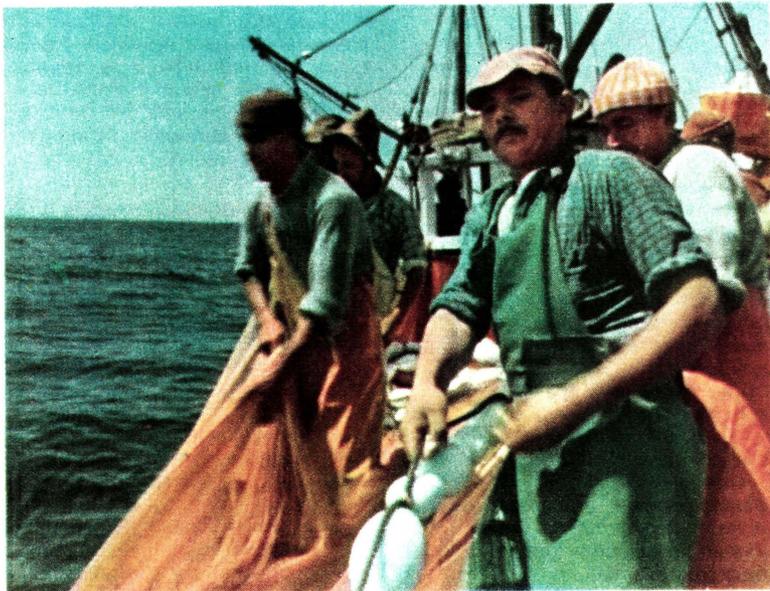
Когда сейнер причалил в Танжере, Асатиани протянул капитану условленную плату — пятьдесят долларов.

— Нет, нет, совсем не надо, — капитан отодвинул деньги. — Вы расплатились своим пропуском. За эти четыре дня я заработал достаточно, полсотни, пожалуй, пригодятся и вам, — и мрачная разбойничья физиономия марокканца внезапно расплылась в улыбке.

Улыбающийся, в своей огромной чалме, золотых туфлях и уже не оранжевых, а ярко-вишневых шароварах, он еще больше походил на Синдбада-морехода из сказок Шехерезады.

ШЕСТЬСОТ МЕТРОВ ОТЧАЯНИЯ

Австралией Асатиани заинтересовался давно. Любопытно было все, что связано с пятым континентом. Но до поры до времени доходили до Георгия Ираклиевича только самые поверхностные сведения — картинки, открыточки да экзотические книжки про кенгуру и дикую собаку динго. И режиссер Асатиани задался целью показать на экране, что стало с коренным населением Австралии — аборигенами материка. Но когда киноэкспедиция собралась приступить к работе, оказалось, что аборигенов предпочитают не показывать иностранцам. А людям с киноаппаратом — особенно! Все

просьбы Асатиани были бесплодны. Племена аборигенов съемкам не подлежали. Как быть?

Ему повезло. Случайно он столкнулся с человеком, который согласился быть его проводником и переводчиком. И ко всему прочему еще достал разрешение на поездку к аборигенам: помогли связи в министерстве, где он когда-то работал.

Чиновники, от которых зависела поездка, принялись на все лады отговаривать режиссера: «Вы к аборигенам? Ни в коем случае! Они могут напасть на вас! Вы заразитесь от них неизлечимыми болезнями! Вы просто заблудитесь. Племена кочуют, и их почти невозможно разыскать».

Как бы там ни было, но раз-

тая тех немногих, что заняты на самой черной работе.

...В Дарвине Асатиани познакомился с профессиональным охотником Падди Тейлором. Вообще-то специальностью Тейлора были крокодилы, но для начала он предложил Асатиани поохотиться на буйволов.

Охота на буйвола — одна из самых опасных. Разъяренный зверь несет со скоростью поезда, и промазавший охотник может считать себя покойником.

Тейлор вышел вперед. Асатиани расположился за деревом, в засаде. Внезапно раздался выстрел, два подряд. Мимо! Он выбежал и... почти не целясь, послал заряд в буйвола, набегающего на Падди.

решение выписали по всем правилам, и наконец Асатиани получил допуск в небольшую резервацию, которую населяли около тысячи коренных австралийцев — совершенно опустившихся, больных и безразличных. Все, у кого были силы, ушли на крайний север и запад Австралии, в дикие, необжитые края, где вели борьбу за существование, ничем не отличающуюся от тяжкой жизни далеких предков.

Когда белые начали колонизировать Австралию, число аборигенов на материке превышало триста тысяч человек. Теперь их около сорока тысяч. Девятнадцатый век, а затем и двадцатый прошли по аборигенам смертоносной эпидемией.

Они не считаются полноправными гражданами страны. В крупных городах их почти нет, не счи-

Тейлор стоял на колене, бешено дергая заклинивший затвор. К счастью, на этот раз в руках оператора была не камера, а винтовка. Он попал в цель.

Дальше Асатиани и Тейлор двинулись вместе. Они долетели до Манингриды, городка на самом краю австралийских «диких» земель. В Манингриде погрузились на моторку Тейлора и вместе с проводниками-аборигенами поплыли сквозь заболоченные чащобы.

День за днем по речушкам и заводям они перетаскивали лодку волоком, отталкивались шестом; иногда, впрочем, помогал и мотор. На исходе третьей недели Асатиани и Тейлор увидели на берегу костер. Около огня сидели люди. Это была стоянка аборигенов.

После недолгих переговоров,

которые вели проводники, гостей пригласили к костру. Асатиани начал снимать.

Кадры охоты, обрядов, танцев аборигенов вошли в фильм «Дороги пятого континента».

...Непереносимо долго глядят с экрана усталые глаза старика. Кажется, камера не в силах оторваться от этого взгляда. Невиданный, таинственный, первобытный мир, безысходность, отчаяние — и все это Асатиани выразил в шестистах метрах пленки.

СЪЕМКА ДЛИТСЯ МИНУТЫ

В Греции, на Халкидонском полуострове, неподалеку от горы Афон, расположен грузинский Иверский монастырь. Казалось бы, чего проще — бери камеру и отправляйся в гости к монахам! Не тут-то было.

Прежде всего подобного рода съемки в Греции считаются статьей государственного дохода, а все, что связано с религиозными учреждениями, находится в ведении архиепископа.

Опять мучительные хлопоты. Наконец, архиепископ разрешает съемки на Афоне, но предупреждает, что это не распространяется на Иверский монастырь.

...Асатиани подошел к воротам монастыря смиренным паломником. В руках у него была корзина с верхней одеждой, скинутой, чтобы спастись от полуденного жара. На дне корзины лежала кинокамера. Разговор с монахами завязался быстро. Они пригласили Асатиани в монастырь, стали расспрашивать о новостях.

Потом рассказали о монастыре. И рассказы их не выходили за границы далеких столетий. Иверия была для монахов страной полумифической, давно страной с лица земли.

Асатиани удивился: «Иверия — это же древняя Грузия! А о существовании Грузии спорить не приходится, тем более что перед вами живой грузин, иначе — ивериец».

Сообщение вызвало переполох среди монахов, побежали за настоятелем монастыря Максимом.

Максим решил проверить сомнительные речи гостя. Он подвел Асатиани к иконе иверской богородицы и попросил его перевести надпись, выбитую на серебряном окладе.

Асатиани пригладелся и тотчас перевел.

Это решило дело. Максим воздел старческие руки:

— Сын мой, ты тут не гость, а хозяин — распоряжайся.

Асатиани достал камеру.
— Разрешите мне снять несколько кадров в монастыре.

Несмотря на недавнее торжественное заявление, услышав просьбу, Максим приуныл. Высокое начальство строго-настрого запретило всякие съемки в монастыре. Но отказать иверийцу было невозможно, и Максим нашел решение, вполне соответствующее его мудрости и сану.

— Сегодня в половине третьего монастырь посетит духовная инспекция. Хорошо бы до этого, сын мой, ты уехал отсюда. А пока — твоя воля! — снимай.

БАРАБАН ПРОЩАНИЯ ЗОВЕТ ВЕРНУТЬСЯ

...Я сидел один в просмотровом зале Тбилисской киностудии. На экране — «В стране инков»: фрески, керамические фигурки, развалины гробниц и храмов, ворота с непонятными рисунками и письменами. И над всем этим — белесое, выцветшее от жары небо. Это Южная Америка, Перу. Земля, где некогда простиралась страна инков.

Режиссер и здесь решил снять индейские племена в естественной, неподдельной обстановке. Для этого потребовалось путешествие не менее опасное, чем в Австралии.

На плоскодонной моторной лодке Асатиани проплыл полторы тысячи километров по Амазонке. Иногда лодка останавливалась, и путешественники уходили в глубь тропического леса. Встречали диких зверей, птиц, анаконд, встречали сборщиков каучука — серингейрос, а племена индейцев все не попадались.

В последнем городишке Асатиани предупредили: «Недавно племя ягуа убило белого миссионера, солдаты на вертолете разыскивали племя и обстреляли его из пулемета. Поэтому встреча с ними может плохо кончиться. Они примут вас за солдат. А индеец ягуа снайперски стреляет из своего сарбакана — духовой трубки — стрелами, смоченными в кураре. Вы, может, слышали о кураре, это очень сильный яд...»

Асатиани отвечал, что он видел сарбаканы в музее, а о кураре читал еще в детстве.

— Если так, — сказали ему, — вы все отлично понимаете, возвращайтесь-ка подобра-поздорову.
— Нет, я двинусь дальше.

...Через неделю после этого разговора Асатиани снимал пейзаж на берегу Амазонки. Он приложил глаз к видеоискателю ка-

меры и стал выбирать кадр. И вдруг из-за ближайшего куста вышли шесть воинов со шкурами вокруг бедер, украшенные татуировкой и перьями. В руках каждого был сарбакан.

Назад дороги нет. Асатиани нажал спуск, и камера начала снимать.

Это были индейцы ягуа. Они окружили Асатиани и его проводников и в полном молчании повели их. Шли час два. Наконец достигли малоки — большого дома, в котором живет все племя.

Перед малокой процессию встретил вождь племени. Асатиани открыл ящик с подарками, ко-

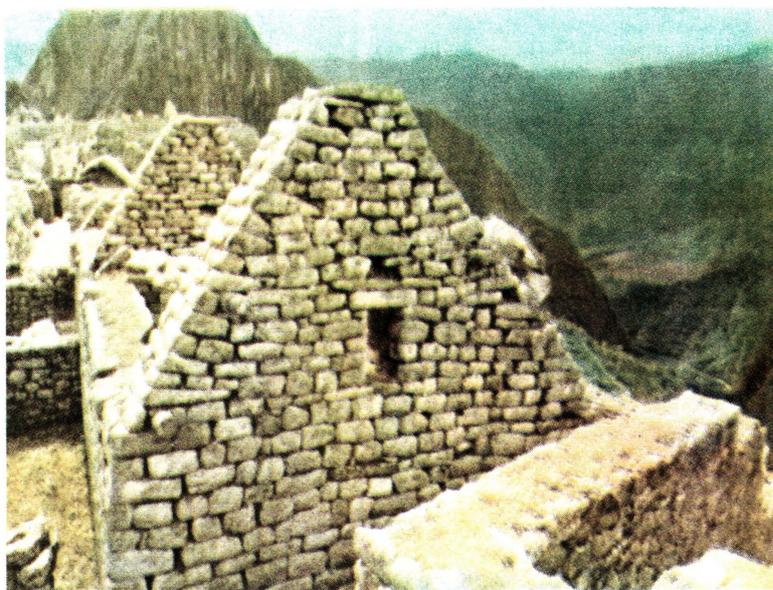
торый всегда брал с собой, если уходил от лодки, — на случай вот такой встречи.

Вождь принял подарки и разделил их между соплеменниками.

— Очень удачно, — сказал он, — что вы прибыли сегодня. Вечером у нас свадьба. Женится наш лучший охотник.

Один из индейцев, сопровождавших Асатиани, вышел вперед и стукнул себя по плечу. Должно быть, это и был жених.

Три дня подряд продолжалась свадьба. Три дня провел Асатиани среди индейцев ягуа. На четвертый вместе с вождем и воинами он подошел к своей лодке, спрятанной в прибрежных зарослях.

Отдал индейцам два ящика табака, попрощался с каждым из провожатых и отчалил. И в ту же секунду забил индейский Барабан Прощания.

Долго еще над мутной водой Амазонки слышны были частые дробные удары барабана. Так индейцы ягуа провожают гостей, если хотят, чтобы эти гости снова навестили их когда-нибудь.

Есть такое модное слово — «экзотика». И есть такое мнение — все редкое, удивительное, невиданное, экзотическое можно якобы подавать легко и поверхностно: читатель, зритель удивится, поахает — и дело сделано.

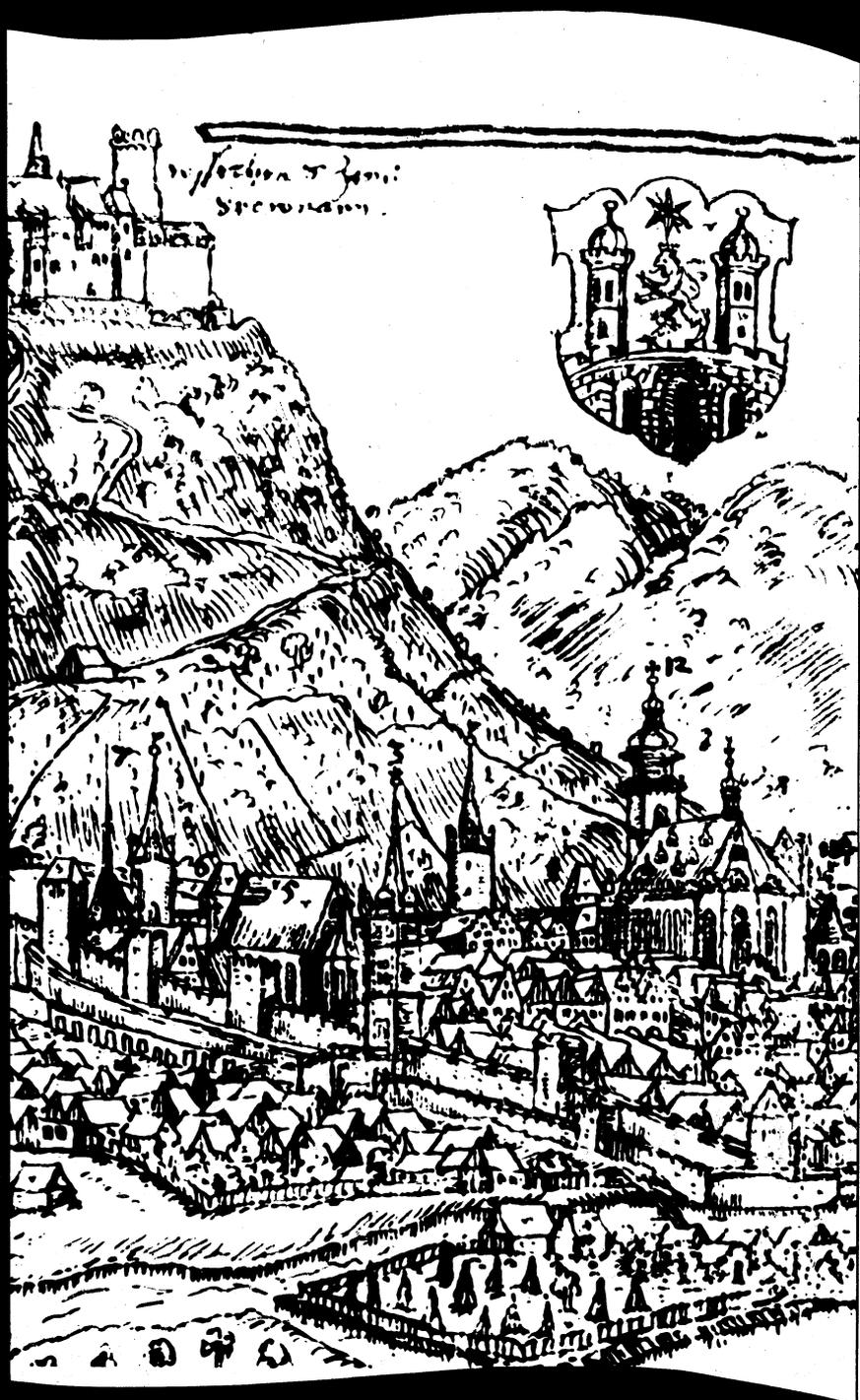
К экзотике можно было бы свети и те удивительнейшие вещи, что Асатиани удалось снять в Австралии, Южной Америке, Непале.

Но режиссер ищет совсем другое. Во всех, даже самых ранних лентах Асатиани сквозь внешнюю «диковинность» проступает острый, незатухающий интерес к социальному. Ведь недаром многие этапы его кинематографического пути прошли по переднему краю взрывных событий нашего мира: Алжир времен войны за освобождение, Западная Германия, франкистская Испания...

Кстати, и последняя картина Асатиани, сейчас еще только оживающая за монтажным столом, продолжает этот список. Это картина о Вьетнаме, ныне уже объединенном...

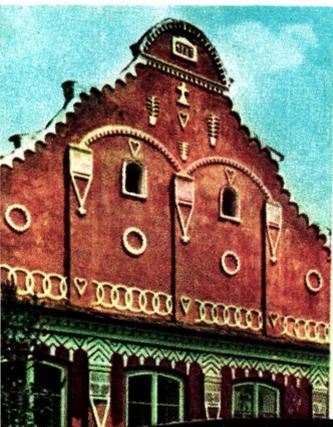
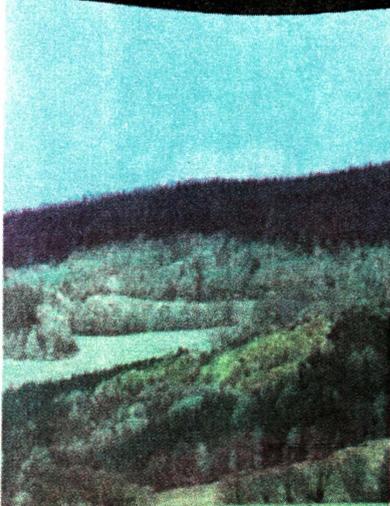
Все тот же старинный друг и спутник, уже изрядно послуживший Атлас мира, лежит на столе Георгия Асатиани. Как-то он подсчитал, что пускался в свои путешествия почти сто раз. Это тысячи и тысячи кадров — не тех маленьких кадриков, которых, как известно, в секунде «умещается» ровно двадцать четыре, а кадров-эпизодов. Каждый из них — результат долгого поиска и опыта. Можно было бы даже сблизить ленту путей Асатиани с лентами кинофильмов: и то и другое измеряется бесконечными километрами.

Когда-то поэт сказал о великом путешественнике Одиссее, что «он возвратился, пространством и временем полный». В зримом соединении этих двух измерений — смысл жизни Асатиани. Редко можно найти пустое место в кинозале на сеансах его фильмов. И это понятно. Ведь каждый фильм — встреча с путешественником, который привозит из странствий лучшие подарки: страны, где он побывал.

етопись,

Л. ЧЕШКОВА,
наш спец. корр.

**которая
не кончается**

Они спрятались среди холмов, рассыпались вдоль рек и шоссе, разбежались по зеленой спокойной земле. Они — словно звуки одной мелодии, которая неторопливо льется среди полей и лесов, чтобы взметнуться в небо, взорваться, зазвенеть мощным каменным аккордом — Старой Прагой. Небольшие городки с красными черепичными крышами, площадями, окруженными плотным каре старинных домов; с брусчатыми мостовыми, шпильми костелов, замками на холмах...

Как сохранить их для настоящего и будущего? Как вписать эту мелодию в динамичный ритм сегодняшней жизни?..

ЧЕСКИ-КРУМЛОВ, ЛИНИИ СОЧЕТАНИЯ

В Маскарадном зале гремела музыка. Пестрые, яркие одежды, румяные щеки, лица смеющиеся, лица чопорные, лица в масках — хоровод кружил вдоль стен, и Йозеф Ледерер, хитро подмигивая, смотрел с автопортрета на дело рук своих, на эти цветные, словно бы объемные, но тем не менее написанные на обыкновенной плоской стене фигуры, которые вышли из-под его кисти еще в 1748 году. Сто восемьдесят девять дней создавал мастер роспись: сонм арлекинов, знатных господ, дам, рыцарей, шутов, крестьян, музыкантов — этот венецианский карнавал жив, веселится по сей день, приглашая и нас радоваться жизни.

В наши дни в замке Чески-Крумлов ставят спектакли и проводят праздничные церемонии — например, вручают аттестаты гимназистам-выпускникам. Под сводами Мраморной часовни нередко звучит орган, а в театре замкового парка, возле летнего дворца «Беллари», проходят южночешские театральные фестивали. Представьте себе «очередь» из 180 тысяч человек, которая движется по великолепной анфиладе комнат. Именно столько туристов ежегодно посещают этот самый большой в Южной Чехии средневековый замок. Не будет преувеличением сказать, что он во многом «организует» жизнь всего Ческого-Крумлова — города-памятника, основанного в середине XIII века.

Из окон Золотого зала хорошо виден город: замок стоит высоко над ним — на скале, каменным водопадом застывшей над Влта-

Негаснущие улыбки Маскарадного зала и старинная живая площадь в Ческом-Крумлове, опутанной стальной арматурой, готовый к переезду готический собор в городе Мосте, реставрируемый замок Вранов — прошлое оживает под руками чешских мастеров.

вой. Синяя нить реки вьется меж красных крыш и зеленых куп деревьев. А на далеких фиолетовых холмах, как бы повторяя вертикаль замковой башни в непонятном, хитром зеркале, упирается в облака телевизионная вышка.

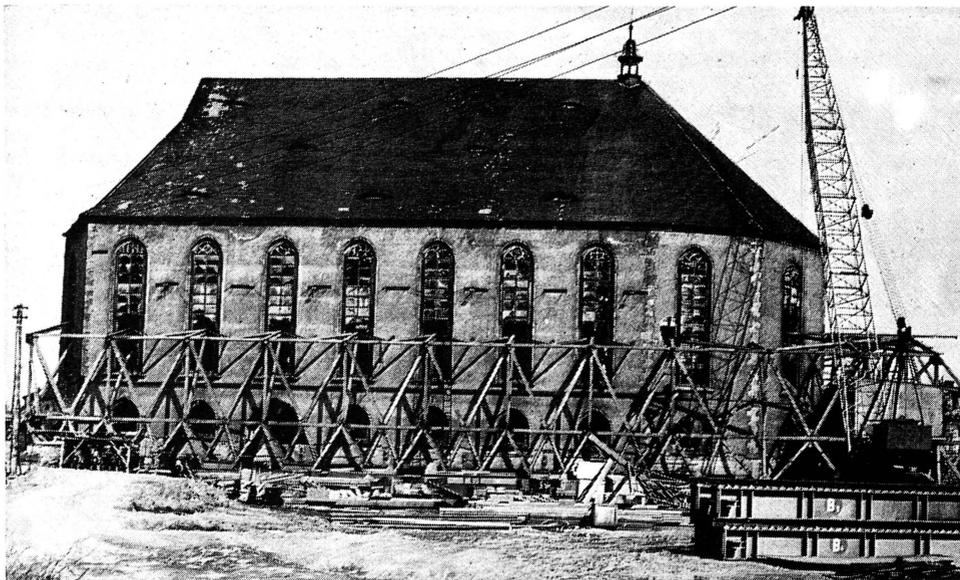
Тяжелая каменная арка переброшена через дорогу при подъезде к Ческому-Крумлову. Она четко отделяет старинный город, лежащий в котловине, от Нового Крумлова — белых высоких домов, свободно стоящих на зеленом холме, — и... вместе с тем крепко связывает их.

Такие далекие друг от друга эпохи живут рядом, по соседству, и этот контраст времен не режет глаз, а воспринимается как нечто естественное, органичное. Значит, удалось градостроителям решить одну из труднейших задач — найти ту единственно верную линию сочетания, прочную и лаконичную, без которой нет единого города.

Шоссе идет в обход Старого Крумлова. Оно поднимается в гору, с обеих сторон нависают скалы. Проложили дорогу специально — теперь въезд машинам в старый город запрещен. Да и грех развезжать на автомобиле по старинным узким улочкам: здесь нужно ходить пешком.

Рядом с деревянным мостом в спокойной синеве воды трепещут опрокинутые замок и островерхие крыши. Мост переливается в улицу, и сразу же исчезает дневной свет, исчезает небо — его закрыли выступающие вторые этажи: жилая территория здесь всегда ценилась высоко. Скрытая от чужого глаза, замкнутая жизнь текла в этих маленьких крепостях... Извилистая линия тесно прижавшихся домов выводит на квадрат площади с традиционным чумным столбом¹. Площадь окружили трехэтажные, прорезанные сквозными арками здания — белые, желтоватые, розовые...

¹ Чумной столб — такие памятники погибшим в средние века от эпидемий чумы есть во многих европейских городах.

В боковых улочках дома пониже, попроще, но и они свидетельствуют эпохи. Подъем — спуск, подъем — спуск, и снова глухая серая стена небольшого замка, рябь озера, шорох опавших листьев, гонимых ветром...

Ветер приносит запах сырой краски, цемента. Многие дома уже отделаны заново. Здания не только реставрируют внешне, их перестраивают внутри — чтобы было центральное отопление, канализация, горячая вода. Было

все, к чему привык современный человек.

Я застала самое начало обновления Ческого-Крумлова. Вся реконструкция города разбита на семь этапов, это займет более десяти лет и потребует, по предварительным подсчетам, около 430 миллионов крон. Создавая город-заповедник, архитекторы ищут ту же самую линию сочетания и при реставрации старой части Ческого-Крумлова: они стремятся сохранить средневековую оболочку города и удовлетворить требования людей века двадцатого.

Проблемы, которые возникают при реконструкции Ческого-Крумлова: согласование старых и новых районов, обновление интерьеров при сохранении внешнего облика зданий, увеличение «зеленой» площади за счет сноса обветшалых, малоценных домов, ограничение движения машин по столетним улицам, — градостроители и реставраторы решают для всего комплекса старинных городов в целом. Эти уже осуществленные принципы реконструкции можно проследить и в Старой Праге, и в Тельче, и в Литомишле, и в Младой-Болеславе.

В каждой области есть свой Центр защиты культурного наследия, связанный с различными научно-исследовательскими и проектными организациями. А координирует и направляет эту работу Государственный институт проектирования и реконструкции древних городов.

Директор Южно-Чешского Центра Эдуард Клечко рассказывал мне, что в их национальном списке значатся 5150 памятников, в том числе 8 городов-заповедников. Только в Южной Чехии на восстановительные и реконструкционные работы ежегодно уходит несколько десятков миллионов крон. Память истории обходится государству недешево, но только счет здесь совсем иной: не всякая ценность может быть измерена в кронах и теллерах. Тем более ценность наивысшая — живая история страны.

ВРАНОВ. ОБНОВЛЕНИЕ

Замок был виден издалека. Он стоял на отвесной скале, подножие которой обигала темная лента Дыи. На другом берегу реки под неярким осенним солнцем стили крыши Вранова.

Замок стоял здесь уже девять

веков. Это был град-крепость — звено в цепочке оборонных замков, защищавших некогда страну от нападения с юга. Правда, от военной его биографии осталось совсем немного — стены укрепления на южной стороне, сторожевые башни. Старая крепостная стена была расчищена лишь недавно.

...Под высокими сводами комнаты за овальным столом сидели на тяжелых дубовых стульях шестеро мужчин. Казалось, искусные древние гравюры на стенах должны подсказывать тему беседы: где, как не здесь, вести разговоры о таинственных портретах, с которых по ночам сходят владельцы замка, о «случайно» стреляющих глубоко в подвалах арбалетах... Но говорили о цементе, песке, подпорках, обоях, лепке. О деньгах, наконец, которых всегда не хватает.

— В Зале предков опять появились серые пятна, — сообщает директор Карел Яничек. — Три месяца мы бьемся над лепной нишей — и на тебе! Что-то химики никак не подберут нужный состав...

— Скоро закончим укреплять скалу. Трещины уже забетонированы...

— Когда начнем прощупывать систему отопления? — спрашивает молодой инженер-архитектор Леош Нехватал. — Так повезло — сделали, можно сказать, открытие, не останавливаться же на полпути!..

— Открытие?

Доктор Иржи Паукерт поясняет:

— Когда мы вскрыли пол помещений, которые до сих пор считались складскими, то обнаружили каменные полукружья — одно за другим, как ребра. Под ними — тонка. Пятнадцатый век. Теплый воздух — камень ведь долго хранит тепло — шел по скрытым коридорам-воздуховодам. Очевидно, такая система отопления проложена по всему замку.

Открытий здесь сделано уже немало. Обнаружены ранее засыпанные комнаты — всего их теперь насчитывается сто пятьдесят; раскопана дверь — нижний выход из замка на берег Дыи: выявлена насосная система, которая подавала воду из реки на высоту 80 метров; раскрыт многоликий фасад замка...

Непривычно видеть «под одной крышей» элементы готики, барокко, классицизма. Многие реставраторы считают, что, только сняв чуждые наслоения и оста-

вив первоначальное — как правило, наиболее ценное — ядро, можно говорить о возвращении памятника к жизни. Какой же стиль — а следовательно, и время — станет здесь ведущим, основным?

— Для Вранова этот принцип не подходит, — отвечает доктор Паукерт. — Ядро готической крепости уничтожено пожарами и осадами еще в XVII веке. В последующее время замок несколько раз подвергался перестройке и обновлению. Нет, «чистота стиля» здесь противопоказана. Напротив, мы выявим и сохраним все историко-архитектурные слои, и для людей, приходящих сюда, история крепости станет зримой, явной. Мы расскажем и о знаменитой фабрике врановской керамики, которой жил город в прошлом веке...

Идея реставраторов понятна. Замок для них — не только огромное вместительное сокровище, собранных на протяжении веков магнатами Лихтенбургскими, графами Альтганнами, графами Стадницкими и другими владельцами, а прежде всего живая, движущаяся история этой земли...

Вранов — один из двадцати предназначенных к восстановлению замков Южной Моравии. Несколько крепостей уже реставрированы, другие еще ждут своей очереди, потому что главное в области сегодня — это Вранов. Политика сосредоточения сил на одном объекте проходит испытание на практике... В замке работают около ста специалистов, на его восстановление выделено 50 миллионов крон. В 1978 году двери града откроются снова.

Посетители увидят то, что сейчас только выступает, прорисовывается, оживает в гулких залах: документальное прошлое Моравии.

...Два мастера кладут тканые обои. Мелькают руки, дробно стучит молоточек, глаза придиричиво сверяют совпадение рисунка. Обита лишь одна стена, а комната уже сияет золотисто-зеленым мягким светом старины.

Старший обойщик отводит от стены внимательный взгляд и что-то долго втолковывает молодому, который поведет сейчас полотно под потолок.

— Антонин Комарик, наш самый опытный мастер, — замечает Карел Яничек. — Несколько лет назад в Эрмитаже работал...

Директор берет под локоть пожилого обойщика и подводит его

к массивной дубовой двери. Они долго ощупывают ее, водят пальцами по резьбе — видно, что-то здесь не так, требуется доводка.

Мы идем дальше. Звенит в руках Карела Яничека огромное металлическое кольцо с полусотней ключей. Это скорее лишь вещественный символ директорской власти, потому что пользоваться ключами нам не приходится: двери везде открыты. В залах работают люди.

Пока директор обследует с художниками настенную роспись в покоях графини Пинателли, прохожу вперед — и останавливаюсь, пораженная. Из ниш огромного зала на меня смотрят горделивые, надменные лица. Зал предков. Фрески, пол, подобный шахматной доске, мраморные фигуры представителей некогда могущественного рода Альтганнов... Триста лет назад создали это творение известный архитектор Ян Бернанд Фишер из Эрлаха, художник Ротмайер и скульптор Краккер. Современные художники воскресили не только детали одежды Альтганнов — шлямы, плащи, шляпы с перьями, латы, ботфорты, цепи; не только атрибуты, деятельности этой семьи — воинов и торговцев, — но в первую очередь тонкую работу мастеров, превративших несколько веков назад дустеющую крепость в пышную дворянскую резиденцию.

На южной террасе замка солнечный свет падал на каменные плиты пола, на миниатюрную пушку, выстрелы которой когда-то отмечали полдень, на солнечные часы... У самого края террасы одиноко высилась старая акация. Ее ствол, цвета тусклого серебра, и темные узловатые ветви оплетал зеленый плоть, который не давал дереву рассыпаться в прах и исчезнуть...

МОСТ. «СОБОР ПЕРЕЕХАЛ...»

В Северной Чехии есть старый шахтерский город Мост. Точнее, не есть, а был. Я видела его в тот момент, когда он исчезал с лица земли...

Над угонувшими в низине крышами висит густое облако пыли. Основная дорога перекрыта, поток тяжелых самосвалов движется в объезд. Улицы пустынные. Двери одно-, двухэтажных домов заколочены досками. Ветер гонит по тротуарам клочки афиш, зияют темные, без штор и жизни, окна. Ни души...

Из поколения в поколение добывали шахтеры Моста бурый

уголь, разрабатывали богатые залежи близ города. Но геологи определили, что пласт качественного сырья мощностью около 100 миллионов тонн лежит и под его улицами. На угле стояли дома, магазины, ратуша, готический собор. Что делать? Если снести здания и снять слой почвы, то можно начать открытую добычу. Экономисты успели подсчитать: уголь многократно окупит расходы по сносу старого города и строительству нового.

Но ведь Мост возник в XIII веке... Поддается ли экономической оценке его исчезновение? Не будет ли нанесен невосполнимый ущерб национальной архитектуре? Хранители старины тоже взвешивали шансы и оценивали предстоящие работы — со своей точки зрения, пользуясь своей мерой значимости. Нет, наконец сказали они, традиции градостроительства не канут в неизвестность с исчезновением Моста: подобных городков немало на земле Чехии. Но вот костел XVI века, которым славится город, — дело иное. Это огромное трехнефное здание — истинный шедевр поздней готики. Сомнений в том, надо ли его сохранять, не было. Решали, как спасти его.

...Чем ближе к центру города, тем сильнее нарастают гул и грохот. В окружении развалин домов — площадь с темной громадой стоящего в глубине собора. Центр огорожен решеткой. К ней приникли любопытные, стараясь разглядеть все детали титанической работы. На площади громахают бульдозеры, непрерывно движется цепочка самосвалов. Блещат рельсовые колеи, подведенные под храм. Металлическая решетка лесов наполовину закрыла высокие стрельчатые окна. Фундамент обнажен, видна его мощная кладка. Собор словно приподнят над землей, опутан стальными нитями — как Гулливер, который пытается сдвинуться с места, а его до поры до времени не пускают...

Собор готовят к переезду. Надо подвинуть на 843 метра кажущуюся хрупкой, но тем не менее очень тяжелую — 12,5 тысячи тонн — каменную машину. Мировая практика перемещения зданий, пожалуй, не знала столь трудной задачи.

Рядом с площадью в старом доме помещается контора организации «Трансфера — Прага», которая разработала проект «путешествия» и теперь реализует его. В конторе много народа, все заняты, и мне не сразу удается

завладеть вниманием главного экономиста инженера Яромира Фальтиса. Этот полный уставший человек — «Видите, какой момент? Как перед космическим стартом...» — достает из шкафа шахтерские каски:

— Пошли.

С высокого бугра по соседству с собором хорошо видны яркие красные гидравлические тележки с маркой «шкода», установленные на рельсах.

— Проектов было много. Одни специалисты предлагали оставить собор на месте: крутом начнут добывать уголь, а он будет стоять, словно на острове. Согласитесь, это не слишком привлекательное зрелище. Другие считали, что можно разобрать здание на части и воздвигнуть его где-нибудь рядом... Третьи предложили переместить собор целиком, но только башню снять до переезда, а потом вновь установить ее. Этот проект мы и одобрили.

Сейчас вокруг собора возводят стальную, кое-где усиленную железобетонную «клетку», — продолжает инженер Фальтис, — которая будет точно копировать линии здания и поддерживать нарушенную за века кладку. Затем всю конструкцию поставят на 53 тележки — грузоподъемность каждой 500 тонн — и в путь, по четырем рельсовым колеям. Гидравлические тележки дадут возможность двигать строго горизонтально, но, конечно, с черепашьей скоростью — примерно три сантиметра в минуту. Так что переезжать собор будет около месяца...

Центральные улицы Моста еще живут, светятся окна ресторанички, толпится народ у кинотеатра. Но дальше, за этим обитаемым кварталом, снова темные улицы, покинутые дома. Старый Мост падает под натиском бульдозеров, а рядом, в двух-трех километрах, на холмах поднимается Новый Мост — современный шахтерский город. Его будут окружать парки, сады, озера — они появятся на месте отработанных за много веков угольных карьеров. А рядом с Новым Мостом, напоминающая о городе-предшественнике, будет стоять священный готический собор.

...История эта осталась незавершенной, и спустя несколько месяцев я позвонила из Москвы в Прагу.

— Все в порядке, — сказали мне друзья по телефону. — Собор переехал.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

Когда над речными долинами
Северный ветер, шурша ^{стонет}
в кустах,
Мчатся мои красногривые кони,
И на мир опускается страх.

Мари Питт. Поступь огня

Из-за гряды приземистых холмов всклубилось черное облако и медленно, медленно поползло к северу. Оно растекалось по небу, словно гигантский синяк, туманя горизонт предвестием беды. Оно не могло возникнуть без грохота, и, однако, было совершенно беззвучным; оно оповещало о яростных разрушениях, но в нем не ощущалось разрушительного неистовства.

В безветренном воздухе таилась напряженная тишина: несколько лесорубов, работавших на склоне горы Кемпбелл, чувствовали, что лес насторожился и замер.

— По-моему, надо возвращаться на лесопилку, — сказал Блю. — Гляньте, какой дымина.

Неподвижно свисали листья деревьев. Летний зной был насыщен запахом смолы. Молодая листва казалась вялой и пожухшей.

— Эй, Стив, — окликнул Блю лесоруба, окорявшего поваленное дерево чуть выше по склону. — За лесопилкой Баррета занимаетесь здоровенный пожар.

— Далек от лесопилки? — спросил сверху Стив. Оттуда, где он работал, не было видно гряды Сплиттерс и черного облака у ее западных отрогов.

— Мили за четыре, — крикнул Блю. — Возле Золотой горы.

— Тогда ничего страшного, — откликнулся Стив. — Огонь пойдет к востоку.

— А если подымется северный ветер?

— Ты прав. Сейчас приду! — крикнул Стив.

Люди, стоявшие возле трелевочного трактора, смотрели, как Стив спускается к ним, обходя поваленные деревья и груды сучьев. Тракторист Пэджи Дуайер прыгнул на землю. Он жил вместе с женой и двумя детьми в собственном домике на территории лесопилки. Стив Джонсон снимал у них комнату и столовался.

КРАСНОГРИВЫЕ

КОНИ

АЛАН МАРШАЛЛ,
австралийский писатель

Рассказ

— Это низовой пал, — сказал Пэдди. — Он сам себя задушит.

— Сейчас-то он низовой, — проговорил подошедший Стив, — да ведь северный ветер мигом раздует его до верхового.

— По-моему, сегодня ветра вообще не будет, — сказал Пэдди. — А там кто его знает...

Они смотрели на далекое, медленно клубящееся облако, которое то взбухало черно-синим куполом, то медленно опадало, выбрасывая вверх изломанные длинные языки.

— Не нравится мне этот дымище. — Стив повернул голову и глянул вниз — туда, где у реки притулилась Тандалукская лесопилка. — Давайте-ка спустимся и посмотрим, что к чему.

— А мне сдаётся, что пал не повернет к востоку, — сказал Пэдди. — Обойдет Баррета и двинется сюда. — Он глянул на Стива. — Ты не знаешь, наши парни уже вернулись со Сплиттерса?

— Я никого из них не видел, — ответил Стив. — Да беспокоиться-то нечего, они успеют оттуда убраться. Им ведь совсем недалеко до Тандалука.

Пэдди забрался в кабину трактора, завел мотор, и грохочущий вой раскатился по долине. Траки гусениц дернулись, подгребли под себя куски коры, и трактор рывком двинулся вперед. Он переполз через несколько поваленных деревьев, свернул на просеку и двинулся к реке, выбрасывая из вертикальной выхлопной трубы сизые колечки дыма. За ним шли лесорубы с топорами, пилами и металлическими клинцами в руках.

Пожар разгорался неторопливо и медленно. Он занялся от удара молнии два дня назад и полз, до сих пор не замеченный, по долине.

Почва здесь была влажной, и временами тлеющий низовой огонь растекался отдельными узкими ручейками, пожирая прошлогоднюю листву и лежащие на земле сухие ветви эвкалиптов. Подползая к упавшим стволам акаций,

он разрастался, и тогда искристые языки пламени сливались ненадолго в яркие озерца. Ветра не было, и клубы дыма вяло подымались вверх.

Утром на третий день огонь добрался до вырубki Баррета — его рабочие учинили здесь настоящее лесное побоище. Ветви деревьев, раздавленные и раскрошенные гусеницами тракторов, сплошь устилали землю. Тонкие стволы акаций и кизила были свалены огромными беспорядочными грудами. Из этих мертвых завалов там и тут торчали не срубленные, но ободранные и потом высушенные солнцем деревья. Среди древесного мусора пламенели желтые цветы, мгновенно вырастающие на брошенных вырубках. Падавшие под топором гигантские горные рябины крушили стволы акаций, превращая их в кучи бесформенных, растерзанных обломков. Потом стволы рябин распиливали и увозили. Теперь от них остались только глубокие канавы в мягкой, устланной корой и сухими листьями земле.

Огонь подполз к вырубке стародовым фронтом. Там, где слой листвы был толще, он выбрасывал вперед длинные яркие щупальца. Языки пламени то сливались и вскидывались вверх, то бледнели и таяли, придушенные дымом. Когда огненные ручки добежали до крон сваленных лесорубами деревьев, сухая листва разом вспыхивала, трескучий огонь вздымался вверх, а потом его накрывала лавина сплошного пламени.

Теперь пожар обрел голос. Пылающий древесный газ заливал огнем лежащие на земле стволы, и пожар стремительно разрастался. Горячий воздух волнами уходил вверх, и созданный тягой ветер все быстрее раздувал породивший его пожар. Плотные клубы дыма завлакивали небо. Свистящие стрелы огня протыкали дымовую завесу и меркли. Огонь охватывал вырубку с флангов. Медлительный низовой пал перекидывался на подлесок, начинал

потрескивать густой низкорослый кустарник — скраб. Вырвавшись за пределы вырубki, пламя пошло над землей, по кронам кустов, но вековые горные рябины пока еще сопротивлялись этому не слишком глубокому — до времени — разливу огня.

Тандалукская лесопилка была построена в речной долине, между двумя грядами холмов — Вомбат и Сплиттерс. На ее территории стояло несколько хижин холостяков, пансион и пять домиков семейных рабочих. Все строения были сложены из неструганных бревен, сделавшихся от времени одинаково серыми.

Хижины холостяков не были обшиты досками даже изнутри. Дощатые лавки покоились на подставках-чурбаках. Полки с дверцами, заменявшие рабочим шкафы, были прибиты гвоздями к бревенчатым стенам. Прямоугольные рамы из брусьев с натанутой дерюгой служили койками.

Землю покрывал толстый слой плотно утопанных опилок. Возле одной из хижин, у двери, виднелось круглое точило. На низких скамейках стояли эмалированные умывальные тазы. Неструганные доски были заляпаны засохшей мыльной пеной. Там и сям валялись полусасыпанные стружками пустые бутылки из-под пива.

Чуть ниже долину пересекала небольшая речушка. Она текла вдоль Вомбатской гряды, а потом у подножия горы Нулла-Нулла резко сворачивала к востоку. Дорога на Тандалук, небольшой лесной поселок, шла по берегу реки; только эта дорога и связывала лесопилку с поселком.

Спустившись в долину, лесорубы услышали визгливый вой механических пил. Они обогнули складской двор, где на покотях, по которым бревна доставляют к верстачным станкам, лежали распиленные на четыре части древесные стволы. Двойные циркулярки снимали с бревен горбыль, и его потом увозили для поперечной распиловки. Мощная паровая машина приводила в движение металлические шкивы, на которые были накинута слегка провисающие ремни.

Несколько секунд лесорубы молча глядели на рабочих. Распиловочный цех был полон движения. Одни рабочие искусно подправляли бревна в нескольких дюймах от бешено крутящихся вертикальных зубчатых дисков. Другие, уклоняясь от выдвигающихся над станками брусьев,

складывали готовые доски в штабеля для отправки их на склад. Третьи орудовали у обрезных поперечных пил, заготавливая калиброванные планки. Подносчики с баграми вкатывали в цех необработанные бревна и уходили за новыми. Мелкие опилки, словно серебристые пылинки, плавали в воздухе, освещаемые косыми лучами солнца.

Блю, изо всех сил напрягая голос, чтобы перекрыть визг пил, закричал:

— А ну кончайте работу! Гляньте наружу. За лесопилкой Баррета начинается пожар. Где Макартур? — Макартур был хозяином Тандалукской лесопилки.

Подносчики опустили багры. Приводные ремни замедлили свой бег и остановились. Слышно было только шипение паровой машины.

— Он уехал в Тандалук. Обещал к вечеру вернуться, — ответил рабочий обрубочного станка, стряхивая с рукавов опилки.

— Ну и клин ему... — сказал Блю. — Сейчас не время работать. Гляньте наружу.

Рабочие двинулись к выходу. Выбравшись вслед за Блю на открытое место, они увидели далекое облако дыма, медленно ползущее к востоку, за северной грядой холмов. Временами оно внезапно разбухало, его зыбучий купол резко увеличивался, и сквозь него к небу прорывались розоватые дымные смерчи, подсвеченные снизу отблеском огня.

— Вот черт, — проговорил цеховой машинист. — Это ведь низовой пал, уж вы мне поверьте. Если потянет северный ветер, огонь пойдет верхом — и прямо хонько к нам.

Услышав шум мотора, он оглянулся. Из-за горы Нулла-Нулла на полной скорости вылетела легковая машина и свернула к лесопилке.

— Это Макартур, — сказал Стив. — Вспомнил, видать, что дыма без огня не бывает.

Машина остановилась, и хозяин подошел к рабочим. Кряжистый и краснолицый, он держал себя с уверенностью богатого человека. Заговорил, как обычно, отрывисто и резко — однако сейчас скорее убеждал, чем приказывал:

— Это низовой пал. Ничего страшного нет. Лесопилка в безопасности. В Тандалуке с ним справятся — там достаточно народу: выжгут противопожарную полосу, чтобы остановить огонь. Они уже начали. Сюда-то огонь так и не дойдет, ну а мы все же подготовимся. Наберите воды во все бочки, какие у нас есть. Расставьте их вокруг лесопилки и у

пансиона. А я возьму несколько человек, и мы обольем водой из цистерн все штабеля. Проверьте убежища. Смочите одеяла и повесьте их на входе. Да чего вам объяснять — сами все знаете. Только не чешитесь, живо.

— А по-моему, нам всем надо отсюда драть, да поживей, — сказал один из рабочих. — Этот дымище накачает нам беду.

— Какая там беда, — попытался успокоить его Макартур. — Ветра-то нет. Женщин и детей после обеда мы отправим в Тандалук — просто на всякий случай. Грузовики вполне успеют вернуться и за вами, если подымется северный ветер. Только сначала надо обезопасить лесопилку, надо окатить штабеля водой. Давайте-ка принимайтесь за дело.

Пэдди кисло смотрел вслед рабочим, которые пошли за Макартом к штабелям. Блю и Стив по-прежнему стояли рядом с ним.

— Лесопилку-то они обезопасят, — сказал Пэдди. — А вот как насчет моего дома?

— Мне все равно нужно упаковать вещи, — сказал Стив. — Так что заодно я уж и твоей Мери помогу. А ты куда, Блю?

— Я хотел попросить Пэдди помочь мне в пансионе, — ответил тот. — Надо намочить одеяла. Нас вполне может накрыть пожар, когда будем удирать отсюда, а в кузове грузовика только и надежды при верховом пале, что на мокрые одеяла.

— Конечно, я помогу тебе, — сказал Пэдди, а потом, обернувшись к Стиву: — Вынеси на веранду мое ружье, Стив. Оно лежит на гардеробе. И скажи Мери, что я помогаю Блю собирать одеяла.

Пансион содержала приветливая пожилая толстуха, которая сдавала рабочим комнаты и готовила им еду. Ей помогал муж, тихий хромой человек, да две девушки обслуживали столовую.

Блю и Пэдди тепло относились к хозяйке пансиона.

— Не волнуйтесь, хозяйшка, — положив руку ей на плечо, сказал Пэдди. — Мы вас в беде не оставим. Покажите-ка нам, где у вас лежат одеяла, и отправляйтесь жарить-парить ваш обед.

Она ухмыльнулась.

— С обедом-то у меня все в порядке. А вы смотрите, как бы вам самим не зажариться. Одеяла на кроватях. Идите и забирайте их, а мне некогда...

В полдень, когда они сложили на веранде стопку одеял, Пэдди сказал, что идет домой обедать. Блю отправился в свою комнату упаковывать чемодан.

Вскоре на веранду вышла девушка-официантка. Она несколько раз ударила железным прутом по висящему у стены дисковому плугу. Гулкий звон раскатился по лесопилке, и рабочие заспешили к пансиону. Они входили в столовую и рассаживались на длинных лавках, стоящих возле двух столов.

— А вы с девушками когда уезжаете, хозяйшка? — спросил один из рабочих.

— После обеда и поедем, — ответила она. — Мы уже упаковываемся. Мистер Макартур обещал дать два грузовика. Так что вы ешьте поскорее — ладно?

Пока рабочие обедали, долина изменилась. Очертания холмов потонули в призрачной дымке. Лесопилку словно бы придавило к земле. Дым из трубы, подымаясь вверх, почти сразу же рассеивался в сероватом воздухе. Потянуло смолистым духом пылающих эвкалиптов. Дыма видно не было — он заполнял долину незаметно, исподволь. Но дымное ощущение тревоги становилось все острее. Тревогу нес с собой страшный запах — запах лесного пожара. Пообедав, рабочие молча столпились на веранде пансиона.

— Вот он, подползает, — сказал наконец Блю. — Дышит, сволочуга...

— Да чего вы все вдруг замелтешились? — удивился Билл, молодой рабочий, который стоял, привалившись плечом к стене. — Кому он страшен, низовой пал, когда нету ветра? Ну, пусть он даже повернет к нам — выйдем защитную полосу, и все дела.

— А ты знаешь, — спросил его Блю, — что пожар в двадцать шестом начался с низового пала? Если потянет ветерок, он в два счета раскоцегарит верховой. Ты еще не видел, как это бывает. Ну так подожди, сынок, увидишь. В двадцать шестом Маккини-Петух сгорел рядом со мной на куче опилок, и я не смог ничего сделать...

— Я тогда работал у Уоррена, — сказал машинист. — И там на тридцать рабочих было только два убежища. Нас спаслось двадцать человек, а старый Джо, кладовщик, ослеп... Я с ним виделся месяц назад, и он мне говорит: «Эх, — говорит, — Мак, потухла для меня лесная красота». — Вот что он мне сказал...

— Я-то верхового пала никогда не видел, — признался молодой рабочий.

— Мало кто его видел да остался в живых, чтоб рассказывать, — проговорил Блю.

— Покажи-ка ему свою спину, —

предложил машинист. — Пусть наш храбрец Билл поглядит.

Блю стянул через голову фланелевую куртку и повернулся к рабочим спиной. Никто из них не сказал ни слова. Как верхний подсохший слой свежей краски на стене морщится и сползает вниз, если по нему провести пальцем, так его кожа, когда огонь ушел, сползала с живой, сочащейся сукровицей плоти. Теперь новая кожа, на которой не было пор, глянцевиата и розовая, покрывала туго натянутой пленкой жесткие, никогда не расходившиеся складки на его спине. Зарубцевавшиеся струнья кругообразно стягивали эту новую кожу. Под рубцами перекатывались не тронутые жаром мускулы.

— Я чувствовал — моя кожа съезживается и трескается, как экалитповый лист на углях, — рассказывал Блю, — а ведь меня даже не коснулось открытое пламя. Сам воздух был хуже огня.

— Господи! — вскрикнул Билл. — Не хотелось бы мне попасть в такую передрагу.

— Если подымется северный ветер, — сказал Блю, — мы все в нее попадем, будь уверен.

К пансиону подошли Пэджи и Стив. Они несли одеяла.

— Мы посмотрим, что там с убежищем, Блю.

— Я тоже пойду.

Убежище располагалось на склоне холма, чуть ниже домов. Его когда-то вырыли открытым способом, перекрыли настилом из бревен и закидали землей, на которой теперь зеленела густая трава. Перед входом возвышалась насыпь, и протиснувшись в землянку можно было только ползком: между настилом и гребнем насыпи оставалось пространство высотой около трех футов. Убежище было очень ненадежным. Макартур соорудил его по требованию рабочих, и оно вмещало всего двенадцать человек. Блю назвал это убежище дымовой западней и сказал, что во время лесного пожара не задохнуться в нем можно только чудом.

Пэджи окунал одеяла в ведро с водой, а Стив подвешивал к бревенчатому настилу, чтобы полностью заслонить вход в убежище. Потом, чтобы одеяла как следует намочили, они еще раз окатили их водой.

— Нужно оставить несколько штук внутри, — сказал Стив. — Втащите три полных ведра в землянку, а я пойду поищу одеяла.

Когда он вернулся, они намочили принесенные одеяла и просунили в убежище.

Блю тем временем набрасывал побольше земли на крышу.

— Чувствуете ветерок? — спросил он, спустившись. — По-моему, ветер заходит с севера. И дыму стало гораздо больше. Пойду скажу Макарту, чтобы он отправлял женщин и детей прямо сейчас.

— Мы и сами сгорим, если тут останемся, — сказал Стив. — Где Макартур?

Они нашли его около лесопилки. Хозяин снимал дерн, а рабочие откидывали срезанные лопатой пласты земли подальше от бревенчатых стен.

— Надо вывозить женщин и детей, — сказал Блю.

— Что ж. Можно. Если вам этого хочется. — Макартур явно не собирался спешить.

— И поскорей, — зло добавил Блю.

Макартур глянул на него и приоткрыл лопату к стене.

— Можно, — повторил он. — Отправьте их прямо сейчас на обоих грузовиках. Я-то уверен — в Тандалуке огонь задержат, но мы их все-таки отправим.

Они собрали всех женщин и детей, помогли залезть в грузовики, а потом передали им чемоданы и одеяла. Пэджи сходил домой и принес ружье.

— Возьмите его с собой, — сказал он миссис О'Коннор, которая успокаивала своих детей.

Она молча взяла ружье. Несколько женщин не хотели разлучаться с мужьями.

— Я без тебя не поеду, Билл.

— Ох, да не дергай ты меня сейчас, ради Христа! Я же сказал, что скоро приеду. Наберись терпения.

— Вы все скоро встретитесь в Тандалуке, — уверял их Макартур. — Мы отвезем женщин с детьми и сразу же вернемся за мужчинами. Ты, что ли, поведешь «бедфорд», Пэджи?

— Нет, я подожду, когда вы вернетесь. Мне надо запереть дом и окатить стены водой. А ты, Стив?

— Я останусь и помогу тебе, — ответил Стив.

— Вторую машину поведет Чарли Эриксон, — сказал Блю. Он повернулся к Чарли. — Возвращайся как можно скорей. Гони воем. Мы тебя ждем, помни.

Грузовики выехали на дорогу. Мужчины молча смотрели им вслед. Потом собрались в тесную группу. Настроение у всех было тревожное.

Подымался ветер.

Минуя лесопилку Баррета, пожар двигался на юг, к Тандалуке, однако фронт пламени неудержимо расширялся. Горящий кусок коры

упал на землю возле бревенчатой стенки, и трава моментально вспыхнула. Вскоре занялась и лесопилка. Все рабочие уехали отсюда примерно час назад. Борьба с огнем было некому.

Пожар раскинулся на три мили в ширину. Он заливал огнем долины и карабкался по склонам холмов. Языки пламени, сливаясь подлесок, как бы подтягивали за собой основную лавину огня. Когда же он уходил вперед, густые заросли скраба, превращенные в путаницу светящихся древесных скелетов, темнели и рассыпались, устилая почерневшую землю светло-серой золой.

Раскаленный воздух устремлялся вверх, дымные тучи окутывали кроны деревьев, а под ними бесновалась прожорливая огненная зыбь. Гейзеры пылающего смолистого газа вздымались вывес и, распадаясь, прошивали черные клубы дыма мгновенно исчезающими красными прожилками.

Над этим разливом огня возвышались гигантские горные рябины. Их кроны судорожно трепетали, сотрясаемые рвущимися к небу волнами раскаленного воздуха. Порой выхлесты пламени дотягивались до сочной листвы и сразу же гасли. К утру четверга пожар еще не достиг той силы, когда раздуваемое ветром пламя мгновенно высушивает кроны деревьев, зажигает их и превращается в верховой пал, перед которым человек бессилён. Огонь сжирал пока только заросли кустарника, беснуясь у подножия высоких деревьев. Он докатился до вершины холмистой гряды над Тандалуком к полудню — и здесь ему впервые пришлось на помощь знойное дыхание северного ветра.

Обитатели лесов в панике убежали от пожара. Над Тандалуком, громко переключаясь, пронеслась огромная стая поугаев. Опаленные и почти ослепшие от дыма вомбаты вылезали из нор и неуклюже трусили через дорогу, отделяющую Тандалук от лесного массива. Кенгуру огромными скачками мчались вниз по склону холма к спасительным лугам за рекой, которая огибала поселок. На полудатопленных в воде сучьях собирались полчища насекомых. Там, где сучья уходили под воду, они сбивались в черную массу и замирали. Над ними сгустились облака дыма, и небо постепенно закрывала черно-серая пелена.

Поднявшийся ветер сбил направление огня. Пожар, не дойдя до Тандалука, перекинулся через шоссе и углубился в лес, примыкающий на юге к лесопилке. Тандалукские добровольцы — пожарники

не смогли его остановить. Их грузовики, громко сигнала, чтобы не столкнуться на окутанной дымом дороге, умчались к поселку.

Ветер крепчал — знойный, дышащий огнем северный ветер. Дымный воздух был напоен смолистым запахом пылающих эвкалиптов. Пожар неумолимо набирал силу. Яркие паучки пламени с трескучим шорохом взбегали по стволам деревьев. Мелкие ветки мигом высыхали и вспыхивали. С гудящим ревом огонь охватывал вершины деревьев. Верхние и нижние волны пламени все чаще смыкались. Вскоре завеса огня стала сплошной — она поднялась на несколько сот футов вверх.

Верховой огонь двигался теперь впереди низового. Рвущийся ввысь горячий воздух, скручиваясь огненными смерчами, обламывал пылающие ветви, и они взлетали над лесом. Ветер валил молодые деревья.

Пламя, словно войско с распушенными знаменами, продвигалось вперед. Огонь победно гудел, уничтожая все преграды на своем пути. Перед пожаром катилась волна раскаленного воздуха, ревущая и грохочущая, как сотня поездов, мчащихся по каменному туннелю. Ветер уносил вперед горящую листву и кусочки коры. Они разжигали огненные озера за милю от основного пламени. Озера сливались в бушующее море, над которым собирались тучи смолистого газа. Настигаемые верховым палом, они взрывались, перебрасывая густки огня через гребни холмов. Горел, казалось, сам воздух. Деревья вспыхивали, как просмоленные факелы. Неистовый жар мгновенно высушивал листву, и древесные кроны превращались в огненные знамена.

По лесу мчались красногривые дикие кони. Рев огня, подобно слитному грохоту лошадиных копыт, катился к Тандалукской лесопилке.

Блю услышал этот рев. Он сбросил кирку, которой прокапывал новое русло для текущего с холма ручейка, и побежал к пансиону. Прихватив на веранде несколько сырых одеял, он торопливо спустился по ступеням крыльца и увидел Пэдди со Стивом — они высочили из дома Пэдди и смотрели в сторону гряды Сплиттерс, над которой клубились густые облака дыма. Неожиданно Пэдди рванулся к своему дому, потом вдруг замер и бегом вернулся к Стиву. Он озирались, как дикий

зверек, попавший в западню. Сейчас, когда надо было мгновенно принять жизненно важное решение, он совсем растерялся.

Стив был по-обычному спокоен. Взяв у Блю несколько одеял, он быстро спросил его:

— Река или убежище?

— Вокруг реки слишком много кустов. Убежище надежнее. — Блю глянул на Пэдди и добавил: — Делай, что скажет Стив, Пэдди.

— Мой бумажник! — воскликнул тот. — Он остался дома, там все наши документы.

— Ступай возьми его, живо!

Пэдди бросился к двери и скрылся в доме.

— Я присмотрю за ним, — сказал Стив. — А ты куда?

— Захватывай остальные одеяла. — Кивком головы Блю показал на веранду пансиона. — А потом сразу в убежище.

— Только не задерживайся.

К реке по склону холма бежало несколько рабочих. Один из них, державший в руке клетку с канарейкой, крикнул:

— Спускайтесь к реке! Вы задохнетесь в убежище!

Густой дым, подгоняемый северным ветром, быстро затоплял долину. Люди, едва различимые в дымном мареве, громко перекликались, бежали к реке.

— Сюда, Джим!..

— Сюда, у реки не сгоришь!..

В одних голосах слышалась работа о товарищах, в других — только страх.

Блю схватил оставшиеся одеяла и тяжело побежал к лесопилке, где у подветренной стены копошились какие-то смутные фигуры. Приблизившись, он разглядел нескольких рабочих, нагруженных домашним скарбом.

— Бросайте ваше барахло! — заорал он. — Берите одеяла, закрывайте головы. Валите к убежищу. Через пару минут придет черная мгла. Быстрей!

— Дым скоро подымется, — сказал молодой рабочий, который ни разу не видел лесного пожара, — и мы укроемся у реки.

— Да бегите же, так вашу... — рявкнул Блю, стараясь перекрыть все усиливающийся рев.

Они побежали к реке. Все, кроме одного.

— А, черт! — вскрикнул Блю. Он схватил человека за плечи и принялся трясти. Тот бессмысленно смотрел на него пустыми глазами.

— Пожар там, внизу. — Он лепетал, как ребенок, потерявший мать.

И в эту секунду их накрыла

черная мгла. Она опустилась мгновенно — дымная, душная, непроглядная темень.

Несчастный безумец истошно завопил и бросился бежать. Блю остался во тьме один. Он упал на землю, прикрылся одеялом и, задыхаясь, прижался губами к земле.

Рев огня оглушал его. Он слышал глухие взрывы, треск, тяжелые удары падающих деревьев.

Прижимаясь лицом к земле, он медленно, с трудом, дышал. Через несколько минут темнота рассеялась. Воздух осветился кровавым отблеском огня.

А потом вершины холмов полыхнули открытым пламенем.

Черная мгла застигла Стива и Пэдди на пути к убежищу. Они бежали вдоль узкого, искусственно углубленного ручья, который струился к реке чуть ниже входа в убежище, — над водой дым был не таким густым.

Черная мгла опустилась на них, словно тяжкий, плотный туман. Придавленные знойным удушьем, они легли на землю и свесили головы к журчащему ручью; только тут, над самой водой, оставалась полоска годного для дыхания воздуха. Однако даже и здесь их легкие опалил горячий смолистый дым.

Пэдди не шевелился. Его парализовала тяжелая дымная темень. Он чуть слышно прохрипел: «По-моги», — и неестественно, окостенело застыл.

Стив приподнялся и ободряюще крикнул:

— Не бойся. Держись за меня. Мы доберемся туда ползком. — Он пополз вверх, держа голову как можно ближе к земле. Пэдди, вцепившись ему в пятку, чтобы не сбиться с пути, двигался следом. Рефлекторно подчиняясь Стиву, он безоговорочно и быстро выполнял все приказы. Стив уводил его от смерти.

Они по-пластунски протискивались под дымной завесой, ежеминутно прижимая губы к земле, чтобы набрать в легкие отфильтрованного влажным грунтом воздуха.

Убежище стало заполняться людьми, как только послышался рев пожара, претворивший людские страхи в проворные инстинктивные действия. Люди не разговаривали друг с другом. Они сидели на земляном полу, обмотав головы мокрыми полотенцами, чтобы защититься от дыма, впол-

завшего в убежище, когда появлялся очередной беглец.

Дымное облако ворвалось в землянку, и какой-то человек нырнул под свисающие с крыши одеяла. В руках он держал собаку; пес был тяжелый, и он с трудом опустил его на земляной пол.

— Закрой эту чертову дыру! — раздался чей-то раздраженный окрик.

— Чуть не подох бедный Старикашка Дик, — проговорил новый беглец. Ему было около сорока лет, и все звали его Черным Алеком. В молодости он был брюнетом, но теперь волосы поседели и свисали с головы, словно пожухшая болотная трава. Алек подпернул мешковатые брюки, но старые подтяжки не держали их, и слишком длинные штаны сразу же сморщились гармошкой. Черный Алек перебивался на лесопилке случайными заработками.

Старикашку Дика, прилюдного пса, прикармливали все рабочие. Он был очень дряхлым и двигался с большим трудом, но повсюду таскался за Черным Алеком.

Сейчас пес обессиленно прижался к полу и, широко открыв пасть, придушено всхрипывал. Черный Алек опустился рядом на колени и обеими руками приподнял ему голову.

— Дайте воды, скорей! — крикнул Алек.

Кто-то протянул жестяную флягу, и он влил немного воды в открытую пасть Старикашки Дика.

— Несчастное отродье, — проговорил Алек. — Совсем его доконал этот проклятый дым.

Пес конвульсивно дернулся и затих.

— Вставай, Алек, — сказал человек, подавший флягу. — Ты и сам-то едва живой. — Он протянул Черному Алеку мокрое полотенце. — На вот обмотай голову, отдышись.

Но Черный Алек не смог подняться и тогда приник лицом к земле, стараясь глотнуть свежего воздуха. Теперь он думал только о своем собственном спасении.

Хриплые звуки затрудненного дыхания наполняли убежище. Укутаные одеялами, люди прижимали губы к земляным стенам, искали в них трещины, чтобы вобрать в легкие побольше воздуха. Дым выедал им глаза, по щекам ползли медленные слезы.

Когда пришла черная мгла, они повалились на пол. Темнота ввергла всех в панический ужас. Машинист, стоя на коленях и припав лбом к земле, бормотал «Отче наш».

Одни отчаянно ругались, проклиная свою беспомощность, свое бессилие. Другие угрюмо молчали. И каждый думал, что спастись теперь можно только там, куда уехали их жены, а здесь всех ждет неминуемая гибель.

Неожиданно одеяло у входа приподнялось, и в землянку вместе с облаком дыма ввалились Пэдди и Стив. Никто им не обрадовался, не произнес ни слова приветствия. Полузадохнувшиеся люди просто не могли говорить. Пэдди обессиленно сел, привалился спиной к стене и безжизненно свесил голову. Стив накиннул на него одеяло, окатил водой из ведра, потом опустился на колени и прижался лицом к стене.

Стив все еще стоял на коленях, когда землю озарило кроваво-красное сияние. Он поднялся, подошел к выходу и, обмотав голову мокрым полотенцем, потому что в землянке сразу же стало нестерпимо жарко, выглянул наружу. Дым развеялся.

— Ух ты, черт! — воскликнул один из рабочих, посмотрев поверх его плеча. — Похоже, все небо горит.

— И надо же нам, дуракам, было здесь остаться, — тоскливо сказал другой. — Все утро проваландались. А-а, черт, запольхали мои дровишки.

— Пэдди, посмотри на свой дом, — позвал Стив товарища. — Иди сюда скорей. Посмотри.

— Не могу, — простонал Пэдди, — хоть убей, не могу. — Он по-прежнему сидел у стены. — Горит, да?

Языки пламени, словно огненные кнуты, с треском рассекали открытое пространство над лесопилкой. Когда дотягивались до бревенчатых стен, дома не просто вспыхивали — они взрывались. Листы оцинкованного железа взлетали на пятьдесят футов вверх и крутились, подобно искореженным пропеллерам; восходящие потоки воздуха подхватывали их, относили в сторону, потом швыряли на землю. Трещали и коржились толстые бревна. Дома превращались в огромные пылающие костры, а потом их накрывала пелена сплошного пламени.

Штабеля досок горели ослепительным белым огнем, распространяя вокруг себя неистовый жар. Через минуту от этого жара запылала и сама лесопилка, а еще через минуту она взорвалась, как пороховая бочка, выбросив высоко вверх разодранные баки из-под горячего и кислородные баллоны. Они странно медленно взмыли в воздух, с секунду покружились на

гребне гигантской огненной волны и снова рухнули в полыхающую преисподнюю.

Ревущее пламя лишь на несколько минут задержалось над лесопилкой. Северный ветер подхватил его, и длинные языки огня перекинулись по воздуху через узкую речку.

За секунду до этого Стив торопливо опустил край одеяла у входа в убежище.

— Пошел! — выкрикнул он и, схватив ведро, облил одеяла у входа, выплеснул остатки воды на скорчившихся людей, а потом мгновенно лег и прижался лицом к земле.

Рев огня, летящего над убежищем, довел людей до истерического безумия. Кто-то пронзительно взвизгнул. Кто-то оторопело вскопчил на ноги.

— Горим! — завывал Черный Алек. Он рывком поднялся с пола, бросился к выходу и заскреб непослушными пальцами по мокрым одеялам. Стив тоже вскопчил и двинул его кулаком в челюсть. Алек свалился и начал протяжно стонать.

Рев усилился; люди в ужасе зажимали уши ладонями, пытались как можно плотнее вдавиться в землю. Глаза у всех были зажмурены. Некоторые, словно кролики, рыли землю руками.

А потом завеса огня ушла, и послышалось легкое потрескивание догорающих углей.

Блю лежал ничком. Когда черную мглу прогнали отсветы пламени, дым развеялся, и в прозрачном воздухе отчетливо проступили все строения лесопилки, Блю вскопчил на ноги и, как саваном, обмотался одеялами. Потом бросился к низкому баку с водой и окунул в него одеяла. Выхватив их из воды, он отбежал на открытое место и закутался с головой.

Он стоял совершенно неподвижно, напоминая серый замшелый пенек, и с мокрых одеял на землю капала вода. Толстая влажная ткань немного охлаждала раскаленный воздух, и Блю мог дышать, не обжигая легкие.

Потом на него обрушился рев пожара. Метнулись вниз гибкие полосы огня. Они свешивались, как стремительные, жадные змеи с объятых пламенем неба, бешено захлестывались вокруг мокрых одеял и улетали за реку вместе со струями горящего смесистого газа.

Вода, пропитавшая одеяла, быстро испарялась. Дождавшись секундного разрыва в огненной пелене над головой, Блю бросился к низкому водяному баку у лесопил-

ки и окунул два верхних одеяла в горячую воду. Потом бегом вернулся на прежнее место, ощущая на плечах влажную тяжесть толстой материи.

Три раза проделывал он этот смертельный трюк. Три раза приближался к пылающей лесопилке и возвращался на старое место.

Когда рычащий огонь перекинулся за реку, Блю не пошевелился, страшась, что, сделав первый шаг, он рассыплется, как обуглившийся пенёк.

Здесь его и нашли люди, прятавшиеся от огня в убежище. Когда пожар ушел, они вылезли наружу и несколько минут стояли неподвижно, с ужасом разглядывая оставленные пожаром груды углей. Потом кинулись искать товарищей. Тут-то Пэдди и заметил

недвижимую, закутанную в несколько одеял серую фигуру.

— Господи! Это, наверно, Блю!

Стив первым подбежал к нему. Он сбросил одеяла и обнял товарища.

— Я думал, ты сгорел, — сказал он, не скрывая слез.

— Я тоже, — глухо сказал Блю. — Я тоже так думал.

Он прижался к плечу Стива; его сотрясала мелкая дрожь.

— Чуть не сварился... вода в одеялах... кипятки... — Он с трудом держался на ногах.

Взяв его с двух сторон под руки, Стив и Пэдди спустились к реке. Здесь почти не было дыма, хотя чуть выше, там, где еще недавно стояли дома, тихо догорали груды углей.

— Посиди пока тут, — сказал

Стив. — Нам надо разыскать остальных. С тобой-то все будет в порядке. Ты просто посиди здесь, отдышись.

Стив и Пэдди присоединились к остальным рабочим. Те продолжали искать товарищей. Слышались встревоженные крики:

— Где ты, Джо?..

— Фрэнк, отзовись!..

Через минуту-две раздались ответные возгласы, и несколько человек, пошатываясь, пробрались сквозь обуглившиеся кусты, которые еще час назад затеняли речку.

Некоторые шли сами, прижимая ладони к почерневшим, покрытым волдырями щекам. Других вели товарищи, потому что они не могли открыть обожженных едким дымом глаз. Из-под сомкну-

тых век сочлились слезы. Одежда на всех была мокрой.

Они поднялись к лесопилке и остановились; несколько секунд две группы людей стояли, не шевелясь. В глазах тех, кто не ослеп от дыма, таилась тревога, сменявшаяся облегчением, когда они узнавали своих товарищей.

Потом оцепенение прошло, и люди бросились друг к другу. Смыкались в радостном рукопожатии ладони, щеки прижимались к щекам. Почти все плакали, и никто не стыдился слез. Слышались возгласы утешения и взаимной поддержки.

— Билл! Неужели это ты, Билл?

— Ты выдужил, Тинни! Выдужил, старый хрыч!

— Не бойся за свои глаза. Те-

перь есть такие специальные капли, и ты вылечишься.

— У меня все еще стоит в ушах рев...

— А где Сэмми? — спросил вдруг тот рабочий, которого Блю почти насильно прогнал к реке.

— Не знаю, — сказал Пэдди. — В убежище его не было.

— Он умер, — сказал Стив. — Я видел его труп — там, за лесопилкой. Он, наверно, потерял голову от страха.

Все замолчали.

— Только он? — спросил через несколько секунд машинист.

— Нет, еще Питерс и старик Болотник. Их захватило на груди опилок. — Стив нашел их, когда вылез из убежища.

— Господи Иисусе! — воскликнул машинист.

Они пошли к тому месту, где сидел Блю. Тот поднялся им навстречу. Ему уже удалось справиться со своей слабостью. Блю радостно пожимал руки товарищам. Потом шагнул к ослепшим рабочим и крепко обнял каждого.

Шум мотора заставил их оглянуться. Из-за горы Нулла-Нулла выехал грузовик и, встряхиваясь на ухабах, свернул к берегу.

— Это Чарли Эриксон, — сказал Блю. — Я так и знал, что он прорвется к нам первый.

Чарли резко затормозил и выпрыгнул из кабины обгоревшего грузовика. У него было опаленное лицо и налитые кровью глаза.

— Я думал, вам всем крышка, — с запинкой выговорил он. Потом вдруг замер и опустил голову.

— Ты приехал как раз вовремя, Чарли, — мягко сказал Стив. — Очень вовремя. У нас тут много людей, которых надо поскорей отвезти в больницу. Им обожгло глаза. Давай-ка сразу же их и отправим.

Они помогли ослепшим товарищам забираться в кузов, а из-за горы Нулла-Нулла, одна за другой, появлялись все новые и новые машины. Жители Тандалука прекрасно знали, как чувствуют себя люди, которых накрыл верховой пал. Они не тратили времени на слова. Они действовали. Они сажали их в машины и увозили.

Сгоревших никто не трогал, пока не прибыла полиция. Двое полицейских завернули обугленные трупы в простыни, погрузили их в полицейский фургон и, накрыв сверху брезентом, уехали к Тандалуку.

Стив и Пэдди наложили Блю защитную повязку на глаза и помогли ему забраться в машину.

— Мы обязательно навестим тебя в больнице, — пообещал Стив...

Потом они посмотрели на груды угля, оставшихся от дома Пэдди.

— Ничего, мы завтра же начнем наводить тут порядок, — сказал Стив. — А новый дом надо поставить у реки.

— Верно, — согласился Пэдди. — Да и Мери будет рада жить поближе к реке.

Возле них остановилась легковая машина, и сидящий за рулем молодой человек спросил:

— А вы собираетесь в Тандалук? Все уже уехали.

— Да мы как раз вас-то и дожидались, — ответил Пэдди.

— Высадите нас около пивной, — сказал Стив...

Перевел с английского
АНДРЕЙ КИСТЯКОВСКИЙ

ГЕННАДИЙ СОКОЛОВ

ОСТРОВА НА КРАЮ СВЕТА

События, о которых пойдет речь дальше, произошли на островах, разбросанных в Атлантическом океане недалеко от побережья Западной Африки. Здесь живут герои моего повествования: старый рыбак Альварес и его сыновья Хуан и Родриго. Последние, правда, больше известны как братья Кампесинос — матадоры, которые завоевали на корридах уже немало бычьих ушей. Это важная характеристика: ведь ухо убитого быка вручается ма-

тадору только в том случае, если он отлично провел бой.

Однако, прежде чем рассказать о старике Альваресе и его сыновьях, следует описать место событий.

ЗА СТОЛПАМИ ГЕРАКЛА

Из Лас-Пальмаса в Аргинегин мы выехали на заре. По обеим сторонам дороги, обмахиваясь своими листьями-веерами, тянулись к белесому небу красавицы пальмы. Чуть поодаль вы-

ставляли напоказ атласную лакированную зелень кактусы и тamarиски. В душистых полях рдели маки...

Эти земли за Столпами Геракла древние считали краем света.

На «краю света» швартовал свою каравеллу «Санта-Мария» Христофор Колумб. Здесь, в церкви святого Антония, он отстоял прощальную мессу перед тем, как отправиться на поиски нового пути в Индию.

Древнеримский ученый Плиний Старший, который, возможно, и был крестным отцом островов, писал, что на архипелаге живут диковинно большие собаки. Острова нарекли Канарскими — от латинского canis — собака. Название утвердилось и дошло до наших дней.

А вот коренным жителям архипелага — гуанчам — до нашего времени дожить не удалось. Испокоп веков населял этот народ Канарские острова. Возделывал ячмень и разводил коз, строил каменные дома и возводил храмы. Гуанчи владели иероглифическим письмом и умели мумифицировать умерших, которых хоронили в пещерах.

В течение полутора веков защищали гуанчи свою землю от нашествий завоевателей. «Туземец» еще не успели покорить, а в 1344 году Луис де ла Серда, правнук Альфонса X Кастильского, уже был провозглашен королем Канарских островов. Лишь много позже, к 1405 году, четыре центральных острова завоевал служивший у испанцев французский рыцарь Жан де Бетанкур и получил их в лен от Кастилии. И только к концу XV сто-

летия испанская корона распространила свою власть на все острова архипелага.

Судьба гуанчей была решена. Те из них, кого не уничтожили в средние века, смешались с завоевателями, главным образом андалузцами, и теперь они считают себя испанцами. Но следы древней культуры гуанчей сохранились в некоторых обычаях и языковых формах, в названиях мест и именах людей, в оригинальном фольклоре и в... способе приготовления козьего сыра.

...Дорога вела через фруктовые сады и виноградники, лежащие у подножия угасшего вулкана, — на юг острова Гран-Канария.

Именно вулканам обязаны Канарские острова своим происхождением. В давние времена мощное извержение привело к отделению этой части суши от Африканского континента.

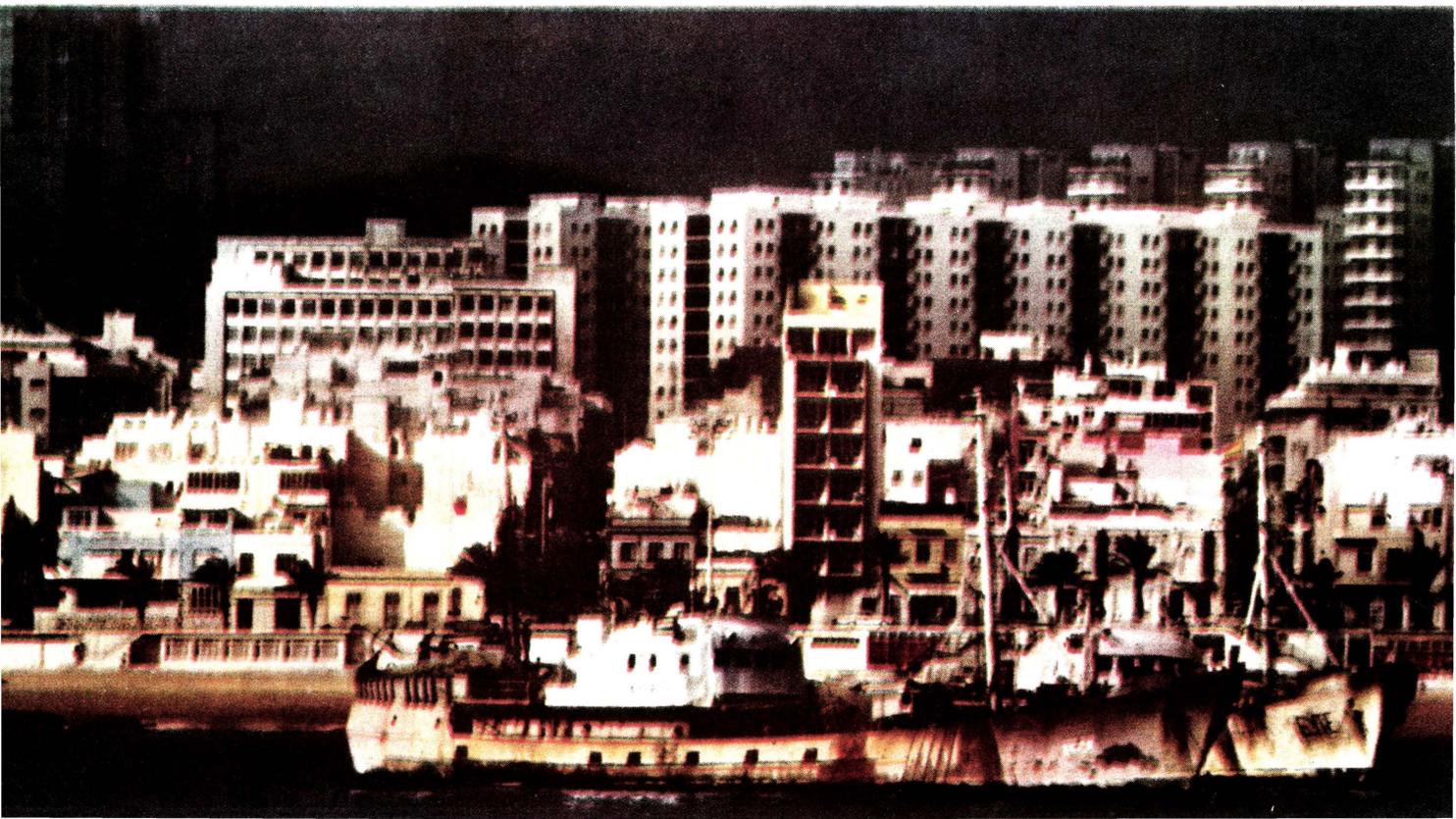
Последний взрыв вулкана Монтана-дель-Фуэго на Лансароте произошел 150 лет назад, остров до сих пор усеян базальтовыми

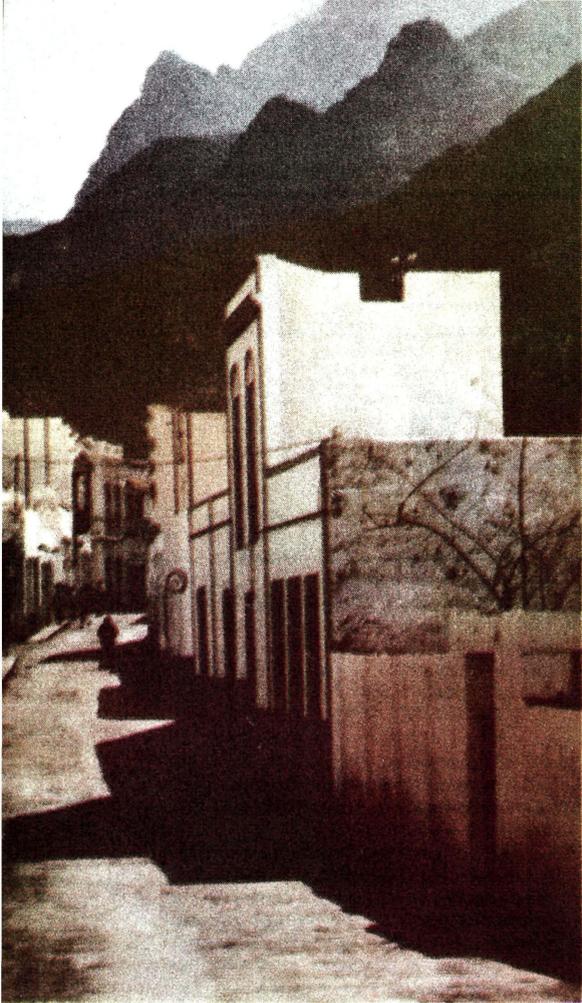
глыбами и переслоен пластами туфов.

Лансароте — крайняя восточная точка Канарского архипелага, насчитывающего 13 островов. Семь из них заселены, шесть — необитаемы. На площади в 9 тысяч квадратных километров проживает около 1 миллиона человек. В 49-ю испанскую провинцию — Лас-Пальмас — входят острова Гран-Канария, ФуэртеVENTУРА и Лансароте. Остальные четыре населенных острова архипелага объединяет последняя,

50-я провинция Испании — Санта-Крус-де-Тенерифе. В нее входят острова Гомера, Пальма, Тенерифе и Иерро.

Два последних по-своему знамениты. На Тенерифе, например, расположена самая большая в Испании гора — потухший вулкан Тейде высотой в 3718 метров. Его вершина покрыта снегом. Отсюда и название острова — Тенерифе. На языке одного из племен архипелага — винчени — «тенер» значит «снег», а «иф» — «гора».

Островок Иерро известен тем, что меридиан, проходящий через его западную оконечность — мыс Орчилья, — долгие годы в ряде стран считался начальным. Даже в настоящее время, несмотря на то, что по международному соглашению за нулевой принят меридиан Гринвича, меридианом Иерро иногда пользуются для построения карт восточного и западного полушарий.

Однако всемирную известность Канарам принесла не Снежная гора и не меридиан Иерро. Расположенные на морских путях из Европы в Америку, острова эти — место стоянки для сотен судов, уходящих и возвращающихся из Атлантики, а жемчужное море и золотой берег помогли превратить архипелаг в популярнейший международный курорт...

...Машина отмеряла километры по нагревшемуся асфальту.

— В Аргинегине сегодня праздник, — сказал шофер. — Если вы собираетесь на рыбалку, то в день святых вам обязательно должно повезти. Впрочем, старик Альварес никогда без улова не возвращается.

В успехе рыбалки я не сомневался, однако мне следовало бы приехать накануне. В конце концов старик Альварес рассказал мне о празднике, но справедливо говорят: «Лучше раз увидеть...»

ПРАЗДНИК МАДОННЫ

В ночь на святой четверг в Аргинегине мало кто спал. Не ложился и старик Альварес. Он всегда участвовал в процессии Мадонны. У пресвятой девы множество забот, но их Мадонна была защитницей тех кварталов, где он родился, где прожил шесть десятков лет. И хотя наутро он собирался выйти в море, чтобы отвезти иностранцев на рыбалку в Акулью бухту, Альварес не мог не выполнить обета.

В молодости Альварес работал на плантациях кошенильного кактуса. Многие поколения крестьян выращивали на горячем канарском песке кактусы — излюбленное «место жительства» насекомых, дававших органический краситель — кармин. Выра-

Лавчонки птицеловов — представители одной из древнейших профессий канарцев — на узких улочках селений острова Гран-Канария не редкость...

щивали до тех пор, пока в Европе не начали производить синтетические краски, окончательно подорвавшие разведение кошенили на Канарских островах.

Для Альвареса наступили нелегкие времена. Несколько лет скитался он по островам, подрабатывая чем придется, уходил с рыбаками в море. Со временем по морским волнам и ветру Альварес смог предсказывать погоду и приближение шторма. У бывалых моряков он выучился ловле акул, узнал, как разделять и сушить рыбу, кому и по каким ценам ее продавать. И тут ему повезло: туристскому агентству понадобился опытный ловец акул, чтобы вывозить иностранных рыбаков в открытое море.

...Когда в небе проступили звезды и лунный отблеск задрожал на волнах, Альварес отправился к церкви. Храм со стрельчатыми арками был освещен рыжеватым светом ламп. Над затененным клиросом красным созвездием сверкали огни, зажженные для музыкантов. Хор прихожан славил Мадонну. Старик Альварес молча стоял в стороне, перебирая четки, и молил бога помочь его сыновьям. А сыновья росли безбожниками, в церковь ходили лишь для того, чтобы познакомиться с девушками или поболтать с друзьями.

После ночного бдения в церкви толпы прихожан заполнили улочки Аргинегина. Над ними покачивались статуи святых и хоругви, фигуры ангелов и Иисуса, согнувшегося под тяжестью креста. За статуей Мадонны шла толпа женщин. Фигуры тонули во мраке, лишь лица багровели в сиянии свечей. Процессия миновала город и направилась к морю. Из его божественно-синих волн согласно преданию много сотен лет назад явилась в Аргинегин Мадонна.

Люди брели по колену в воде вдоль берега. А когда на востоке родилось солнце, статуи святых трижды погрузили в воду. Обет был выполнен.

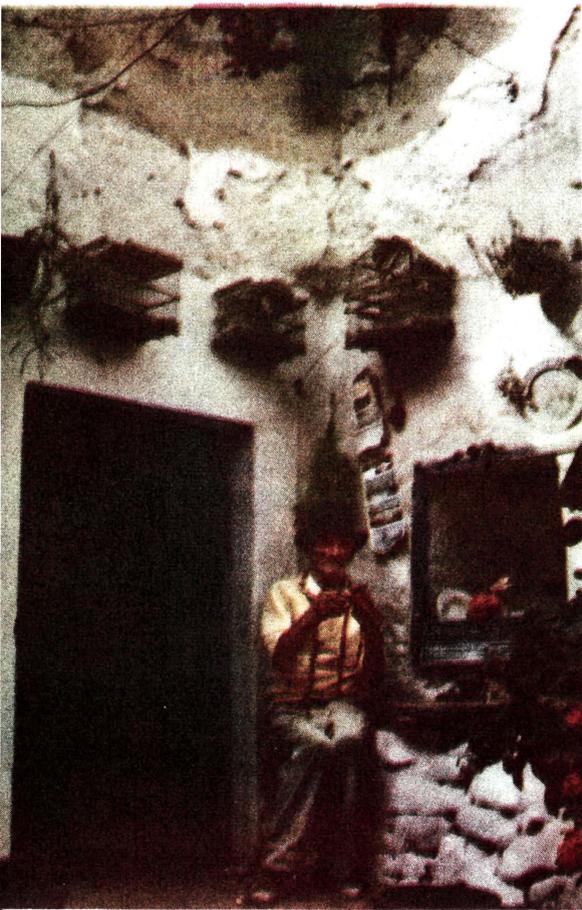
Альварес освежил морской водой лицо и подставил его солнечному теплу...

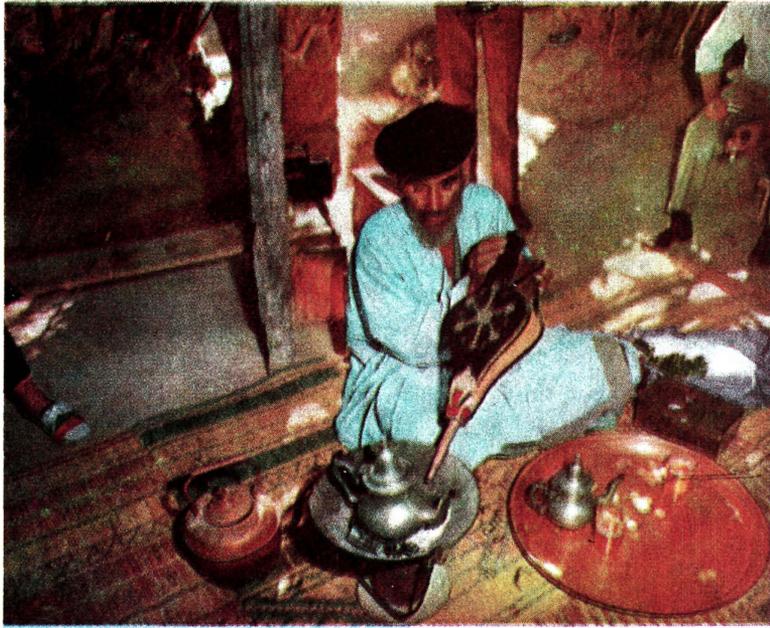
Наутро, когда церемония уже подходила к концу, наш «ленд-ровер» подкатил к деревянному причалу. Шофер помог выгрузить снасти и показал на человека в рубке катамарана:

— Сеньор Альварес ответит вас в Акулью бухту. Желаю удачи!

Мой спутник Вернер тут же принялся обсуждать с Альваресом детали предстоящей охоты.

Этот начинающий адвокат из

Бремена, получивший в наследство от отца приличное состояние, был рыбаком-фанатиком. Он объездил полсвета ради доброй рыбалки. И на Канарах его интересовали не золотые пляжи и не экзотическая природа, а прежде всего охота на акул.

ЗА АКУЛЕЙ ШАГРЕНЬЮ

Вернер сидел на корме и прилаживал к леске стальной 30-сантиметровый крюк толщиной с палец.

В Акулей бухте старик выключил мотор. Стало совсем тихо. Слышался лишь плеск волны о борту. Альварес подкатил к корме бочку с кровью и выплеснул за борт. По поверхности расплылось большое красное пятно. Вернер захлопал по воде веслом, чтобы привлечь хищниц шумом, но старик остановил его:

— Не трудитесь. Они уже под нами.

Я посмотрел в воду, но ничего не заметил: ни тени, ни движения — ничего...

— Забрасывайте удочку, —скомандовал Альварес.

Вернер насадил на крючок килограммовый кусок мяса и отпустил катушку спиннинга. Наступило томительное ожидание. Вернер вынул основание спиннинга из металлической воронки, встроенной в палубу, и начал подергивать леску, чтобы приманка под водой двигалась.

Все произошло мгновенно — леса натянулась тетивой, рванула из рук Вернера спиннинг. Ка-

...как не редкость и крохотные заведения, где можно выпить чашку обжигающего ароматного чая...

ким-то чудом он устоял на ногах, но, пока стопорил катушку, леса размоталась до конца. Трехметровое удище согнулось крутой дугой. Спротивление рыбы было невероятным, катамаран, взятый на буксир акулой, медленно двинулся за ней.

Можно было, конечно, обрубить леску, но неудача только подхлестнула Вернера. Натерев руки и удище тальком, рыбак снял катушку с тормоза и обеими руками начал вращать ее. Костяшки пальцев побелели, буграми обозначились мышцы. Каждый новый оборот катушки давался все с большим трудом...

Мы по очереди наматывали леску, и — наконец-то! — под водой чудовищным зигзагом метнулась тень. Еще два, еще три метра лески, и акулый плавник яростно рассек волну. Фонтаны брызг обдавали нас с ног до головы. Альварес, натянув плотные рукавицы, ухватился за тугую леску. Вернер несколько раз провернул катушку и застопорил ее. Сильное тело акулы билось о борт катамарана, лодку качало, как при крепком шторме. Вернер всадил в рыбу багор, а Альварес несколько раз ударил акулу увесистой дубиной.

Промокшие, тяжело дыша, мы

...и водяные мельницы, сохраняющие «работоспособность» уже не одну сотню лет.

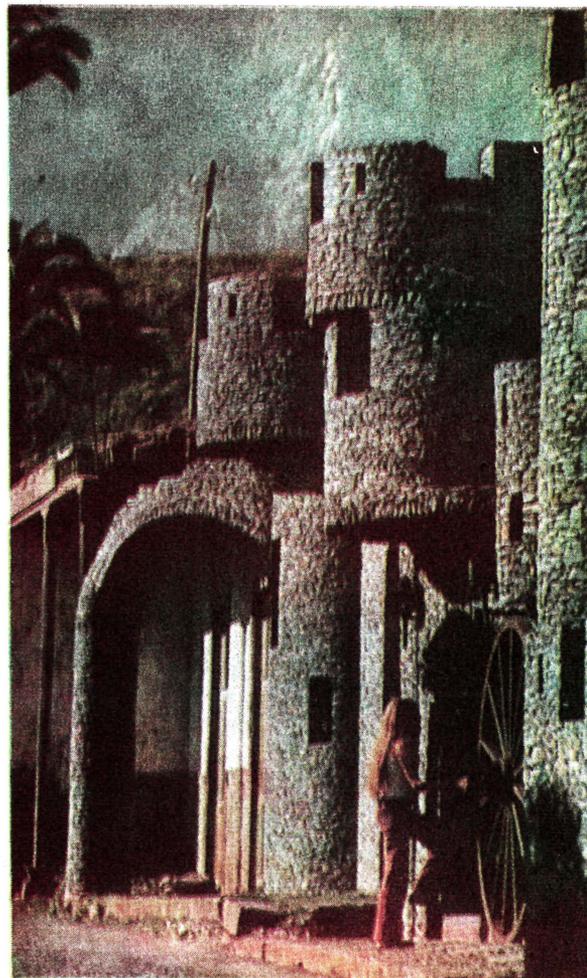
наконец смогли разглядеть добычу. Гладкая серая акуля туша была длиной больше двух метров. Обрубив леску, Альварес отбуксировал акулу к корме катамарана и крепко привязал ее.

За несколько часов мы поймали еще трех акул. Размером они были раза в два меньше первой и сопротивлялись не столь активно. Крючки у нас кончились: пора было возвращаться на берег.

Как только катамаран остановился у причала, Альварес вытащил меньшие туши на прибрежный песок, сноровисто отсек им хвосты и подвесил акулу к кромке причала: из рыб должна вытечь кровь, тогда розоватое акулье мясо станет белым.

Затем Альварес, разрезав туши на несколько кусков, бросил их отмачиваться в морскую воду — только так можно уничтожить неприятный запах рыбы.

Пока куски вымокали, старик взялся за большую акулу. Если плавники и туши ее сородичей он собирался использовать в пищу, то мясо старушки великанши не могли спасти для обеденного стола никакие кулинарные

рецепты. Зато кожа ее была великолепна: прочная, толстая, густого серого цвета на спине и матово-белая на брюхе, с блестящей мозаикой плакоидных чешуек.

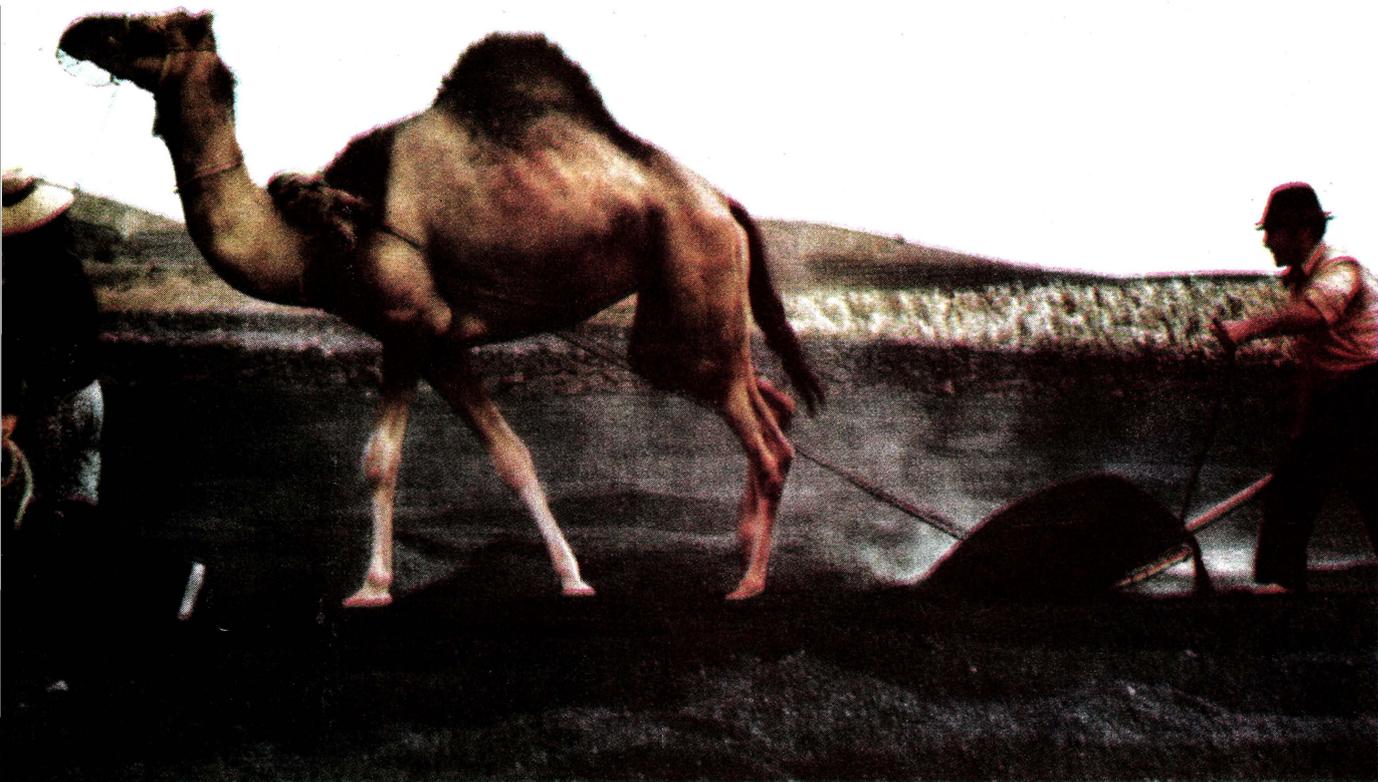
— За эту шкуру кожеделы дадут не меньше пятисот песет, — улыбался Альварес. — Они вымочат и выдубят ее, высушат, отполируют острые концы чешуй, и получится красивая эластичная кожа с зернистой поверхностью. Ее даже трудно будет отличить от настоящей шагрени.

Пока старик занимался кожей, мы развели костер, и вскоре в котелке забулькала уха — жирная, ароматная, наваристая. Белое акулье мясо превзошло все ожидания: своей нежностью оно напоминало парную осетрину.

Волны, разбиваясь, лизали берег у наших ног. Рядом с заходящим солнцем на прозрачном небе объявился рогатый месяц. Краски небосклона начали выцветать. День кончился...

САМОЕ ИСПАНСКОЕ ИЗ ВСЕХ ЗРЕЛИЩ

Несколько дней Лас-Пальмас жил ожиданием корриды. На серых стенах домов и выбеленных

Верблюды и свежий морской ветер — с давних пор основные «помощники» канарских крестьян. На верблюдах ездят за покупками, отправляются друг к другу в гости, при обработке почвы они тоже незаменимы. А когда урожай будет собран и потребуется перемолоть зерно, за работу примутся ветряки.

заборах пестрели красочные плакаты, возвещавшие о предстоящем бое быков. Мальчишки, нанятые устроителями корриды за пять песет, обегали из конца в конец весь город, раздавая программки будущего представления. Крупным шрифтом в них было набрано: «В ближайшее воскресенье в 16 часов на «Пласа дель Торрос» встретятся шесть прекрасных севильских быков господина Санчеса с матадорами братьями Кампесинос и их квадрилей»¹.

Бой быков пришел на Канарские острова несколько столетий назад вместе с испанскими завоевателями. В те годы корридой на островах отмечали лишь очень важные события: возвращение

морских экспедиций, заключение мира или освящение нового собора. Тогда это было массовое празднество, правда, больше напоминавшее бойню: четко установленный ритуал еще не существовало. На арену выезжали разодетые всадники с копьями наперевес и на потеху публике устраивали кровавое представление. Если, паче чаяния, бык сбрасывал всадника с лошади, тот вынимал шпагу и с помощью слуг безыскусно убивал животное. К XVIII веку в Севилье уже открылась первая школа тавромахии¹. Повсюду возникали «пласы» — арены для корриды, складывались правила боя. То была эпоха процветания корриды. Бывшие вояки и беззастенчивые колонизаторы Нового Света обнаружили изрядную любовь к наряду тореро.

Немало лет прошло, но страсти к сильным ощущениям по-прежнему влечет жителей Канарских островов к «самоу испанскому» из всех зрелищ — корриде. Нельзя, правда, сказать, что бой быков всем по вкусу.

Однажды в небольшом ласпальмасском кабачке я стал сви-

детелем спора. За соседним столиком сидел внушительной комплекции человек, круглое лицо его было багровым от гнева. Он яростно жестикулировал, доказывая своему собеседнику — элегантно одетому сеньору, тощему, словно рыцарь печального образа:

— Ваши корриды — издевательство над животными, а торeadор — отжившая профессия варваров! Это дикое развлечение, которого надо стыдиться, а его рекламируют. И где?! — в самой католической стране мира.

— А я люблю корриду. Как люблю и острую приправу, от которой пресные чуррос¹ становятся вкуснее...

«Рыцарь», залпом осушив стакан, продолжал уже на более высокой ноте:

— Все мы любим иногда бросить взор в прошлое, немного пожить жизнью предков. Грубые забавы побеждают в нашей душе таинственные силы... И что с того? Это не единственное варварское развлечение на свете... Но если истребление животных внушает вам такое отвращение, почему вы не боретесь против других, куда более мрачных трагедий?

Внимательные посетители несмело переглянулись — никто не рискнул продолжать опасный разговор. Возмутитель спокойствия — толстый сеньор с багровым лицом — вспомнил о своей тарелке и с преувеличенным аппетитом принялся доедать порцию чуррос...

Есть в Лас-Пальмаса недалеко от порта мрачное серое здание, известное многим канарцам, — биржа труда. У стен этого дома начинают свой день множество безработных.

Когда-то пришли к воротам биржи труда и сыновья Альвареса. Пришли — и растворились в толпе. А затем отправились искать счастье за границей. Тех, кто покидает родину в поисках работы, испанцы называют «голодринас» — ласточки. О них говорят, что пройдет время, минуют трудности — и «голодринас», как ласточки весной, вернутся под родное небо. На это надеялись и сыновья Альвареса, отправляясь на заработки.

Прошло несколько лет, и они действительно вернулись на Канарские острова. Только по-прежнему без денег...

¹ Квадрилья (испан.) — лица, участвующие в корриде. (Здесь и далее примечания автора.)

¹ Тавромахия — искусство корриды, от греч. — борьба с быком.

¹ Чуррос (испан.) — толстая короткая вермишель, жаренная в масле.

ПОСЛЕДНЯЯ КОРРИДА ЭЛЬ КАМПЕСИНО-СТАРШЕГО

...Хуан вошел в «Пласа дель Торрос», как обычно, за два часа до корриды. Родриго появился позже, перед самым началом, уже облаченный в шелк и золото. У выхода на арену братья поздоровались, положив ладони на плечи друг друга, на блестящую парчу своих чалеко¹. Обнявшись, они ступили на желтый песок арены. Трибуны разразились овацией: коррида началась.

На арену выбежал первый бык. Капеадоры следовали за ним, размахивая плащами и заставляя быка яростно бросаться из стороны на сторону на раздражающий красный лоскут. Вперед выступили бандерильеро². Держа в руках два пестрых дротика остриями вниз, они с грациозным спокойствием шли на быка, вонзали ему в шею разноцветные бандерильи и отбегали мелкими шажками.

Бык ревел от неотмщенной боли. Его мощные ноги дрожали, тяжело раздвигались и опалили бока.

Это было отличное животное. На каждый десяток телят в ганадерии³ такие встречаются единицами: с самого начала они обнаруживают перед острием шпаги отвагу и задор. И любой боевой бык стоит в несколько раз больше, чем бык-производитель.

Когда бандерильеро оставили пласу, в центр арены вышел Родриго. Он развернул перед быком кроваво-красную мулету, нетерпеливо топнул ногой. Бык ринулся вперед, промчавшись в опасной близости от тела матадора, рога скользнули по атласу его одежды. В конце концов, измотанный каскадом движений, бык замер, свирепо глядя блестящими глазами на красный лоскут.

Матадору протянули шпагу. Родриго подхватил ее. Лицо его блестело от пота. Он медленно пошел на быка, метя острием клинка в одну-единственную точку между воткнутыми в шею бандерильями. Затем резким движением бросился вперед, минуя грозные рога. Шпага по самый эфес вошла в тело животного. Бык задрожал, подогнув передние ноги, наклонил голову с налившимися кровью глазами и рухнул на песок.

¹ Чалеко (испан.) — жакет матадора.

² Бандерильеро (испан.) — пещий боец, который дразнит быка, втыкая ему в шею бандерильи.

³ Ганадерия (испан.) — специализированный завод для разведения скота.

На арену выпустили второго быка — огромное животное красивой масти, отличавшей севильских быков из знаменитой ганадерии сеньора Санчеса.

Бандерильеро быстро сделали свое дело. Теперь пробил час Хуана.

Увы, удача не сопутствовала ему. Удары не достигали цели. Два раза шпага скользнула по шкуре быка, дважды упиралась в кость. Трибуны оглушительно свистели. Мой сосед возмущался:

— Вместо того чтобы поразить быка в сердце одним или двумя ударами, он потратил уже четыре!

Бык шел по арене с опущенной головой и жалобно мычал, точно просил избавить от бесплезных мучений. За барьером появился альгвазил¹ в увенчанной перьями треуголке и, повернувшись к матадору, поднял сжатую в кулак руку с торчащим вверх указательным пальцем.

— Это первое предупреждение, — пояснил мне сосед. — Если матадор получит еще два, быка отведут в корраль², а на эспаду³ навеки падет тяжесть страшного позора.

Хуан вновь шел на быка. Шпага вошла в тело лишь на несколько сантиметров и отлетела от толчка. Бык же оставался на ногах, фыркая и раздувая ноздри. Альгвазил вторично поднял руку.

И в последний раз Хуан бросился вперед. Все ждали, что бык свалится, но после столкновения он снова отбежал с бешеным ревом. Шпага лежала на песке.

В воздух опять взметнулась рука альгвазила...

Рождество Альварес встречал вместе с сыновьями в родном Аргинегине. В ночь под Новый год он сорвал в саду две янтарные грозди сладкого винограда. В семье была традиция: когда часы в ночь на Новый год бьют двенадцать раз, надо успеть, не отставая от ударов часов, съесть двенадцать крупных виноградин. Кто сумеет это сделать, будет счастливым в новом году. Альварес протянул грозди сыновьям. У них вся жизнь была еще впереди, и старику очень хотелось, чтобы им сопутствовала удача.

Канарские острова

¹ Альгвазил (испан.) — здесь: церемониймейстер корриды.

² Корраль (испан.) — загон для скота.

³ Эспада (испан.) — главный участник корриды, наносящий быку смертельный удар, то же, что матадор, тореадор, торепо.

ЮРИЙ ГАЛЬПЕРИН

Харитон Славороссов... Он возглавлял список русских летчиков-добровольцев, который я подготовил, отправляясь на поиски, ибо он совершил подвиг, всколыхнувший в октябре 1914 года всю Францию. Во время выполнения боевого задания Славороссов заметил, что из вражеского тыла приближается к линии фронта французский самолет «Блерио». Аэроплан вел себя странно — кренился, клевал носом, опасно терял высоту. Стало ясно — либо ранен пилот, либо повреждена машина, возможно, случилось то и другое. Через несколько минут «Блерио» почти падает между французскими и немецкими окопами. Летчика не видно, и Славороссов, не колеблясь ни мгновения, делает то, что еще никто не делал, — он садится на поле боя...

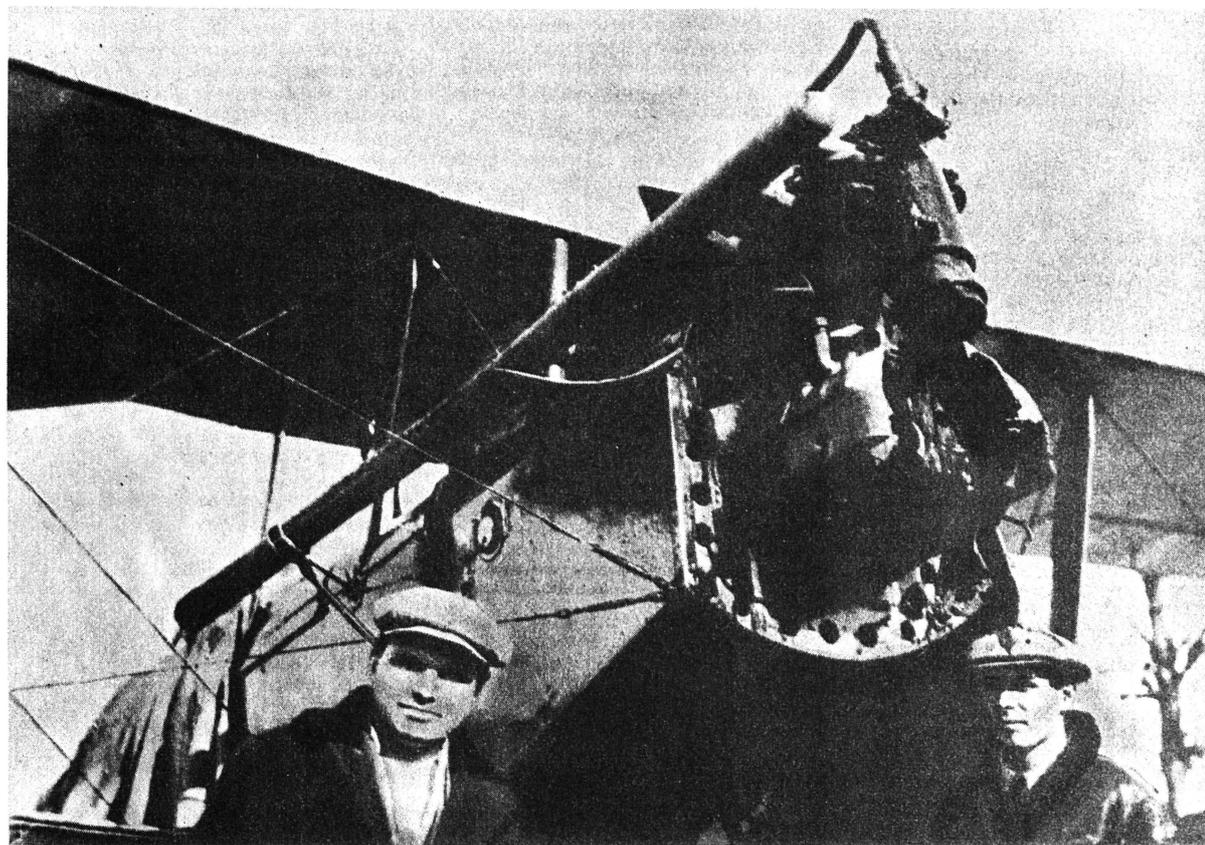
Воодушевленные храбростью летчика, французские пехотинцы ринулись к самолетам, но то же самое сделали и немцы, стремясь захватить ценную добычу. Разгорелся бой. Тем временем Славороссов вытаскивал из-под обломков машины раненого летчика, не зная, что спасает весьма известного человека — сенатора Реймона, возвращавшегося с ценными для французского командования авиаразведывательными данными.

В воспоминаниях президента Франции Пуанкаре есть запись: «Одним из наших самых отважных летчиков был Реймон, сенатор от департамента Луары. На днях при перелете над неприятельскими позициями севернее Туля он был тяжело ранен. Ему пришлось сделать вынужденную посадку впереди линии нашего фронта, и, чтобы выручить его, наши войска должны были вступить в жаркий бой. Смертельно раненный, он тем не менее в состоянии был сообщить результаты своей разведки».

Видимо, Пуанкаре читал сообщение во французской газете: «Геройская смерть сенатора Реймона. Военная Медаль русскому летчику Славороссову», но не счел нуж-

Продолжение цикла публикаций «В небе Франции». См. «Вокруг света», 1975 г., № 9—10, 1976 г., № 5.

„Отмеченный огненной страстью..“

ным занести имя героя в свой дневник. Спасен же был сенатор только благодаря мужеству Славороссова, который и доставил его в госпиталь. «Командующий армией, — продолжает газета, — благодарил русского летчика Славороссова и наградил его высшей наградой — Военной Медалью, которую снял со своей груди...»

К сожалению, в архивах ВВС Франции пока еще не удалось найти личного дела Славороссова, хотя месье Лешуа, который искренне старался мне помочь, недавно сообщил, что дело движется и постепенно накапливаются новые документы о русских добровольцах.

Вот еще выписка из приказа по французской армии: «Славороссов, русский пилот, вступивший добровольцем во время войны, отличается своим стремлением всегда принимать участие во всех самых сложных заданиях. Начиная с августа 1914 года выполнял в интересах армии несколько очень важ-

ных разведывательных полетов в глубокий тыл противника.

Непрестанно подает наилучшие примеры храбрости, энергичности, хладнокровия, беззаветной преданности.

Награды: Военная Медаль за боевые подвиги. Военный Крест».

Есть свидетельство известного авиационного летописца Жака Мортана. Отмечая подвиги русских авиаторов, он, в частности, пишет о Славороссове: «Его, как выдающегося авиатора, знают все. Он соединяет в себе педантизм профессионала-летчика с творчеством высокохудожественной природы.

Бывало, прикованный к небу, следил с напряженным вниманием за воздушными эволюциями Славороссова. Чего тут только не было! И мертвая петля, и скольжение на крыло, и падение на хвост, и множество других вариаций. Но все это проделывалось без резкостей, без угловатостей, с той законченной пластичной, в которой чувствуется художественная натура авиатора».

Кто же такой Славороссов, как он пришел в авиацию, что известно о его дальнейшей судьбе?

После первой публикации откликнулись читатели «Вокруг света». Владимир Чеховской прислал из Армавира несколько вырезок с материалами, опубликованными в городской газете, где по счастливому совпадению работала близкая знакомая семьи Славороссовых Тамара Павловна Истомина, рассказавшая о прославленном летчике.

Халид Агаев из Грозного сообщил интересную деталь: «В годы 1910—1912-й я был учеником грозненского училища. Мы очень любили по воскресеньям ходить на городской трек смотреть велосипедные гонки. Лучшим рекордсменом на Северном Кавказе тогда считался Славороссов. Потом он куда-то уехал. Тогда же я слышал, что он стал летчиком».

Были и другие письма, звонки

по телефону. Старый летчик-наблюдатель Евгений Павлович Смирнягин принес мне редкую фотографию, но о ней рассказ впереди. А главное — откликнулся на публикацию сын Славороссова, Алексей Харитонович, инженер, журналист, заместитель редактора одного из отраслевых журналов.

Готовясь к встрече с сыном прославленного летчика, вновь просматриваю свою картотеку. Вот выписка из журнала «Аэро» за 1914 год: «3 марта на заседании совета Всероссийского аэрокуба постановлено командировать авиатора А. Е. Раевского во Францию с целью обучения демонстрации мертвых петель... На заседании было доложено, что мертвым петлям в настоящее время уже обучаются авиаторы: М. Н. Ефимов, А. М. Габер-Вльинский и Х. Славороссов».

Здесь, как бывший авиатор, не могу не сделать небольшого отступления. Мертвая петля впервые была исполнена замечательным русским летчиком Петром Николаевичем Нестеровым. Почти в то же время, но позже Нестерова, ее выполнил французский авиатор Пегу, которому ошибочно приписывали приоритет и который сам отрицал его, воздавая должное русскому летчику. Зачем же надо было уезжать во Францию русским летчикам, чтобы учиться делать эту фигуру высшего пилотажа?

30 августа 1913 года газета «Биржевые ведомости» публикует интервью с неким ответственным лицом из военного ведомства под заголовком: «За полет вниз головой поручику Нестерову грозит тридцать дней ареста». Вот как оценивало «некое лицо» творческое дерзание Нестерова. «В этом поступке больше акробатизма, чем здравого смысла. Мертвая петля Нестерова бессмысленна и нелогична. Нестеров был на волосок от смерти, и с этой стороны он заслуживает полного порицания и даже наказания... Мне лично кажется, что вполне справедливо будет, если командир авиационной роты, к которой принадлежит Нестеров, поблагодарив отважного летчика за смелость во время полета, посадит его на тридцать суток под арест...»

Вот почему уезжали русские летчики во Францию овладеть новой фигурой. Не случайно газеты сообщали как о сенсации, что «...Раевский начал 7 апреля упражнение в мертвых петлях, совершив последовательно 11 мертвых петель (школа Блерио)», или о Габер-Вльинском: «Приехав в Париж с намерением либо сделать мертвую петлю, либо умереть, он поступил в школу... Но французы, не веря в способности русского летчика, все оттягивали его обучение...»

ЧИСЛО РУССКИХ АВИАТОРОВ, ЛЕТАВШИХ ВНИЗ ГОЛОВОЙ, ДОХОДИТ ТЕПЕРЬ ДО ПЯТИ (выделено мной. — Ю. Г.)

И среди этих первых храбрецов, летавших вниз головой, был и Харитон Славороссов. Что же расскажет о нем сын, какие документы сохранились в семье?..

И вот мы сидим рядом. Коренастый, широкоплечий, с крупными чертами лица, похожий на от-

ца, Алексей Харитонович разложил папку с документами.

— Вы правильно предположили, что отец родился не Славороссовым. Его настоящая фамилия — Семененко, но еще юношей, начав успешно выступать на Одесском велотреке, он взял себе этот псевдоним... Россию прославить хотел. А ему так трудно было, что называется, в люди выбираться. Крестьянский сын, родился в селе Домошине Черниговской губернии 11 октября 1886 года. У меня сохранилась его автобиография...

«Будучи бедным малоземельным крестьянином, отец мой в голодный, кажется, 1892 или 1893 год уехал в Одессу на заработки. Будучи неграмотным, он перепробовал несколько профессий и наконец утвердился дворником. Всех детей у нас было восемь человек, но четверо умерли в раннем детстве...»

Так начался жизненный путь этого человека.

Вначале Харитон учился в «народной школе», затем в школе ремесленных учеников, окончив которую получил звание подмастерья. Как и любой одесский мальчишка, он, конечно, мечтает о море. Но Одесское мореходное училище оказалось для Харитона недоступным, и он поступает в школу корабельных машинистов-механиков Русского общества пароходства и торговли. Кончает ее и начинает плавать по Черному морю. Морская карьера оказалась недолгой. «Возразив на какое-то грубое замечание второго механика, — читаю строки автобиографии, — был уволен. Не ходя долго службы, я поступил в велосипедную мастерскую. Здесь я научился делать велосипеды и увлекся велосипедным спортом, которым занимался с 1904 по 1910 год».

В то время «вся Одесса» была заражена велосипедным спортом, а каждый мальчишка мечтал быть не только моряком, но и Уточкин — легендарным, великим Уточкиным. Велосипедистом, автомобилистом, авиатором. Так Харитон стал велогонщиком, подружился с Уточкиным. И не хотел отставать от него и в авиации. (Вообще любопытно — первым русским летчиком стал именно профессиональный велогонщик Михаил Ефимов, тоже, кстати, одесстит.)

Но денег на обучение не было. И Славороссов — со своим гоночным псевдонимом Харитон уже не расставался — поступает механиком к известному летчику Сегно,

которого пригласили работать в Варшаву. Шел 1910 год. Сегно работал на авиационном заводе «Авиата», при котором была открыта летная школа.

...Первый вылет Славороссова — и... первое крушение. При посадке. Взбешенный Сегно отстраняет будущего аса от полетов с убийственным заключением: «Из Славороссова никогда летчика не будет за отсутствием данных».

И тогда Славороссов в свободное время собирает самолет из нескольких разбитых, списанных и тайком, до начала работ, «облетывает» его. И в один прекрасный день...

Происходили, как тогда говорили, «публичные полеты» летчиков школы Сегно. Механик Славороссов, выпустив всех на старт, упрямил Сегно разрешить и ему сделать полет, пробный, недолгий. И... разразился скандал. Набрав высоту, Славороссов стал парить над Варшавой, описал несколько кругов над городом и превосходно приземлился. А на земле Славороссова встретили чуть ли не с полицией. Дело в том, что такого полета Славороссов не имел права делать — у него не было звания летчика, которое давалось только после специального экзамена. Но полет, приведший в восторг и специалистов, и тысячи горожан, отмеченный тут же прессой, уже ничто зачеркнуть не могло. Вскоре пришло официальное признание. 14 августа 1911 года Харитон Никанорович сдает экзамен и получает пилотский диплом за номером сорок один.

Отныне путь в авиации Х. Славороссова — как веки — отмечают газетные сообщения того времени. И потому я «предоставлю слово» сообщениям отечественной и зарубежной прессы, воспоминаниям современников, самой автобиографии летчика.

«На Мокотовском аэродроме осталось двое: Славороссов и я. Славороссов собирался на заграничные авиационные состязания и поэтому летал-тренировался как дьявол, забирался под облака.

Много летал над Варшавой и я, разглядывая с высоты убегающую ленту Вислы — и картонные домки.

Весной на прощанье мы устроили «открытие весеннего авиационного сезона», собрав массу зрителей.

На другой день телеграммы газет России извещали о «замечательных по красоте и смелости» наших полетах.

Да, это были действительно исключительного мастерства полеты Славороссова, ну а я слегка тянулся за учителем, как мальчик за папой» (В. Каменский. Путь энтузиаста).

«...На «Блерио» пролетел под мостом через Вислу, первый в мире трюк подобного рода, за что заплатил личный штраф» (Х. Славороссов. Автобиография)...

«Лето и осень 1912 года я проехал по разным городам и курортам, устраивая публичные полеты... Я побывал в Карлсбаде, Мариенбаде, Праге, Фиуме, Меране, Боцене, Брикселе и других местах.

Поздней осенью я получил приглашение от фирмы «Капрони» в Милане поступить к ним на службу. Фирма хирела, и я должен был сделать ей рекламу. Капрони знал меня по состязаниям в Вене, где он выступал довольно неудачно со своей машиной и своим пилотом Бурготи.

Рекламу конструктору Капрони я сделал, установив на его машине несколько рекордов и выиграв перелет Милан — Рим, прилетев туда первым» (Х. Славороссов. Автобиография). «Какой-то злой рок преследует всех русских летчиков. Телеграммы известили, что 6 апреля... при спуске известного русского авиатора Х. Славороссова произошел взрыв бака с бензином. Робер Галло, летевший в качестве пассажира, получил при падении настолько тяжелые повреждения, что не мог выбраться из горящих обломков аэроплана и, когда подспела помощь, представлял собой обуглившийся труп... Славороссов был отброшен к хвосту аппарата. В бессознательном состоянии, почти умирающий, он был перенесен в военный госпиталь. Из последних известий выяснилось, что Славороссов при падении получил перелом левой ноги и пяти ребер, правая нога вся обгорела, кожа с лица сорвана, и констатировано общее тяжелое сотрясение мозга и всего организма. 36 часов летчик находился в бессознательном состоянии. Пользующиеся Славороссова врачи все же не теряют надежды вернуть его к жизни» («Новое время», 8 апреля 1913 г.).

«Я потерпел страшную катастрофу, загоревшись в воздухе. Пассажир мой горел, я же, изуродованный, выжил, пролежав в одном из госпиталей Турина шесть месяцев» (Х. Славороссов. Автобиография).

Прервем на время цитирование источников... Катастрофа была действительно страшной. Перевернувшийся горящий самолет накрыл Славороссова и придавил ему ногу. И он, как сам пишет, «сломав часть своей уже обгоревшей ступни» и отполз в сторону...

И вот вышел из госпиталя инвалид, твердо решивший — буду летать! Славороссов уезжает из Италии, и его имя опять появилось среди участников авиационных соревнований. Перед самым началом первой мировой войны газеты вновь сообщили о гибели Славороссова на Венском авиационном митинге, который проходил на аэродроме Аспери. Газетчики поторопились вновь — Славороссов остался жив!

«...Я устроился гастролирующим пилотом в фирме «Кодрон и Моран», летая от случая к случаю на тех и других самолетах, постепенно завоевывая себе положение. Но вдруг разразилась война. Все французские летчики записались добровольцами в армию, то же сделал и я. Меня назначили в 1-й Авиационный полк в Дижон,

а после перевели в школу в Бурже, где я сдал экзамен на военного летчика.

В Бурже я встретил знакомого мне еще по Парижу русского летчика Акашева...» (Х. Славороссов. Автобиография).

...Это был тот самый Константин Акашев, которого в России не взяли в авиацию по причине политической неблагонадежности. Он и в самом деле был революционером, бежал за границу из турханской ссылки. Вернувшись на родину, Акашев работал на заводе Лебедева, активно участвовал в Октябрьской революции, а затем был одним из организаторов советской военной авиации, начальником Главвоздухофлота. (Там же, в Бурже, познакомился Славороссов еще с одним русским летчиком-добровольцем, Эдуардом Томсоном, питомцем Московской школы пилотов, бежавшим из Германии, где был интернирован в начале войны. А вообще Славороссову везло на встречи. Его механиком, начиная с первых дней службы во французской авиации, был русский шофер Константин Айсбург. Кто он, как попал во Францию, пока еще установить не удалось. Имя этого человека я узнал только теперь, читая автобиографию Славороссова.)

«Французы быстро перекрестили нашего героя в «Славо» — так его звали друзья-летчики. Прославленный летчик-рекордсмен Жюль Ведрип, по происхождению тоже русский, говорил мне: «Если я когда-нибудь знал русских людей, отмеченных огненной страстью к воздуху. Славо был одним из первых в их числе. Почти все его полеты на фронте отмечены этой страстью, небывалой, исключительной храбростью. Он доказал это своим подвигом осенью первого года войны» (Э. Меос. Из письма сыну Х. Славороссова).

В феврале 1915 года Славороссов увольняется из французской армии и возвращается в Петроград. Поступив на самолетостроительный завод Лебедева, Славороссов, как он сам пишет: «Заведовал сдачей иностранных самолетов типа «Морис Фарман». Одновременно я восстановил школу Аэроклуба. Тут, помимо официальных учеников, я нелегально учил летать матросов Томашевского и Пасикова, а также солдат Гульбе и Захарова». (Ученики не посрамят Славороссова. А. И. Томашевский — один из первых авиаторов, награжденных орденом Красного Знамени в годы гражданской войны.)

Славороссов давно мечтал об образовании. По семейным обстоятельствам оказавшись в Томске, он сдал экстерном экзамены за

реальное училище и поступил в Политехнический институт. Там же после освобождения города Красной Армией вступил в нее добровольцем и вскоре был откомандирован в Москву для продолжения учебы. Так Харитон Славороссов стал слушателем института Красного Воздушного Флота (ныне Военно-воздушная инженерная академия имени профессора Н. Е. Жуковского).

Состав слушателей был весьма своеобразным: вместе с бывальными авиаторами — участниками гражданской войны — учились в академии вчерашние выпускники трудовой школы. Первыми питомцами академии стали боевые летчики — орденосцы Сергей Козлов, Карл Стоман, авиамеханик Назаров, Харитон Славороссов, которому было далеко за тридцать. С понятным почтением смотрели на них юные сокурсники — Михаил Тихонравов, ставший одним из первых создателей ракет и космических кораблей, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии, профессором, в будущем такие крупные ученые, как Борис Горощенко, Владимир Пышнов...

В архиве музея академии мне показали копию диплома Славороссова за номером 17, окончившего ее в 1925 году «по инженерному факультету». Со званием «военного инженера-механика воздушного флота» Славороссов был откомандирован в Добролет, где он по совместительству работал, еще будучи слушателем академии.

Умер Харитон Никанорович в 1941 году.

А в заключение я хочу рассказать о фотографии (фото на стр. 45), которую принес старший летчик-наблюдатель Евгений Павлович Смирнягин, тоже служивший в Добролете.

— Боюсь утверждать точно, какую должность тогда занимал Славороссов, — рассказывает Смирнягин, — но с этим прославленным летчиком и прекрасным инженером мне приходилось часто сталкиваться в начале двадцатых годов. Молодежь тянулась к Харитону Никаноровичу не только из-за его славного прошлого. — мы были покорены его доброжелательностью, он умел все очень спокойно объяснить, если надо, помочь, без проволочки решал технические вопросы. Обаятельный был человек.

...И вот однажды, — продолжает Евгений Павлович, — на нашем подмосковном аэродроме

произошла авария. У летчика Бориса Андреевича Иванова в воздухе разрушился мотор; оторвался носок вала вместе с пропеллером. Опытнейший пилот, участник гражданской войны, Иванов сумел посадить самолет.

Разбираться в аварии прибыл Славороссов, а вместе с ним был и старший моторист Миша Водопьянов...

— Водопьянов?! Тот самый?..

— Да, Михаил Васильевич Водопьянов, Герой Советского Союза, знаменитейший летчик... Но начинал он в авиации с моториста и работал у Славороссова. А у меня в этот день была с собой фотокамера. И я снял этот самолет, около которого стоят Славороссов с Водопьяновым...

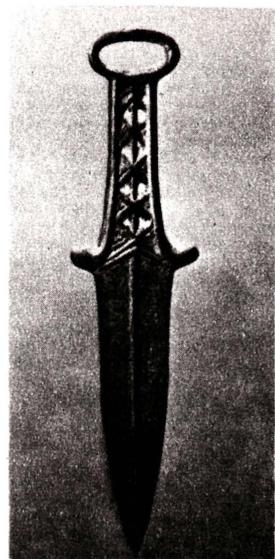
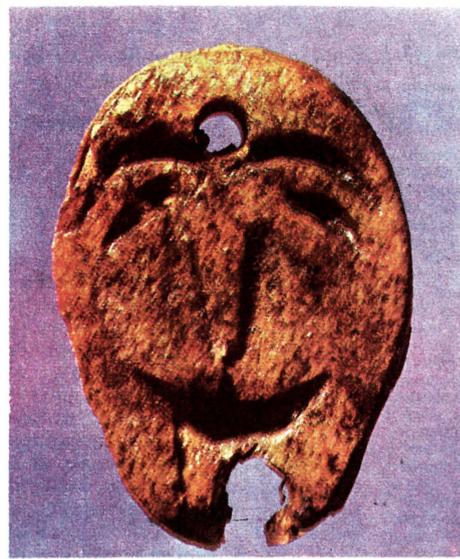
На следующий день мы вдвоем отправились в подмосковное село, где живет на берегу озера Бисерное герой арктических трасс, покоритель Северного полюса.

Михаил Васильевич очень обрадовался встрече со старым товарищем.

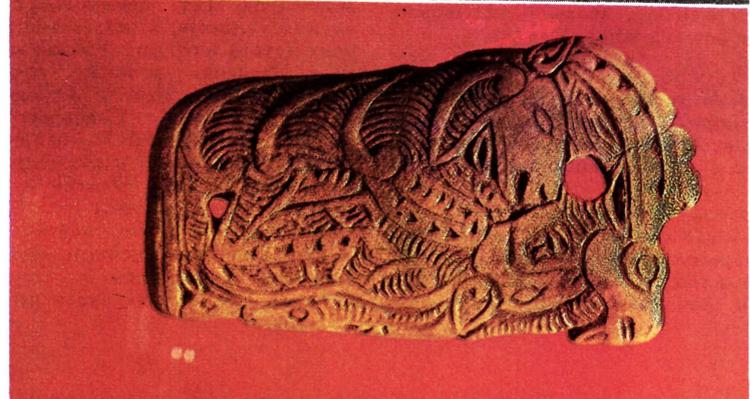
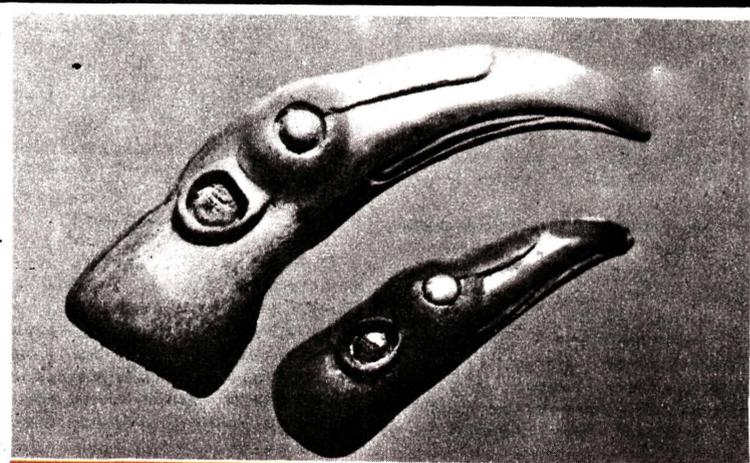
— И за фотографию спасибо... Удружили. Это ведь не только моя молодость. Всей авиации нашей... Верно говорят, что история авиации кровью летчиков написана. На чем летали... Без связи, без радио, приборов с гудькин нос... Чутьем больше... Ну и расшибали лбы... Я, можно сказать, трижды рождался заново... Ведь этот самолет мы прозвали «Конек-горбунок», потому что собирали его сами и из деталей самолетов самых различных типов. Мало машин было, а учиться на чем-то надо... Летчик Василий Николаевич Хиони был знаком с конструкторским делом и поднял в авиамастерских энтузиастов. Первую машину собрали в 1923 году. И знаете, получилась хорошая, устойчивая машина, больше ста двадцати километров давала. Все-го их сделали тридцать. От бедности, конечно, но послужили «горбунки» хорошо. Летчиков учили, потом для сельскохозяйственных работ приспособили, поля опыляли...

А эту машину мы потом со Славороссовым заново собрали. Таких инженеров, как Славороссов, в нашей авиации тогда было не так уж и много — летчик замечательный, сам был мотористом, механиком, да еще образование какое получил. Для него в самолете или моторе никаких секретов не было. Я у него большую школу прошел, с благодарностью вспоминаю... Очень хорошо, что вспомнили его, нельзя таких людей забывать, пионеры авиации русской.

...Да только ли русской?..

СКИФ ИЗ ДОЛИНЫ САГЛЫ

Археологическая экспедиция Тувинского научно-исследовательского института при раскопках курганов скифского времени сделала уникальные открытия. О первых результатах лабораторного исследования находок рассказывает начальник экспедиции, кандидат исторических наук А. Д. Грач.

Как и всякое «государство», Тува археологическая имеет свою «столицу». На высоте 2600 метров над уровнем моря в долине Саглы на площади в 40 квадратных километров рассыпаны — как бусы порванного ожерелья — 19 тысяч курганов.

«Столица» эта создавалась почти два с половиной тысячелетия: с тех пор, как мы пятнадцать лет назад приступили к раскопкам, были открыты погребения скифской эпохи, раннесредневековые, датируемые VI—X веками нашей эры, и захоронения XVIII—XIX веков, почти нашего времени.

Многие изделия древних мастеров, найденные в курганах Саглы, давно вошли в сокровищницу мирового искусства — в числе других золотых (в прямом и переносном смысле) экспонатов выставки «Скифские сокровища СССР» — они вызвали восхищение посетителей крупнейших музеев мира.

Но последний наш полевой сезон превзошел все ожидания. В течение одного только месяца было найдено столько художественных и бытовых изделий кочевников скифской эпохи, сколько не удавалось нам найти ни за один полевой сезон.

Мы поставили себе целью — как можно подробнее исследовать тот «квартал» нашей «столицы», который появился в IV—III веках до нашей эры. Дело в том, что существует мнение: это — время угасания блестящей скифской культуры. Очень мало свидетельств о том периоде дошло до нас, и поэтому в каждом новом кургане ожидается открытие. Но даже редкие погребения той эпохи оказываются зачастую целиком ограбленными... Курганы же Саглы — поистине подарок.

Во-первых, большинство их — никем не тронутые. Это и не удивительно — все-таки на 19 тысяч курганов, причем маленьких, почти незаметных, — не хватит никакой «грабительской мощи». И во-вторых, природная сохранность этих курганов уникальна: курганы Саглы скованы вечной мерзлотой, прекрасно сохранявшей то, что истлевет в обычных погребениях, — дерево, кожу, ткани...

Фото В. ТЕРЕБИНИНА

Под прозрачным слоем льда лежали никем и никогда не потревоженные тела воинов с оружием, женщин, усыпанных украшениями, детей. Иногда кажется, что еще вчера и люди, и вещи были живы — движением, работой.

Произведения искусства поражают отточенным мастерством. Причем, что особенно ценно, большинство их сделано не в античных центрах древнего мира, а имеет местное происхождение. И даже, на наш взгляд, требовательный взгляд современников, они по-настоящему прекрасны, доставляют истинное эстетическое наслаждение. Вот, например, костяная поясная бляшка. Тонкие линии на ней закручивают в сложный узор изображения лошадей, архаров, львиц. Более десятка животных расположены на сравнительно небольшой площади. А в самом низу вообще сюжет для скифов удивительный: нежно тянутся друг к другу антилопа и маленький теленок. Найдены в довольно большом количестве и предметы с «традиционными» сюжетами: поясные бляшки в виде львов, нападающих на диких козлов, амулеты с головами фантастических грифонов, налобные золотые бляшки с головами орлов.

Великолепие открытых погребальных комплексов опровергает мнение о закате скифской культуры в IV—III веках до нашей эры, а некоторые детали этих предметов уведут исследователя к более поздним событиям, происходившим на территории Центральной Азии. В последующем — после создания этих курганов — периоде здесь прошли гунны. До сих пор были основания считать, что завоеватели почти ничего не позаимствовали из культуры поработанных народов. Но находки из Саглы явно говорят об обратном: отдельные элементы в рисунках, найденных в скифских усыпальницах, повторяются в творчестве гуннов.

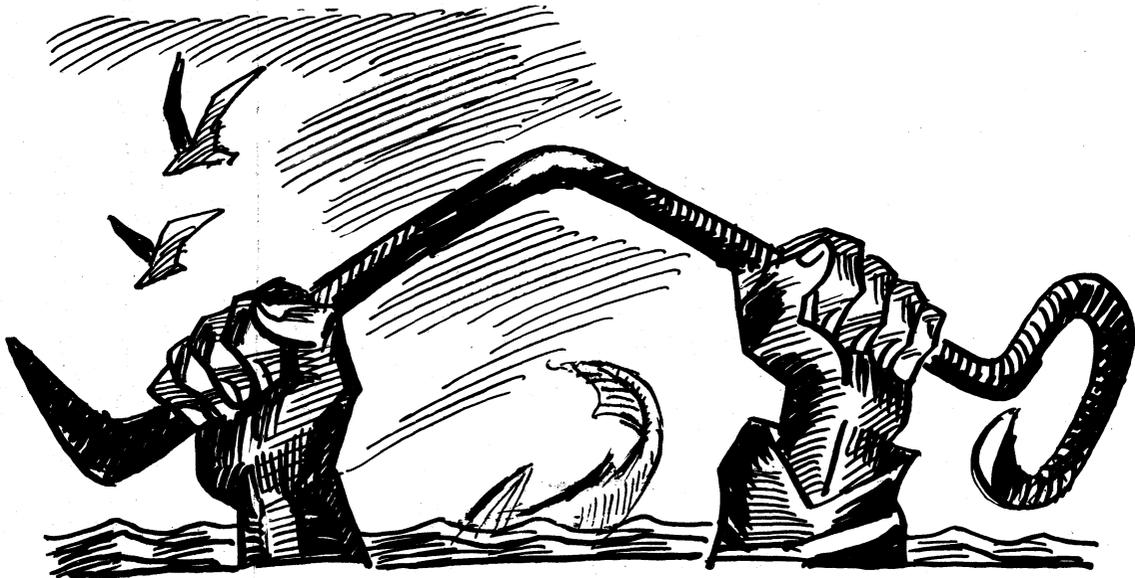
Результаты раскопок позволяют проследить и обширные «международные» связи древних кочевников скифского времени. В курганах находились вещи явно «импортного» происхождения — раковины каури и сердолик из Индии, бусы, созданные античными ремесленниками.

Ну а самая волнующая находка, как это нередко бывает в науке, как раз и не поражает своим внешним великолепием... В одной из «коллективных» усыпальниц мы обнаружили кенотаф — могилу без захоронения. В соседних камерах лежали мужчины в полном вооружении, а здесь — никого. Правда, в этой камере был такой же полный, как и в других курганах, набор погребальных вещей. Видимо (сейчас это можно только предполагать), тело воина не удалось доставить с поля боя. И вместо него родственники положили... его портрет. Да, да, небольшой костяной медальон с изображением человеческого лица. Для нас он особенно ценен тем, что это самый древний портрет человека скифского времени, найденный на территории Центральной Азии. До сих пор облик скифов мы знали лишь по работам античных мастеров. Здесь же изображение выполнили сами древние саглынци. Правда, портрет нельзя назвать слишком реалистическим, но он передает основные характерные черты человека. Узкие, раскосые глаза, а овал лица совсем европейский, длинный прямой нос. Антропологи подтверждают, что именно так и должны были выглядеть кочевники этих племен.

И если уж перечислять важнейшие результаты работы экспедиции, нельзя не сказать о следующем. Исследователи давно обратили внимание на то, что при раскопках в мерзлоте выделяется резкий кислотный запах. Видимо, какие-то биологические процессы, «замороженные» мерзлотой, при оттаивании «оживают».

Курганы в Саглы, которые мы копали, — неграбленные, туда не проникло ничего извне в течение сотен веков. Они были будто гигантские консервные банки. Вот у нас и возникла мысль взять пробы мерзлотного заполнения камер и попытаться оживить древний микромир. Первый такой эксперимент и был сделан. Микробиологи Тувинской санэпидстанции, под микроскопом которых оказались пробы из саглынских курганов, обнаружили впервые три культуры оживших микроорганизмов. Но этот опыт — самое начало. Будущие исследования представят несомненный интерес для медиков, биологов, мерзлотоведов и ученых, занимающихся проблемами космоса.

Записала Н. ЛИНКО

КУРТ КЛАМАН

В ДВИЖЕНИИ РЕЛИНГОВ

Мы должны были сниматься с якоря назавтра в полдень. Но прежде чем это произошло, «Артемизию» ожидала маленькая сенсация: на судно явился Мак-Интайр...

Нам позарез нужен был еще один кочегар. Место у котла левого борта пустовало. Парень, что прежде шуровал топку, не вернулся в Дурбане с берега. Обязанности его вынуждены были разделить остальные, и эта дополнительная каторжная работа в адской жаре кочегарки была у ребят просто как кость в горле.

Я как раз сменился с вахты и стоял рядом с Жоржем у релингов, когда прибыл новый кочегар.

— Эй ты, ублюдок! — раздался на пирсе зычный голос. — Дорогу королю ирландскому! Или ты не рад его прибытию?

Это был Мак-Интайр. Рикша остановился в нескольких шагах от трапа. Подъехать ближе ему мешали тюки с товаром. Портовый инспектор, португалец, приказал рикше, мускулисту негру банту, высадить своего пассажира. Тот отстегнул ляжку и опустил оглобли коляски на землю. Однако седок и не подумал сойти, а остался гордо сидеть на потертом бархатном кресле, словно король

на своем троне. Наверное, инспектору и впрямь следовало немного усомниться: вдруг рикша на самом деле привез сюда короля ирландского? По крайней мере, у парня были и корона, и мантия: поношенная шестипенсовая кепочка и застиранная кочегарская блуза с оторванным правым рукавом. Старые широкие парусиновые штаны свисали складками, а довершали наряд веревочные туфли, которые моряки повсюду плетут от скуки из старой каболки.

Впрочем, инспектор, самонадеянный толстяк, уже и думать забыл об этом «чокнутом» морячке и всецело погрузился в свои товарные махинации. Ирландец сидел, прямой как столб, и — необыкновенное дело! — его костистое лицо прямо-таки светилось. Даже здесь, в Африке, на нем не было ни малейшего следа загара. Трудно сказать, что же, собственно, в этом лице сразу бросалось в глаза. Черты его были мелкие и острые, кожа — тугая, гладкая; блестящие белые зубы прикрыты узкими губами. Да плюс ко всему — маленький острый носик и неглубокие глазные впадины, в которых сидели водянистые глазки. Крохотные уши плотно прижимались к черепу, и поначалу мне показалось, что их и вовсе нет.

Мы перевесились через релинги в предвкушении спектакля, ощущая, что основные события еще впереди и что на судно явился необычный бичкомер¹, непροстой «истребитель рома». Тех-то мы прекрасно знали — взвинченных, обидчивых, отличающихся большой нелюбовью ко всякого рода работе. «Король ирландский» был совсем не такой. Он продолжал сидеть в коляске и требовал, чтобы его довели до самого трапа. Вокруг собрались люди. Работа приостановилась. Словно бледный монумент, восседал ирландский кочегар на выцветшем бархате своего трона-кресла. Не стесняясь в выражениях, он поносил инспектора и докеров, которые не освобождали ему дорогу. От столь яркого упрямства люди растерялись.

— Не дай бог, увидят это «дед» или чиф², — сказал я, — они ведь мигом наладят его с судна.

— Ну нет, этого парня им на четыре кости не поставит, — отозвался Жорж.

На шум выглянули из кают-ком-

¹ Бичкомер, бич (английский морской жаргон) — опустившийся и обитающий в портовых трущобах моряк.

² «Дед», чиф — механик и старший помощник капитана на торговых судах (жарг.).

пани офицеры и тоже стали наблюдать за представлением с палубы. Инспектор между тем закурил удила. Он закричал на ирландца и попытался даже вытащить его из коляски. Однако тот по-прежнему глыбой восседал в своем кресле. Инспектор кликнул на помощь десятника-метиса.

— Сейчас ты увидишь потрясающий аттракцион, — сказал мне Хайни. — Король ирландский совершит перелет со своего трона напрямик в воду. Взгляни на ручищи этого метиса. Он же делает из парня отбивную!

Однако к тяжелой руке, опустившейся на его плечо, ирландец отнесся не с большим трепетом, чем к обыкновенной докучливой мухе. Он небрежно смахнул ее в сторону и тут же с молниеносной быстротой (мы едва успели уловить это движение) выдвинул вперед нечто бледное, вроде шатуна паровой машины. «Шатун» ухватил жирного инспектора за запястье и раскрутил в воздухе. Тянул же тот, ей-ей, не меньше чем на два центнера. Неистовый ирландец без всяких видимых усилий вертел орущего благим матом толстяка над головой — совсем как ковбой, собирающийся метнуть лассо. И вдруг, прочертив в воздухе четкую траекторию, пухлое тело перемахнуло через наши швартовы и метрах в пяти от пирса шлепнулось в воду.

У Хайни выпала изо рта сигарета. Не проронив ни слова, глазели мы на происходящее. Нет, там, внизу, сидел не человек. Это была хорошо смазанная машина! Стоило «машине» сделать несколько шагов к воде, как зрители тотчас попрыгали за вагонами и грудями ящиков.

Ирландец вытащил из кармана окурок и, чиркнув спичкой, с удовольствием затянулся. Затем размеренным шагом подошел к ящикам, заслонявшим ему дорогу к трапу. Не обращая ни малейшего внимания на безбилетных зрителей, он нагнулся и с легкостью опрокинул весь штабель в воду, словно тяжелые ящики были не более чем картонками из-под обуви. Полный достоинства, вернулся он к коляске, уселся на «трон» и снова отдал приказ рикше подъехать к самому трапу. Здесь он вышел, заплатил (мы поняли это по довольной мине банту) королевские чаевые и гордо прошествовал на наше судно.

Мы стремглаз кинулись на левый борт. Ящики колыхались в воде. Мокрого насквозь инспектора выудили грузчики. Полицию звать он не стал. Позора и без

того было достаточно. Срывая злость, он гонял своих людей, требуя поскорее извлечь ящики из воды. Сойдет ли это «королю» с рук? Едва ли: ведь офицеры видели все с палубы.

Ирландец поднялся по трапу на бак и спросил меня:

— Как называется коробка?

Словно считая, что и так сказал слишком много, он остановился и выжидательно полуобернулся к нам, впрочем, не удастая никого взглядом. Вопрос был задан тоном, не терпящим отсрочки.

— «Артемизия», Гамбург, — сказал я, в мыслях видя себя уже летящим по воздуху.

— Откуда? — спросил он.

— Из Занзибара, — поспешил ответить Хайни. Всем нам вдруг стало как-то очень неудобно, едва этот человек глянул на нас своими бледными рыбьими глазами. На его правом предплечье я разглядел татуировку: большая рыба-молот и рядом цифры, вероятно, даты.

Он перехватил мой взгляд и спросил:

— Куда идете?

— В Дурбан, — тотчас ответил я.

— Рыбу-молот видел?

— Нет, но других больших рыб...

— Я тебя о чем спрашиваю, о других или о рыбе-молоте?

— Никакого молота... — пролетал я. Все остальные слова застряли у меня в горле. «Придержи язык, — скомандовал я мысленно сам себе. — Что тебе за дело до этой проклятой рыбы?» Мы и верно не видели ни одной из них. Может, в этом углу земли их всего-то и было — раз-два, да обчелся. И вообще, что надо этому парню, который обрезает у другого слова возле самого рта, словно эскимос, жующий тюленьё сало? А эта идиотская манера знакомиться подобным образом со своей же братвой — кочегарами и триммерами¹. И после всего мы должны стоять вместе с ним у котлов, сидеть за столом, спать в одном кубрике? Нет, похоже, этот малый не из наших...

Я отошел от фальшборта и направился вслед за кочегарами к люку котельной. Видно, общаться с ирландцем и у них не было ни малейшего желания. «Король», сделав несколько шагов по направлению к нашей группе, произнес:

— Я — Мак-Интайр. Зовите меня Мак, — и зашагал в кубрик.

— Мы будем звать тебя Мак-

¹ Триммер — подносчик угля (жарг.).

Рыба, — проворчал Хайни ему вслед.

— Любопытно, как поладит с новеньким наш дорогой Джонни, этот чертов подлиза? — сказал Фред. Джонни был донкименом — старшим кочегаром.

— Если он ухватит Джонни за шкуру, как того портового инспектора, — заявил Хайни, — да шваркнет о переборку котельной, то придется нам искать нового старшого.

Мы прикинули, что в принципе это было бы не так уж и плохо.

— Ладно, — сказал Жорж, — пошли лучше в кубрик — посмотрим на парня поближе.

Мы не поверили своим глазам: Мак-Интайр восседал в столовой на месте донкимена и с аппетитом поглощал его паек, не спеша запивая еду холодным чаем. Я даже потряс головой: уж не мерещится ли? Нет, это определенно должно закончиться катастрофой. Теплых чувств к Джонни мы не питали, но все-таки шутка зашла слишком далеко. Жорж вышел вперед, вытер платком вспотевший лоб и сказал:

— Меня это, конечно, не касается, но на всякий случай знай: то, что ты лопаешь, — это паек донкимена.

Мак-Интайр и ухом не повел. Челюсти его продолжали размеренно перемалывать пищу. Он невозмутимо содрал шкуру с последнего кусочка донкименской сухой колбасы и целиком отправил его в рот.

— И место, на котором ты сидишь, Мак-Интайр, — тоже место донкимена, — продолжал Жорж. — Ты, конечно, сам не маленький, но я все же хочу тебя предупредить: так не делают, и добром это не кончится.

Парень по-прежнему сидел себе и всем видом показывал, будто мы здесь — все семеро — для него не более чем воздух. Мы потихоньку начали свирепеть. Новичок нагло ломал наш священный порядок — то единственное, что делало возможным совместную работу и жизнь столь различных по характеру и темпераменту людей, собравшихся со всех концов света. Мак-Рыба медленно поднялся, напялил свою кепочку и подошел к иллюминатору. Жалкие остатки донкименского пайка сиротливо лежали на столе. Ирландец как зачарованный уставился в иллюминатор — туда, где за портовым молом виднелся блистающий Индийский океан. Его безразличие выглядело столь провокационным, что все мы просто шипели от желания задать ему хорошую трепку. С другой сторо-

ны, мы ведь сами только что наблюдали спектакль на пирсе и вочию убедилась, какая титаническая сила таится в этом клубке мускулов.

Не изменив позы, ирландец слегка наклонил голову к Жоржу, который стоял к нему ближе всех. Глаза его все так же смотрели куда-то вдаль.

— Когда ты видел рыбу-молот в последний раз, кочегар?

— Чтоб она обгадилась, твоя проклятая рыба! Я уже сказал

тебе, что ты сидел не на своем месте.

Мак-Интайр уставился на Жоржа.

— Я спросил о рыбе-молоте. Так когда? — с угрозой в голосе повторил ирландец.

Мы отступили назад. Хайни напружинился. Все остальные прижались к переборке и замерли в ожидании. Жорж был среди нас самым старшим. Завести его на драку было довольно трудно, но и страха он не знал.

— Черт побери, я никогда не видел рыбу-молот, — сказал Жорж. — И вообще, Мак-Интайр, ты сам отлично знаешь, что судовая обшивка мешает наблюдению за рыбами. В кочегарке нам приходится заниматься иными делами.

Он отвернулся от Мак-Интайра. Тот продолжал стоять в прежней позе. Мы подались на палубу: судно должно было отходить. Понятно, говорили мы в основном о создавшейся ситуации.

— Является какой-то тип, сжирает чужой паек, и ему не могут дать за это по морде! — возмущался Хайни.

— Только и ждет зацепки, чтобы подрагаться и выкинуть кого-нибудь в иллюминатор, словно селедку, — подливал масло в огонь Фред.

По трапу прогрохотали ботинки донкимена. Мы заметили, что он не в духе. Настолько не в духе, что самое разумное — вовсе не попадаться ему на глаза. Пусть сам увидит, что осталось от его пайка.

Донкимен шагнул через комингс в столовую и тотчас заметил новичка, который по-прежнему, не спуская глаз, смотрел на воду и не обращал ни малейшего внимания на вошедшего. Джонни подошел к чайнику, собираясь отхлебнуть из него.

— Почему чайник пустой? — спросил он нас. Мы уже собрались в столовой и стояли, теснясь к переборке.

— Кто-то его, видимо, высал, — ответил Ян.

Это сразу повело донкимена на скандал.

— Кто здесь вылакал чай, зная, что я заступаю на вахту? — с угрозой спросил он.

— Спроси новичка, может, он тебе скажет, — дипломатично ответил Фред. Однако Хайни не был бы Хайни, если бы тут же не подсыпал перца:

— Спроси уж заодно и о том, кто слопал твой паек.

За спиной старшего Хайни чувствовал себя куда увереннее.

Высказав все, чтобы подначить Джонни, мы отступили назад и сгрудились около двери. В глазах донкимена засверкали молнии. Мы и не пытались унять его. Он постоянно срывал злость на более слабых и молодых и утверждал свою власть, устраивая множество мелких пакостей. Если бы Мак-Интайру удалось спихнуть его с трона, было бы только здорово. Куда хуже, если Джонни поладит с новичком. Союз силы и подлости? Ну нет!

Рисунки В. КОЛТУНОВА

— Кто сожрал мои продукты? — сдавленным голосом спросил Джонни. — Какой дерьмовый бичкомер посмел спереть мой паек?

Такую чудовищную наглость донкимен не в силах был постичь. Он подошел к столу, сначала выдвинул свой ящик, затем вынул его совсем и, выгаражив глаза, уставился на его зияющую пустоту. Лишь кучка крошек да сухая колбасная шкурка остались там. Джонни обвел всех взглядом. Он знал, что никто из нас не решился бы на подобную шутку. Продукты выдавались по субботам. Сегодня вторник. Это означало, что донкимен четыре дня должен питаться черным хлебом с маргарином, наблюдая, как остальные едят бутерброды с колбасой и сыром. Сам он мастерски делил свой паек так, что ему всегда хватало продуктов до очередной раздачи. Ни единого раза, ни на миллиметр не отошел он от тех семи надрезов, что заранее делал на колбасной шкурке.

А тут стоит чужой, расхристаный бичкомер, в желудке которого перевариваются его колбаса и сыр, украденные из ящика и слопанные просто так, за здорово живешь. Нет, этот разбой следовало жестоко покарать — и немедленно.

— Так это ты, навозная жижа? — прорычал Джонни и ринулся на Мак-Интайра. Тот все еще не мог оторваться от созерцания моря. Казалось, он вовсе не заметил беснующегося донкимена. Ухватившись правой рукой за медный обод иллюминатора, он даже высунул в него голову, словно старался разглядеть в воде нечто диковинное.

И вдруг, увидев, должно быть, в стекле иллюминатора отражение занесенного кулака, ирландец отпрянул в сторону и цепко захватил правой рукой запястье донкимена. С силой выворачивая руку противника, Мак-Интайр вынудил этого громилу встать на колени. Захват, по-видимому, был страшнейший. Джонни пытался трепыхаться, но железные руки гнули его книзу. Он знал, что мы наблюдаем его поражение. Никогда еще мы не видели Джонни столь беспомощным. Он склонил колени перед каким-то бродягой и не мог подняться. Впрочем, впечатление было такое, что ирландец не рад своей победе. Гладким и бесстрастным казалось его лицо. Этот триумф был для него чем-то вполне обыденным.

Донкимен судорожно хватал ртом воздух, глаза его вылезали

из орбит; он все еще не мог постичь, что за жуткая сила пригвоздила его к полу. Имей он прежде хоть малейшее подозрение, что такое может произойти, он попытался бы применить какой-нибудь хитрый контрприем. Но теперь ужасные тиски сдавливали его запястье и тянули вниз. Он уже лежал на полу ничком, извиваясь от боли.

И вдруг Мак-Интайр отпустил его, уселся на банке, достал из кармана окурок и всунул его в рот. Закуривая, он сказал всем нам так, словно и не было рядом побежденного донкимена:

— Значит, никакой рыбы-молода за последние недели вы не видели?

Джонни скосил глаза на нас, словно хотел прочесть на лице каждого степень своего позора. Он не знал, что ему теперь делать: снова броситься на ирландца или разгонять нас. Там, на банке, сидел новый повелитель —

король в потертой рабочей блузе с оторванным рукавом. Мы молча расступились перед ним, когда Мак-Интайр поднялся и пошел прочь из столовой.

— Подъем, подъем! — прокричал триммер Вилли, пришедший из кочеварки будить очередную вахту.

Наконец Джонни встал, повязал вокруг шеи платок, надвинул на брови кочеварскую фуражку и безмолвно удалился в котельную...

Моя вахта начиналась в полночь. Я лег на койку, чтобы немного поспать. Но сна не было. Все необычайные события этого дня вновь проходили передо мной. Я поймал себя на том, что отдергиваю краешек занавески, чтобы взглянуть на нижнюю койку напротив. Ее занял ирландец. Но койка была пуста, только грязный соломенный матрац лежал на ней. Подо мной спал Жорж, вместе с которым мне предстояло заступать на вахту. Я удивился тому,

что не слышу его знакомого тихого посапывания. Свесившись с койки, я увидел, что не спит и он.

— Жорж, — позвал я потихоньку, — сейчас придет Мак-Интайр и ляжет на койку. Что же будет дальше?

— Что дальше? — ответил Жорж. — Эта противная рыба будет жить вместе с нами. Конечно, приятного мало, но ведь «списать» его мы не можем.

Немного погодя в кубрик вошел Мак-Интайр. Я наблюдал за ним сквозь щель в занавеске. Он стоял спиной ко мне. Я едва осмелился дышать, чтобы не выдать себя. Ирландец подошел к своей койке, и я увидел, как он достал из кармана штанов какую-то штучковину. Я пригляделся и вздрогнул: Мак-Интайр держал в руках револьвер! Иметь оружие на судне строгойше запрещалось. И вдруг у этого парня в руках «пушка». Зачем? Ведь он и так — король кочегарки. Полный душевного спокойствия — наблюдателей он, казалось, не опасался, — ирландец приподнял матрац и положил под него оружие.

В кубрике было душно. У ирландца на лбу крупными каплями выступил пот. Единым махом он сбросил с себя блузу и парусиновые штаны. Торс его, казалось, состоял из одних только сухожилий и мышц. Сухожилия стальными тросами тянулись от запястий вверх, к мощным плечам, к шее. Мак-Интайр вышел из кубрика, а через несколько минут вернулся, держа в руках болт длиной сантиметров в двадцать. Зачем он ему? Прежде чем я успел придумать какой-либо подходящий ответ, ирландец приложил тупой и довольно толстый болт к деревянной обшивке переборки и одним резким ударом кулака вогнал его в доску. На болт он повесил свои вещи.

Мак-Интайр уселся на койку и, вытащив из кармана потертых штанов какой-то небольшой предмет, стал с любовью его рассматривать. Не иначе, вещь была самым драгоценным его достоянием — плоская маленькая шкатулка, размером не более двух спичечных коробков. Она была богато инкрустирована и сработана так изящно, что в нашей убогой обстановке казалась святыней. Крышку и боковины ее украшал отливающий голубизной перламутр с золотым орнаментом. По углам крышки красовались самозцветы, а в середине сверкал большой драгоценный камень.

Откуда у парня такая ценность? Как попала она в заскорузлые руки ирландского кочегара? Что

он — убил телохранителя махараджи или ограбил сокровищницу Александра Македонского? А может, пользуясь своей нечеловеческой силой, разбил бронированные двери египетского национального музея в Каире или обокрал дворец далай-ламы?

Мак-Интайр осторожно, прямо-таки нежно провел пальцами по краю шкатулки. Повинуясь действию потайного механизма, крышка откинулась. В шкатулке оказалась маленькая шахматная доска. Мак-Интайр принялся неторопливо втыкать крошечные фигурки в отверстия, проделанные в клетках поля. Но что это были за фигурки! Изящнейшие резные штучки из слоновой кости, стилизованные под рыб. Вместо обычных коней были морские коньки, слонами служили дельфины, киты выступали в роли ладей. Ферзей заменяли сирены с рыбьими хвостами. А короли! Одним из них был Нептун с трезубцем в руке, а другой... — я не верил своим глазам! — другой король представлял собой хитро изогнувшуюся рыбу-молот! «Белые» были отделаны золотом, «черные» — серебром. Каждая фигурка покоилась на цоколе слоновой кости и снабжалась шипом, при помощи которого она держалась в гнезде на поле. У рыбы-молота по обеим сторонам головы горели глаза-рубины.

Увлеченный, я, не отрывая глаз, смотрел из-за своей занавески на это диво дивное. Ирландец начал игру. Казалось, он совершенно позабыл о том, где находится. Мак-Интайр пошел пешкой — маленькой изящной рыбкой. Играл он против «золотых», во главе которых была рыба-молот. Конечно, ему приходилось двигать фигурки и той и другой стороны, но на лице его откровенно было написано, кому он столь яростно пытается объявить мат. «Съеденные» фигуры ирландец с нежностью складывал в особый кожаный кармашек на внутренней стороне крышки.

Я полагал, что он полностью ушел в свою игру. Ни единым взглядом не удастаяв наше обиталище, переставляя кончиками большого и указательного пальцев серебряного слона — дельфина, чтобы объявить шах золотому королю — рыбе-молоту, он произнес:

— Вы не знаете и не видели, что лежит под моим матрацем. Поняли?

Этот человек казался мне все более зловещим, а поведение его я мог объяснить только тем, что он

не всегда и сам представляет, что говорит и что делает.

Конечно, все, кто был в кубрике, поняли его. Но что мы могли ему ответить? Да он, видимо, вовсе и не ждал нашего ответа.

Я заставил себя отвернуться к переборке, хотя, ей-богу, охотнее понаблюдал бы за исходом игры.

Спал я очень беспокойно и проснулся от сильной качки, перекачивающей меня в койке то к самой переборке, то к краю. Наверху была непроницаемо-черная ночь. Дул свежий ветерок. В слабом свете ночника я разглядел, что Мак-Интайр крепко спит. И тотчас меня снова захватили мысли об этом странном человеке и его «пунктике» насчет рыбы-молота...

Пробило восемь склянок. Пришел Хайни и поднял нас на вахту. Он старался побыстрее проскользнуть мимо ирландца, хотя и тщательно скрывал свой страх. Мак-Интайр промывал только традиционное «ол райт». Потом мы все вместе шли по шаткой палубе к кочегарке, чтобы сменить предыдущую вахту. Мак-Интайр искусно балансировал при качке. Безусловно, это был испытанный моряк. «Посмотрим теперь, что ты за кочегар», — подумал я.

В колючем чаду, возникающем при очистке топок от шлака и всегда заполняющем всю котельную, мы сошли вниз. Чем глубже мы спускались по замасленным ступеням, прижимая платки ко рту, тем плотнее и горячее становился чад. Заслонки топок слабо светились в дымной мгле. Возле них, как тени, двигались вахтенные.

Мак-Интайр подошел прежде всего к манометру, затем открыл дверцы своих трех топок и проверил, каков там огонь. Лишь после этого он сменил Фреда.

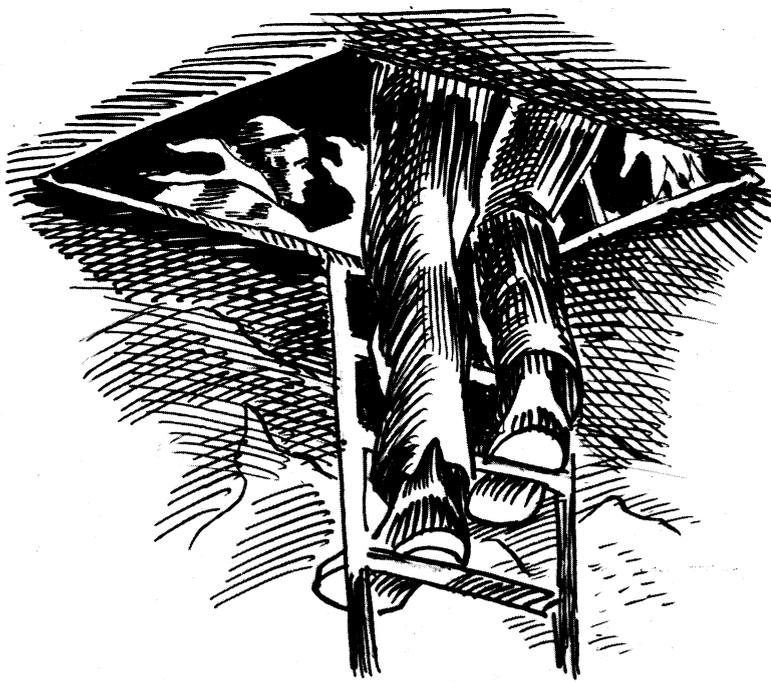
— Котлы заполнены, первая и вторая топки очищены от шлака, — доложил Фред, и ирландец повторил доклад. Потом он проверил запасы угля перед своим котлом. Мак-Интайр больше ничего не сказал. Он уселся на угольную кучу и воткнул в рот окурочку. Вдруг мы услышали его сухой голос:

— Чтобы вы были в курсе!

Никто не понял, что он хотел этим сказать. Мак-Интайр продолжал:

— Никаких пререканий здесь внизу, поняли?! Мы делаем нашу работу, а остальное нас не касается! — И угрожающим тоном добавил: — Не должно касаться!

После всего, что произошло, меня трудно было чем-либо удивить, и я с трудом удержался от

вопроса: а что же, собственно, может произойти здесь, внизу?

Мак-Интайр встал, взял стальную кочергу и без всяких видимых усилий согнул ее о колено под прямым углом. Эта демонстрация силы должна была придать его словам должный вес. Очевидно, он хотел предупредить, чтобы мы не вмешивались в его дела. Сменившаяся вахта начала подниматься на палубу, у людей поджилки тряслись от страха.

Мак-Интайр снова разогнул кочергу. Заметив, что на ней все же остался изгиб, он сунул ее в топку, раскалил докрасна и отрихтовал двадцатифунтовой кувалдой.

Из своего бункера я видел, как передернулось лицо Жоржа. Он стоял у котла, сердито сжав в зубах сигарету, и отгребал от своих ног кучу горячей золы. Жар отбрасывал светлые блики на его тощее тело. У соседнего котла стоял чужой, который осмелился посягнуть на наши порядки.

С таким трудом удалось нам найти правильный ритм между работой и едой, сном и вахтой. Мы долго притирались, принаравливались один к другому, узнавали сильные и слабые стороны каждого и наконец мало-помалу сжились. А теперь на судне появился Мак-Интайр — возмутитель спокойствия, который угрожал нашим священным устоям.

Он играючи управлялся со своими топками. Без труда бросал тяжелые куски угля в самое чрево огня. То, что для нас было каторжным трудом, этому парню казалось детской забавой.

Ирландец закрыл дверцы топок и снова уселся на кучу угля. Достав шахматную шкатулку из кармана, он открыл ее и начал готовиться к партии. Маленькие фигурки, перламутр и камни на шкатулке пылали в ответе топок. Вдруг раздался скрежет. Раздраженный Жорж бросил совок на железный настил и подошел к ирландцу.

— Так что же означает этот твой номер с кочергой, Мак-Интайр? — зло спросил он. — Ты что, собираешься учить нас, старых кочегаров, как надо работать?

Упрямо набычившись, ирландец взял черными пальцами серебристую фигурку рыбы и воткнул в следующее поле. Затем он преврал игру, медленно встал, бросил взгляд на манометр и открыл дверцу топки. Засовывая тяжелую кочергу глубоко в жар, он сказал, не глядя на взбешенного Жоржа:

— Я хотел пояснить, что здесь не должно быть никаких скандалов. Кочегарьте как хотите, но не вынуждайте меня, бога ради, не вынуждайте поднимать на вас руку!

Он надавил на кочергу, с силой отодрал шлак от колосников, так что топка загудела, и добавил, словно заклиная:

— Не могу я этого!

— Почему же это ты должен поднимать на нас руки? — закричал Жорж. — С какой стати ты собираешься раздавать нам оплеухи?! Да кто ты такой? Проклятая треска! Влез к нам — и

что же теперь? Наша работа станет от этого легче?

Дрожа, я поднялся из бункера. Моя рука медленно нащупывала рукоятку двадцатифунтовой кувалды. Качка стала ощутимее. Старая тетка «Артемизия» брыкалась как ненормальная. Большие куски угля перекатывались по настилу. Кочегарам и триммерам приходилось все труднее. Я понимал, что Жорж пошел в открытую. И что я должен быть на его стороне, если человек-молот попробует пустить в ход руки.

Но кувалда не потребовалась. Балансируя на железных листах настила, Мак-Интайр направился к чайнику с пресной водой. Напившись, он снова уселся в уголок играть в шахматы. Его широкая спина казалась расплывчатым светлым пятном на черном фоне стены котельной. Мы для него более не существовали. Жорж пошел к своей топке, и я тихо сказал ему:

— Я рядом, Жорж. Из бункера мне все видно.

— Нет необходимости, Куддель, — ответил он. — Я уж с ним и один как-нибудь справлюсь.

Наверху, должно быть, сменили курс, и «Артемизию» стало качать еще сильнее. Сквозь завесу угольной пыли я тащил свою корзину к котлу. Дышать было почти невозможно. Я прикрыл платком рот и нос. В глаза лезла всякая дрянь. По щекам бежали слезы. Но я старался, как черт: в затылке у меня сидел страх. Я думал о Мак-Интайре. Мне никак не удавалось натащить ему достаточное количество угля для котла. Кто мог поручиться, что Мак-Интайр не поколотит меня, если уголь подойдет к концу? Когда я вывалил очередную двухцентнеровую корзину у топок, ирландец вдруг встал, сунул шахматы в карман и направился ко мне.

— Ты будешь играть со мной! Страх парализовал меня. Играть в шахматы с сумасшедшим? Нет уж, увольте!

— Мак, я не умею играть в шахматы, — возразил я, хотя это было совсем не так. — Я только иногда наблюдаю за игрой.

— Ты будешь играть, сказал я или нет? Ты умеешь играть. Я видел, как в кубрике ты подсматривал за мной. Давай, начинаем!

Жорж молча чистил свои топки. Бросив быстрый взгляд в его сторону, я заметил, что он не упускает меня из виду.

Что мне еще оставалось? Мы уселись друг против друга на кусках угля. И если быть честным, меня очень заинтересовали диковинные маленькие шахматы. Так хотелось подержать их в руках!

Мак-Интайр прокопился дочер-на: в трансваальском угле много пыли. Только там, где по его телу струился пот, виднелись светлые дорожки. Итак, я сидел напротив этого странного человека. Почему он выбрал именно меня? В шахматы на судне играли почти все. Может быть, он почувствовал, что за моим страхом прячется еще и любопытство?

Ничто в лице ирландца не намекало на его особую симпатию ко мне. Бескровные губы были плотно сжаты, водянистые глаза равнодушно блестели на перепачканном угольной пылью лице. Маленькие, сверкающие чудо-шахматы он положил на колени. Руки с обожженными ногтями какое-то мгновение ласково ощупывали боковину шкатулки. Легкий нажим на драгоценный камень — и крышка поднялась. Мак-Интайр повернул доску так, что я должен был играть за короля рыбу-молот. Играл я тогда не так уж скверно, и меня охватило честолюбивое желание показать ирландцу, на что я способен. Однако уже через десять минут моему королю пришлось худо. Ферзя — маленькую сирену — я потерял, равно как и обе ладьи и коня — морского конька. На следующем ходу серебряный слон-дельфин Мак-Интайра угрожал мне шахом. Как избежать опасности?

Близость черной горы мускулов сбивала меня с мысли. Жорж захопнул дверцы своих топков и стоял позади ирландца. Он был хорошим игроком, мы с ним часами просиживали за доской. Может быть, он хотел подать мне знак? Я украдкой взглянул на друга. На покрытой черной пылью стенке котла он рисовал меч. Вот крестообразная рукоятка, вот длинный клинок. Я поразмыслил немного и склонился над крошечными фигурками. Меч? Конечно, Жорж имел в виду пешку. Я нашел выход! Одна моя пешка-рыбка пробилась далеко вперед. Вместо того чтобы уводить золотую рыбу-молот из-под угрозы шаха, я передвинул пешку вперед. Ирландец все внимание сосредоточил на моем короле. Объявив шах, он просто задержался от волнения. Возможностей у меня было не так уж много. Мне следовало продвигать вперед пешку и одновременно выйти из-под шаха. Глаза моего противника горели фанатическим блеском, он лихорадочно искал путь к победе над рыбой-молотом.

Я подумал, что Мак-Интайр, часто играя с самим собой, разучился следить за ходами противника. Из-под шаха я все-таки вышел. Теперь провести пешку оказалось

сравнительно нетрудно. В глазах моего ирландца блеснул ужас, когда я снова ввел в игру золотую сирену. Теперь уже владыка морей Нептун был под шахом. Словно замороженный, склонился ирландец над доской. Рыбе-молоту улыбалась победа. Мы не знали, какова будет реакция Мак-Интайра, и теперь Жорж на всякий случай поглаживал рукоятку кувалды.

Мой противник попал в западню. Никому на нашем пароходе и в голову не могло прийти, что происходит здесь, внизу, глубоко под ватерлинией. Освещаемые пылающими топками, мы сидели и играли в шахматы. Но это было нечто большее, чем обычная игра. Исходу партии одержимый ирландец придавал какое-то фатальное значение.

Я играл теперь спокойно и рассудительно и вскоре снова объявил ему шах. Однако все мои козни, казалось, лишь убеждали Мак-Интайра, что это не я, а некая иная сила столь успешно играет против него. Сражался он отчаянно, однако его морской владыка оказался в безысходном положении. Следующим ходом я объявил ему мат. Ирландец вскочил. Несколько секунд он смотрел на меня пустыми глазами. Рот его открылся, руки судорожно подергивались. От испуга я выронил доску, и выскочившие из нее фигурки покатались в угольную пыль.

Жорж одним прыжком оказался рядом со мной. Но ничего не случилось. Колени Мак-Интайра дрожали. Крепкие руки бессильно повисли. Потом он закрыл глаза и, почти не размыкая губ, выдавил:

— Он снова здесь. Здесь!

— Кто здесь, Мак? — отважился спросить я. Только теперь я окончательно убедился, что передо мной стоит несчастный, одержимый навязчивой идеей. Ирландец кинулся к железному скоб-трапу и, карабкаясь вверх, крикнул:

— Он снова здесь. Здесь, рядом, и он знает, что я тоже здесь.

Я попытался успокоить его:

— Послушай, Мак-Интайр, прочисти-ка лучше свои топки. Тут никого нет, успокойся, возьми себя в руки. Кто может знать, что ты здесь, в кочегарке, посреди Индийского океана?

Однако ирландец впился в поручни и как бешеный рванул наверх. Жорж толкнул меня и крикнул:

— Живо! Беги за ним и смотри, чтобы парень чего-нибудь не натворил!

Я поднялся наверх и, выскочив

из люка в темноту, с трудом отыскал сумасшедшего ирландца. Он перевесился через фальшборт, напряженно всматриваясь во мрак. Несколько минут провел я на палубе. Ирландец перебежал с левого борта на правый, прикладывая руку козырьком ко лбу и упорно искал что-то на темной водной поверхности. Незамеченный, я нырнул в котельную.

— Жорж, — сказал я, подойдя к его топкам, — парень-рыба, должно быть, ищет рыбу-молот. Он явно на ней свихнулся. А за бортом ничегошеньки не видно.

Прежде чем Жорж успел прокомментировать это сообщение, в кочегарку вернулся Мак-Интайр. Не проронив ни единого слова, он собрал фигурки и спрятал миниатюрные шахматы в карман. Затем занялся топками и, вычистив шлак, отхлебнул холодного чая.

— Держите меня за сумасшедшего? — неожиданно нарушил молчание ирландец. Он стоял, опершись на лопату, и, освещаемый рубиновым жаром, выглядел как демон, явившийся из преисподней.

— Сдрейфили? Испугались ничтожного бродяги-кочегара? Драться со мной по-честному вы не станете: слишком я для вас силен. А вот засадить мне в спину лом — на это вас, пожалуй, хватит. Впрочем, с сумасшедшим лучше не связываться. В крайнем случае, если уж он станет слишком докучать, запереть его — и дело с концом. Но ведь я никому не в тягость. Я делаю все, что мне положено. А до остального, до рыбы-молота, какое вам дело? Думайте что хотите!

Прознеся эту длинную тираду, он схватил лопату и полез в бункер помогать мне.

— Мак, это моя работа, — сказал я. — Все восемь тонн, что нужны тебе, я перетаскаю сам. Именно за это мне и платят.

Но удержать Мака было не просто. Играючи, он нагреб к бункерному люку огромную кучу, и мне оставалось лишь таскать уголь от бункера до топков. Никогда еще не бывало, чтобы кочегар помогал мне. Разве что иной раз Жорж. И то лишь в том случае, когда «коробку» нашу качало так, что таскать уголь из бункера корзиной было невозможно. Не будь поведение Мак-Интайра столь вызывающим, не прячь он под матрацем револьвер да не держи в голове эту рыбу-молот — восхищению моему «королем ирландским» не было бы предела...

Перевел с немецкого
Л. МАКОВКИН

Продолжение следует

Г. СБОЙЧАКОВА

Нехитрая, казалось бы, штука — воздушный змей. Но когда он взмывает вверх, парит высоко над землей, стремительно — дыхание перехватывает — падает вниз, и тут нужно бежать, бежать, чтобы ветер снова подхватил его, тогда это чудо. Запуск змея заставляет чаще биться мальчишеское сердце. С годами люди за своими серьезными делами теряют дар видеть в обычной жизни чудеса. Но воздушный змей и у взрослых будит эту способность...

В странах Восточной и Юго-Восточной Азии воздушных змеев азартно запускают люди всех поколений. Для взрослых это спорт, заслуженный, традиционный. Сделать «взрослый» воздушный змей непросто. Как в каждое произведение искусства, в него нужно вложить массу труда, времени, терпения, мастерства, воображения. Вдохновения, в конце концов.

По конструкции и форме воздушные змеи бывают самые разнообразные: реют в вышине рукотворные бабочки, рыбы, птицы, лягушки, драконы... Но даже самая маленькая бабочка, даже самый грозный дракон должны быть одновременно и легкими, и прочными. Материал, сочетающий оба этих противоречивых качества, — бамбук. Ствол его расщепляют, из тонких золотистых реек делают каркас, который затем обклеивают разноцветной бумагой, тонкой и прочной; при этом надо тщательнейшим образом выверить размеры и углы: иначе змей не полетит.

Парят в воздухе змеи всевозможных размеров: крошечные, с почтовую марку, и змеи-гиганты. В деревне Хосюбана, недалеко от Токио, ежегодно в первую неделю мая запускают змея весом почти в тонну. Казалось бы, какая уж тут легкость! Но стоит лишь взглянуть на эту громадину — шестнадцать метров на двенадцать, — как сразу поймешь, что тонна тут не такой уж большой вес.

На этого змея идут, понятно, не тонкие реечки, а целые стволы взрослого бамбука, да полто-

СЕЗОН ВОЗДУШНОГО ЗМЕЯ

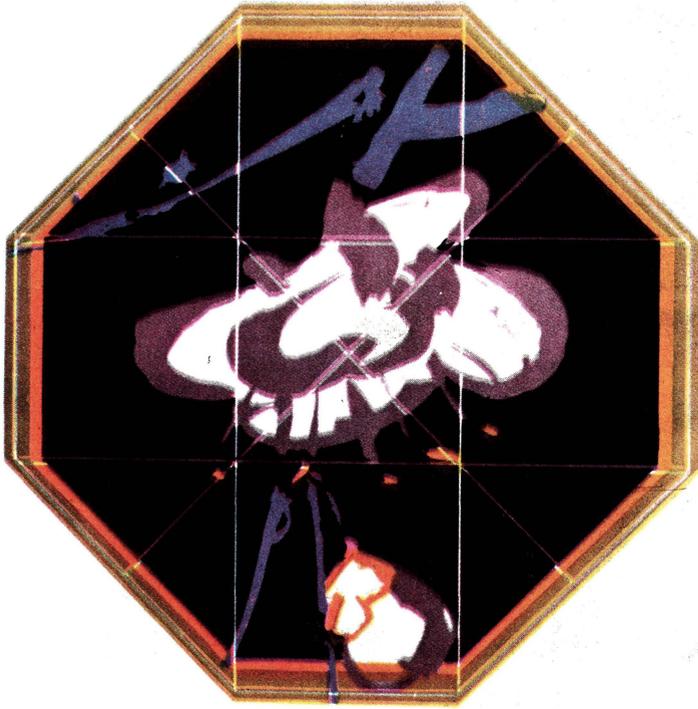

ры тысячи листов прочной толстой бумаги, да сложная «уздечка» из двухсот веревок — каждая метров по тридцать, да леер — главный канат — длиной больше километра. Естественно, что одному человеку ни сделать, ни запустить такого змея не под силу. В «стартовой команде» — пятьдесят сильных мужчин.

Опытных «змеестроителей» не удивишь совершенством конструкции, красотой формы, красочностью. Некоторые змеи умеют еще и петь. Для этого можно, например, прикрепить полую бамбуковую трубочку. Ветер, дующий в нее, выводит мелодию, словно на свирели. На Филиппинах часто в голове змея натягивают резиновую ленту, которая, будто струна, начинает вибрировать под порывами ветра. В Малайзии «музыкального» змея привязывают на ночь (если, конечно, дует постоянный ветер) над крышей дома, и он, как заботливая нянька, баюкает все семейство. Малайзийские любители даже устраивают конкурсы среди сладкоголосых змеев. Само собой разумеется, организуют и «конкурсы красоты».

Но, пожалуй, самое захватывающее зрелище — это турниры, боевые схватки змеев, в которых все свое мастерство проявляют те, кто управляет ими. Смысл поединка в том, чтобы низвергнуть противника на землю. Для этого ближайšie к змею метров десять веревки покрывают измельченным стеклом, смешанным с клеем. Надо суметь на сильном ветру подвести своего змея к сопернику так, чтобы их леера соприкоснулись, а потом мгновенно стравить веревку. Подхваченный воздушным потоком, змей резко взмывает, и его веревка, словно нож, перерезает леер противника.

В Таиланде между собой борются змеи двух видов: «чула» и «пакпао». У небесного сражения символический смысл: борьба мужского и женского начал. «Чула» — большой, грозного вида змей — олицетворяет мужскую силу и настойчивость. Он вооружен крючками, расположенными по лееру. Грациозный, легкий «пакпао» — воплощенная женственность. Его главное оружие — маневренность. Но не только. Он снабжен длинным хвостом из жестко накрахмаленных лент муслина, который способен сбить с курса мужского змея. И главное, у «пакпао» есть особая хитроумная петля — попав в нее, грозный «чула» де-

ляется беспомощным. Пространство, где происходит поединок, делится на две части. Победа достается тому, кто одерживает верх над противником над своей территорией и повергает его на землю.

У истоков «змеемании» лежит поверье, что в вышине воздуш-

ные змеи общаются с духами, значит, и тот, кто запускает змею, вроде бы с духами «на короткой ноге», и может отвести беду от своего дома. Но общаться с духами можно только в короткое время — с марта до начала мая, когда дуют устойчивые ровные ветры...

НАСЕКОМЫЕ-ГИДРОТЕХНИКИ

Пустыня Намиб, протянувшаяся вдоль юго-западного побережья Африки, — одно из самых суровых мест земного шара. На языке аборигенов само ее название означает «край, где ничего нет». По существу, единственным источником влаги там служат туманы.

Тем не менее жизнь есть и в этой пустыне. И она выказывает чудеса приспособляемости. К примеру, недавно было исследовано, каким способом некоторые насекомые добывают воду там, где практически не бывает дождей. Как выяснилось, они строят особую влагоулавливающую систему. Именно строят. Для этого они выходят из укрытий в песке, где проводят время до наступления ночи, и роют две параллельные друг другу «траншеи» с валиком песка меж ними. Система всегда ориентирована перпендикулярно направлению господствующего ветра, который приносит с собой туман. Устройство отлично конденсирует атмосферную влагу, которую под утро активно собирают насекомые.

Другие насекомые поступают проще. В ветреную туманную ночь они выставляют из-под песка свои ножки и часть туловища. Влага осаждается на конечностях и на теле мельчайшими капельками, которые, соединяясь, стекают в рот насекомому. За одну туманную ветреную ночь содержание влаги в его теле возрастает в среднем на двенадцать процентов.

«МАГНИТНЫЙ ХВОСТ» ЮПИТЕРА

Анализ данных, переданных американской АМС «Пайонир-10», когда она пролетала мимо Юпитера, привел ученых к выводу, что магнитное поле этой планеты вытянуто гигантским хвостом в сторону, противоположную Солнцу. Земля имеет подобное образование, но его размеры относительно невелики. «Хвост» же Юпитера вытянут примерно на 700 миллионов километров и, таким образом, даже выходит за пределы орбиты Сатурна.

И. ЦЫБУЛЬСКИЙ
Фото Е. МОНИНА

СНЕЖНЫЙ СЫН АБСАТЫ

Орайда!
В горах высоких
неприступное жилище
Абсаты — отца всех туров.
У сабли туриной
железные двери.
Стоит там одна
колыбель золотая.
В той колыбельке
турунок играет,
узорною лентой — юзмельт
перевязан.
Красивый твой сын, Абсаты!
С шерстью белой,
как снег на небесных
вершинах.

Нартский эпос

Сы слушай, что дедушка говорит. Напрасно ищешь. Это не тур, это сын Абсаты, — перевел зоотехник Володя Эттеев.

Старик Итезов сидел, положив на кизиловую палку огромные темные руки с негнувшимися пальцами, и важно показывал папаклой.

— Кто это — Абсаты? — спросили мы.

— Э, послушай! Старые люди верили. У воды — бог, у огня — бог. У охоты — Абсаты. Понял теперь?

Старик снова начал рассказывать, и Володя тотчас обратился в слух.

— Очень старая история... Дедушка говорит, был в горах козленок на трех ногах и белый, как снег. Увидел его охотник. Стал гнаться. Сильный был человек. По скалам ходил, как мы по дороге. Стал он, понимаешь, догонять этого козленка. Тогда он говорит: «Не гонись за мной, человек, я не тур. Я — сын Абсаты. Если будешь тревожить меня, не вернешься назад...»

— А охотник что? — спросил я.

— Ты бы что сделал, если б тебе так сказали? — резонно заметил Володя.

Старик поднял вверх указательный палец, и зоотехник закончил перевод лаконичным предостережением:

— Человек, который гонится за Белым туром, никогда не будет счастливым!

1

Десятый день ходили мы с Евгением Мониным за турами, и счастья действительно не было. Видели следы и даже тропы, пробитые острыми турьими копытами на склонах гор. Нам показывали рога — тяжелые, громадные, плавно изогнутые, с множеством колец, по которым обычно считают возраст животного. Несколько раз егеря кричали: «Смотри, вон они!» Мы хватались за бинокли. Перед глазами мелькали многократно приближенные россыпи камней, остья прошлогодней травы, серые нарастающие снежинки, но ничего живого, бегущего, рогатого не было.

— Туда смотри. Я без бинокля вижу! — возмущались наши проводники. — Камень с черным боком видишь?

— Вижу... вроде... — говорил я, хотя камней на склонах было, как звезд на небе в ясную ночь.

— От него вниз... Ну, видишь теперь?

Я молчал. От напряжения ры-

жие камни прыгали у меня перед глазами, как стадо туров.

Евгений Монин, старожил Кабардино-Балкарии, много раз видевший туров и даже снявший о них фильм, успокаивал меня: «Первый раз увидишь, потом сам будешь находить». Главное — первый раз увидеть». За десять дней безуспешной погони туры успели стать навязчивой идеей, которая преследовала меня даже во сне.

А ведь все начиналось очень спокойно. Мы выехали из Нальчика на учебно-научную базу Кабардино-Балкарского университета в Приэльбрусье вместе с заведующим кафедрой зоологии доктором биологических наук Асланби Казиевичем Тимботовым и доцентом кафедры Виктором Григорьевичем Ивановым.

— Наша цель — познать специфику жизни в горах, — объяснял Асланби Казиевич. — Задача, конечно, необъятная... Но если мы хорошо изучим биологию теплокровных животных высокогорья, то сумеем серьезно помочь человеку. Посмотрите, сколько людей сейчас работает, соревнуется, летится в горах...

Конкретно, перед нами стоят две проблемы. Первая — чисто научная: комплексное изучение процессов адаптации у диких животных в условиях высокогорья. Вторая и, пожалуй, самая главная: разработка научных основ природопользования. В последние годы Приэльбрусье превратилось в международный центр альпинизма и туризма. Отношения между природой и человеком обострились до крайности...

По утрам, когда холодное солнце вставало над грозными зубцами Шхельды и между соснами глубоким дымом поднимался нарастающий ночной туман, мы выходили на зорьку с группой студентов-зоологов. Бор раскальвался от птичьих голосов.

Студенты, рассыпавшись веером, прочесывали склон, затем проверяли поставленные вечером мышеловки и к позднему завтраку, когда солнце играло в снежных флагах Донгуз-Оруна, возвращались на базу.

— Виды животных, с которыми мы работаем, можно разделить на три группы, — объяснял нам Асланби Казиевич. — Первая, пожалуй, самая интересная. Палеоэндемики, автохтоны — древнейшие животные Кавказа, корни их уходят в третичный период, в те времена, когда наши горы были островом среди моря, а следовательно, были изолированы от остального мира. Это прометеева

и кустарниковая полевки, туры — коренные обитатели гор. Это высочайший уровень приспособления к высокогорью.

Вторая группа: аборигены. Полевка обыкновенная, суслик, благородный олень. Тоже старинные обитатели Кавказа, но по природе своей — выходцы с равнины. Они пришли сюда в те времена, когда море начало отступать, и Кавказ стал полуостровом. Мы наблюдаем, как за тысячи лет равнинные животные превратились в горных.

Третья группа — новоселы. Они появились здесь буквально несколько десятилетий назад. Это крапчатый и малый суслики, обыкновенная белка...

Мы смотрели, как ставятся опыты, беседовали с учеными. Вечером сидели у костра и пели под гитару. И вот однажды раздалась невинная песенка про алмасты (кавказский снежный человек), который неосмотрительно влюбился в прекрасную туристку. Едва песенка кончилась, как разгорелся спор.

— А как вы считаете, алмасты существуют?

— Скорее я поверю в вечный двигатель! — воскликнул Виктор Григорьевич.

— А вы, Асланби Казиевич?

Тимботов ответил не сразу.

— Белого тура до недавних пор тоже считали легендой, — сказал он наконец. — А теперь он есть в нашей коллекции. Я считаю, что искать алмасты надо, хотя бы для того, чтоб уверенно сказать — нет. Негативный результат тоже результат, кстати, очень важный для науки...

Стоп! Здесь автор должен извиниться перед читателем, потому что рассказ сворачивает с благородного пути научных исследований. С того вечера, когда я впервые услышал о белом туре, желание увидеть его овладело мною совершенно...

Вот краткие сведения о турах, полученные от Тимботова.

Эндемичный кавказский вид существует здесь, и больше нигде. Исследования зоологов Кабардино-Балкарского университета доказали, что в районе Центрального Кавказа обитает самостоятельный подвид тура, а не смесь западнокавказского и восточнокавказского. Каждому ущелью присуща хоть и слабо выраженная, но своя форма животного. Это говорит о том, что турам несвойственны дальние кочевки, а следовательно, смешение и слияние ареалов.

По последним подсчетам, численность туров в пределах Кабардино-Балкарии (тут обитает основная

их масса) составляет пять-шесть тысяч голов.

Летом туры пасутся у верхней кромки альпийских лугов, недоступных домашним животным. Зимой спускаются до пояса лесов и питаются веточным кормом и прошлогодней растительностью, которую добывают из-под снега. Козы ежегодно приносят одно-двух козлят, которые находятся с ними до двухлетнего возраста. Живут туры до 22 лет.

Альбиносы встречаются крайне редко. С белыми турами связано множество горских легенд и преданий. Считается, что альбинос — хозяин и пастух туриного стада. Охотиться за ним нельзя. Нарушившего запрет ждет смерть в горах...

2

Несколько дней мы мотались по ущельям и заказникам. Лезли на скалы, подобно альпинистам, мучили егерей бессмысленными вопросами о том, куда подевались веревки их заботам туры.

Одним хмурым утром мы оказались в Чегемском ущелье, в старинном балкарском селении Верхний Чегем, состоящем из двух расположенных неподалеку поселков Булунгу и Эльтюбю. Женя Монин, знакомый, кажется, со всеми егерями и охотоведами Кабардино-Балкарии, без труда нашел в Эльтюбю старого приятеля Далхата Татчаева. Тот сказал, что туры в его заказнике есть, но сам он плохо себя чувствует и потому поведет нас в горы его сын Тахир. «Он все делает не хуже меня. Вы только не стесняйтесь и говорите, если устали. Он ходит, как тур...» — закончил Далхат.

Ущелье Джилги-су начиналось возле дома Далхата. Отвесные стены поднимались и исчезали в низких облаках. По дну этой каменной щели бежала стеклянно-прозрачная речка Джилги, в которой, как сказал Тахир, водилась форель.

Тахир Татчаев оказался не очень разговорчивым восемнадцатилетним парнем. Вместе с ним пошел Малик, инструктор с турбазы «Башиль», что в двадцати километрах выше по ущелью. Малик был старше Тахира, но относился к своему молчаливому другу с нескрываемым обожанием, как к старшему.

Малик показал нам старей, уже необитаемый аул. Классическое горское поселение, где сабли, подобно ласточкиным гнездам, лепились на скалах. Как водится, кры-

ша одной сабли служила двором другой, оттого весь аул состоял как бы из множества ступенек.

— Видите скалу? Это Калатюбю, — Малик почему-то таинственно понизил голос.

Скала нависала над старым аулом и производила внушительное впечатление. Отвесным уступом она поднималась метров на четыреста и заканчивалась зубчатым гребнем под самыми облаками.

— Пусть он идет, — махнул Малик в сторону Тахира, пригавшего по камням. — Я вам историю расскажу...

В 1974 году знаменитый альпинист Иосиф Кахиани готовился к очередному восхождению на турбазе «Башиль». Видимо, в порядке тренировки группа Кахиани спустилась однажды по отвесу Калатюбю. В самом недоступном месте, как раз посередине скалы, альпинисты поставили флажок.

Флажок трепыхался на скале около года. Но однажды его не стало. «Ветром сдуло», — подумали в Эльтюбю. Но скоро стало известно, что егерь Далхат Татчасв побил сына Тахира и тот уже целые сутки лежит на диване лицом к стене и молчит. Стало известно и то, почему Далхат побил сына. Оказывается, Тахир спустился по скале, снял флажок и вынул из тура записку Кахиани...

О том, как шестнадцатилетний мальчишка (это было два года назад) без веревок и крючьев, без страховки сумел спуститься по отвесной стене, я спросил у самого Тахира.

— Да, ничего, спустился, — сказал Тахир неохотно.

Меня же не устраивал столь лаконичный ответ, и я стал расспрашивать дальше.

— Утром было, — ответил Тахир, по-прежнему придерживаясь телеграфного стиля, — сапоги резиновые надел и пошел.

— А сапоги резиновые зачем?

— Чтоб не скользить.

— Где же ты прошел? — скала даже после долгого осмотра казалась неприступной.

— А там вот. — Тахир процертил пальцем одному ему известную линию.

— Было такое место, когда тебе стало страшно? — Конечно, я понимал, что искреннего ответа на этот вопрос получить нельзя. Кто же в восемнадцать лет признается в страхе незнакомому человеку?

— Страшно не было. Только иногда, знаешь, — он поднял глаза, и взгляд его поразил каким-то детским недоумением, — вниз

хотелось кинуться... Лететь, что ли, хотелось...

— А с запиской Кахиани что сделал?

— Ему отправил. Там же адрес был.

— Вот Греческая лестница, смотрите, — сказал Малик.

Мне не сразу удалось рассмотреть это сооружение, прекрасно замаскированное временем под цвет древнего гранита, и только кое-где проглядывающая кладка из плоских камней выдавала работу человеческих рук. Пожалуй, это сооружение больше всего напоминало пожарную лестницу.

— Она ведет к карнизу, — объяснил Малик, — а карниз идет вдоль всей скалы.

— Сходим? — спросил я беспечно. — Вдруг повезет, увидим туры...

— Можно, — спокойно согласился Тахир.

Я перехватил какой-то странной взгляд Малика. Наверное, Женя тоже почувствовал неладное. «Ты там поосторожнее!» — крикнул он.

Идти по древней «пожарной» лестнице было удобно, да и поднималась она метров на двадцать, не больше. Тут начинался карниз. Был он шириной около метра, и словно бы вырубленный в скале.

Я шагал по этой полочке вслед за Тахиром и слышал постоянный свистящий шорох. Моя куртка терлась о камень. «Не жмись к стене!» — приказывал я себе, но ничего не мог с собой поделать... В некоторых местах карниз сужался настолько, что ботинок не умещался на нем. Здесь я прижимался к стене не плечом, а грудью, остро чувствуя ее отталкивающую твердость.

Внизу, в подвальном полумраке, извивалась серебряная от пены лента Джилги. Здесь, наверху, было светлее, может быть, оттого, что тучи были совсем рядом. Противоположная стена ущелья казалась очень близкой, а вот вниз стены словно бы расходились — странное нарушение перспективы. До дна ущелья было не меньше ста метров.

Я шел за Тахиром, не отрывая глаз от его танцующих ног, всем телом чувствуя страшную пустоту справа, от нее точно холодом веяло. Помимо воли, краем глаза я улавливал медленное движение противоположной стены ущелья, потому мне стало чудиться, что движение это становится быстрее, точно с шага мы перешли на бег. Понял — начинает кружиться голова.

Неожиданно Тахир исчез, будто провалился. Я остановился, непроизвольно вцепившись пальцами в пучок жухлой травы, торчащей из щели в стене.

— Давайте сюда, — сказал Тахир где-то совсем рядом.

Оказывается, здесь тропинка обрывалась и начиналась снова, но уже ниже метра на полтора.

— Прыгайте, — безмятежно посоветовал Тахир.

Я видел площадку и понимал, что спрыгнуть на нее несложно, но рядом с площадкой зияла пустота до самого дна, до реки.

— Знаешь, Тахир, — сказал я, стараясь говорить нормальным голосом, — пошли обратно. Я уже все видел.

— Зачем назад? — удивился Тахир. — Конец рядом.

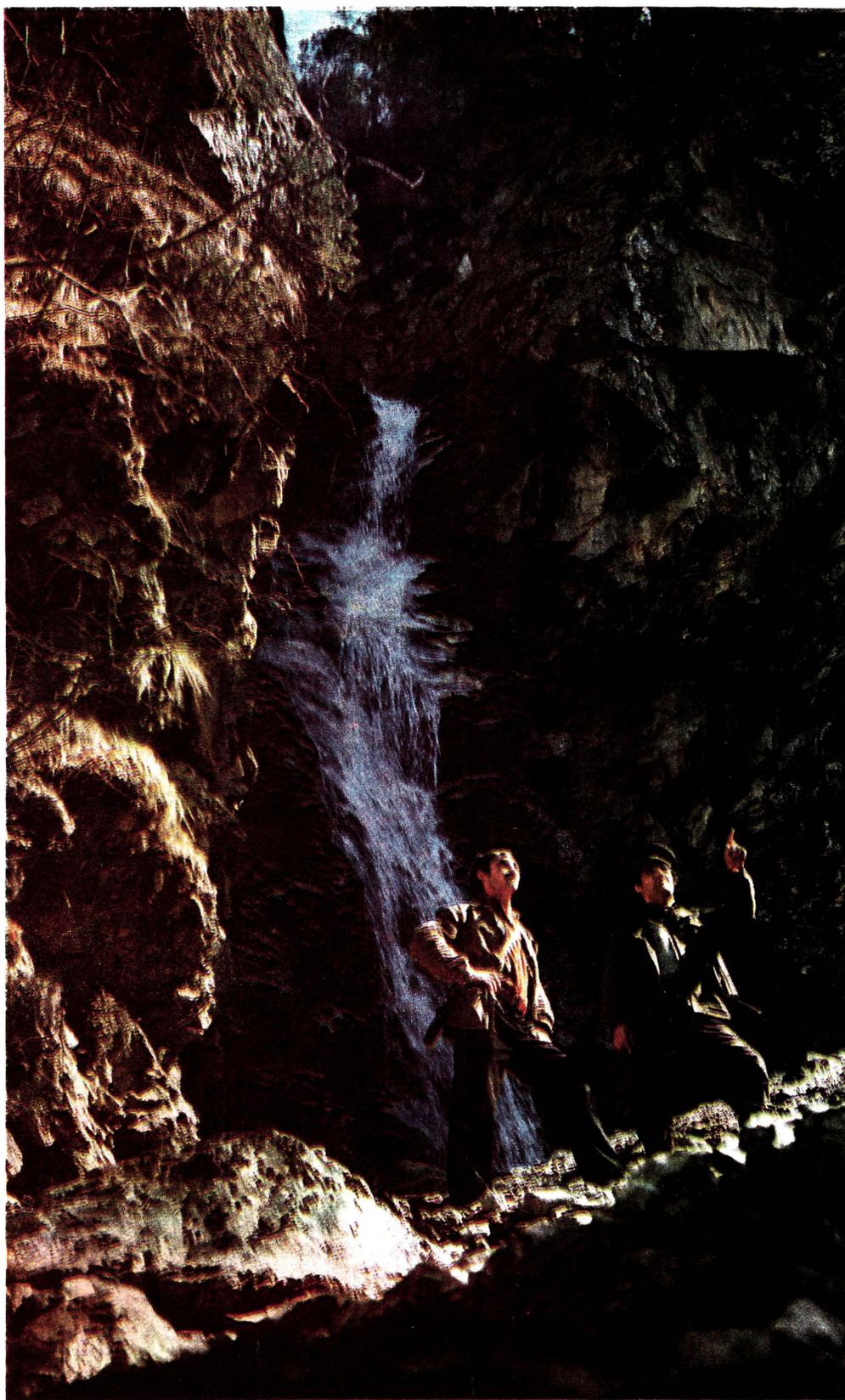
Подошвы гулко ударили в камень, и я испытал неповторимое облегчение, что-то похожее на блаженство. Я смотрел на спину шагавшего впереди Тахира и ясно понимал, за что его любит Малик. «Он может стать прекрасным альпинистом, — думалось мне. — И не просто мастером, а вожаком, за которым люди пойдут хоть в ад».

— Жалко, что отец не разрешил тебе стать альпинистом, — сказал я.

Тахир обернулся, и впервые на его лице засветилась улыбка: «Нынче на Шхельду иду со «Спартаком». Только вы отцу не говорите», — улыбка была ясная, мальчишеская, чуть хитроватая.

Долгое время я размышлял над загадкой Греческой лестницы. Для чего она сооружена? Может быть, это спортивный снаряд, инвентарь для воспитания в балкарских мальчишках необходимых качеств горца? Уже потом, в Нальчике, узнал — то, что лестница названа Греческой, чистейшее недоразумение; это часть древнего оборонительного сооружения, включавшего еще и крепость на самой вершине скалы...

Спустившись в Калатюбу, мы попрощались с ребятами и отправились в Булунгу, где была автобусная остановка. Автобус ходил один раз в день, и до него оставалось больше четырех часов. Тут меня осенила мысль — порасспросить о пропавших турах местных стариков. За помощью мы обратились к группе мужчин, куривших у здания сельсовета. Мужчины перекинулись несколькими словами, и вдруг все сразу направились в одну сторону. Такой энтузиазм, признаться, немного испугал меня. В составе многочислен-

ной делегации мы вошли во двор дедушки Зукай Итезова.

Дедушка Зукай Кучхаевич Итезов сидел на ныгыше (скамья под навесом во дворе), курил «Приму» и смотрел на горы, до половины укутанные в серую вату дождевых облаков. Лицо старика, темное, почти черное, было украшено монументальным носом — даже сам повелитель гор, белогривый гриф, мог позавидовать такому носу. Белая, с чуть заметным золотистым отливом борода довершала портрет Итезова.

Наконец, дедушка Зукай вынул изо рта сигарету, и я услышал гортанные звуки. Володя Эттеев, взявший на себя роль переводчика, ахнул от восхищения: «Вижу — из дальних краев, говорит, приехали люди. Чем дальше шел гость к моему порогу, тем больше ему почета в моем доме. Так он сказал». Мы поблагодарили.

— Очень старый, очень мудрый человек, — продолжал Эттеев, — больше ста лет ему...

Тут возник горячий спор, в котором приняли участие многочисленные родственники Итезова и люди, что привели нас сюда. Впрочем, они тоже считали себя род-

ственниками чегемского патриарха. Назывались цифры 107, 118 и даже 120. В обсуждении не принимали участие сам дедушка Зукай да его маленькие пра..., а может, еще раз пра...внуки. Испуганные шумом, они нырнули под мышки к старику и затихли там, как цыплята, и он ласково поглаживал их своими негнушимися пальцами.

— Мне 53 года, так, — сказал, смущенно улыбаясь, сын дедушки от второго брака Мажид. — Сколько его помню, всегда был такой...

— Вы спрашивайте дедушку, спрашивайте! — подзадоривал нас Володя, которому показалось, что интерес к старику ослабевает.

— Спроси, — обратился к нему Женя Монин, — к врачу ему приходилось обращаться?

— Врачей, говорит, признаю только ветеринарных. Сам, говорит, умею делать для лошадей лекарства из трав, могу переломы лечить. Знаете, — это Володя добавил от себя, — он к лошади подойдет, пощупает и сразу скажет, что болит. Лучше никто лошадей лечить не может... Он, когда молодой был, лошадь объезжал. Лошадь была совсем дикая, упала на спину, хотела убить дедушку Зукай. Он живой остался. Только ногу вывихнул в колене. Взял сам ногу на место поставил, такой был джигит!

— Спросите, приходилось ли ему видеть туров? — перешли мы наконец к главной теме.

— Зачем такое спрашивать? — обиделся Эттеев. — Сам тебе скажу, каждый день их вижу...

Тут старик заговорил, видимо, он понимал русскую речь.

— Гуров много здесь, говорит. Раньше еще больше было. Тогда они вместе с баранами ходили. Даже так было.

— Целый день сегодня искали, ни одного нет, — пожаловались мы.

— За перевал они ушли, дедушка говорит, к баксанцам. Там они сейчас...

— А белого тура дедушка видел?

Вот тут мы и услышали легенду о трехногом белом козленке, с которой и начался этот рассказ...

Послышался женский голос. Дедушка Итезов поднялся и, тяжело опираясь на палку, заковылял к дому. Мы сидели, ошеломленные его внезапным уходом.

— Теперь не скоро придет, — вздохнул Володя.

— Что ж там такое?!

— Э! Телевизор там. Слышал, невестка сказала: фигурное катание...

3

Баксанское ущелье, куда, по словам Итезова, ушли туры, встретило нас холодом и дождем. Только возле Тырнауза в просветах между тучами глядели крупные звезды.

Старший охотевед Эльбрусского района Дауд Азретович Ходжиев встретил нас так, будто мы давно договорились приехать к нему домой именно около двенадцати ночи. Дауд оказался могучим, под

метр девяносто, мужчиной. Голова его была украшена густейшей шапкой смольных кудрей. Он говорил мало, но глаза его словно рассказывали нам что-то очень хорошее, доброе, ласковое. Глаза смеялись, сочувствовали, умели, кажется, даже слушать.

Когда мы сели за стол, Дауд сказал: «Пусть аллах не даст нам больших трудностей, чем ходить в гости друг к другу. Вот ваш дом!»

И впервые за эти дни во мне возникло ощущение удачи. Как в детстве, перед днем рождения, когда знаешь, что завтра праздник...

Рано утром, уложив в машину рюкзаки с провизией, штормовки, бинокли, карабин Дауда, спальные мешки, мы трогаемся. На окраине Тырнауза к нам забирается еще один человек — в штормовке и с карабином через плечо.

— Зейтун Будаев, егерь, — представляет его Дауд.

Зейтун — широкоплечий, коренастый, как штангист-средневес, и в то же время удивительно гибкий, с точными кошачьими движениями канатоходца.

— В Тютю-су едем, в мое ущелье, — говорит Зейтун.

— А туры там есть? — спрашиваю на всякий случай, потому

что чувствую: сегодня такой день, что их просто не может не быть.

— Туров много. Во-о-от такие рога, — говорит Зейтун, разводя руки.

Продираясь сквозь заросли ольхи, лещины, облепихи, машина подъезжает к речке Тютю-су (Облепиховая река). Дальше только пешком. Большую часть поклажи нагрузил на себя могучий Зейтун, мы почти налегке, и все же... Трудно ходить в горах.

— Сколько километров? — спрашиваю я как бы из любопытства.

Зейтун неопределенно пожимает плечами.

— Километры не считаю, поляны считаю. Первая поляна, вторая, третья... Потом хижина.

Тропа прорезает буйный горный лес, идем как в зеленом туннеле. Но кое-где лесные стены раздвигаются, и тогда Дауд и Зейтун оста-

навливаются, вынимают из чехлов бинокли. Наверное, это их привычные наблюдательные пункты.

Противоположный склон ущелья понизу, у реки, укрыт кудрявой зеленью леса. Выше поднимаются бледно-зеленые, словно апрельские, березняки с темными вкраплениями сосен, еще выше — пепельно-серые нераспустившиеся мартовские березки. Сюда, на высоту трех тысяч метров, в июне только-только пришла весна. Над березняками — линиялая холстина прошлогодней травы, еще выше — лишайники, мхи, голый камень, а там и вечный снег. Нам предстоит пройти весь этот путь, туры живут у крошки снегов.

— Вот и солонцы, — говорит Зейтун. — Туры спускаются сюда по той ложине. Каждый год мы кладем новые куски соли...

Соль лежала прямо на скалах,

рядом с дорогой. Не без труда мы забралась к тропам, пробитым турьями копытами.

— Сейчас тут были, — сказал Дауд, снимая с ветки клоч розовой шерсти. Туринная шерсть была легкой и тонкой...

До хижин мы добрались лишь на склоне дня. Пока натащали дров для костра, солнце спряталось за гребень, и сразу стало холодно. Поужинав с нами, Дауд отправился в обратный путь. В городе его ждали дела. Пообещал вернуться завтра. Так мы остались втроем у костра.

Стены ущелья потемнели и сдвинулись. Небо обсыпало мелкие, колючие звезды. Зато удивительным фосфорным огнем налилась снежная громада пика Тютю-Баши. Костер наш, еще недавно бледный и немощный, набрал золотую горячую силу, и сразу зафыркал, звеня крышкой, черный от копоти чайник. Чай был заварен побегами дикой смородины...

— Вот мне двадцать пять лет, да? — заговорил Зейтун. — Когда в школе учился, не знал, кем стать. В армии служил, потом на шахте работал, на стройке, везде чего-то не хватало. Везде, понимаешь, тоска мне, и не знаю от чего. Бояться стал. Что ж, думаю, ни к какому делу не годен? Дауд Азретович взял меня егерем. И сразу я понял, чего не хватало. Простора этого. Костра. Туров. Орлов. Гор этих. Без гор я как больной...

— Браконьеры сюда заходят? — спросил Монин.

— Как же. Город рядом. Но теперь редко ходят. В это лето вообще ни одного не было.

— Трудно найти здесь человека...

— Найду. Если выстрел услышу, обязательно найду, — ответил Зейтун без тени хвастовства. — Для вора эти горы чужие, он всего боится, а для меня как дом. Я в горах не пропаду. Там вон, на гребне Чалмаз-Баши, три раза ночевал. В метель, без спального мешка, а вот живой.

Тогда я увидел тура-одиноца. Огромного. Такого никогда не видел! Наверное, очень старый был, раз ушел из стада. Очень хотелось мне рога рассмотреть. Стал подбираться. Он осторожный, как белый тур. Уходит все выше и выше. Ну и я за ним. А скалы крутые, и снега очень много. Вдруг слышу удары. Будто камни сталкиваются. В горах только две страшные вещи: лавина и камнепад. Даже один камень сверху летит, прыгает, и то не знаешь куда деваться. Постоял. Вроде тихо. Потом опять — тах-х-х! Эхо даже.

Прошел еще и вижу — два тура-рогача бегут вверх. Один вроде убегает, другой догоняет. Вдруг тот, что впереди, оборачивается, встает на дыбы и рогами по рогам — тах! Потом снова один начинает убегать, и снова верхний бьет нижнего рогами. И знаете, где бьются? На такой крутизне, что просто удержаться нельзя! Это осенью было. В первый раз я видел гон туров.

Они уходили все выше, и я за ними. Незаметно на гребне оказался. Вдруг, знаете, как осенью в горах, ветер, снег — ничего не видать. Метель. Забрался под скалу. «Что делать?» — думаю. Вниз не спуститься и оставаться нельзя, замерзну... Только чувствую, от земли как будто тепло идет. Руками пощупал — мягкая, как пашня. Сунул под голову рюкзака, накрылся телогрейкой и заснул. Не скажу, что было тепло. Но ведь не замерз! Утром метель кончилась, я осмотрелся и понял, что ночевал на турей лежке. Тут под скалой все было выстлано слоем навоза. Вот откуда тепло...

Мы поднялись с первым светом. Мир вокруг нас был седым от росы, продоргшим до костей. На костре уже кипел чайник. Рядом на газете лежал крупно нарезанный хлеб, вареное мясо, редиска. Сам Зейтун, привалившись к камню, смотрел в бинокль. Он кивнул нам и буднично сказал: «Вон они, целое стадо».

Просто удивительно, до чего туры были непохожи на то, что я ожидал увидеть! По освещенному солнцем склону лениво бродило около двадцати розовых коз. Я разглядел рядом с ними и козлят. У меня было такое чувство, словно меня обокрали. Морочили, томили и наконец подсунули какую-то жалкую подделку.

— У них даже рогов нет! — возмутился я. — Это не туры! Козы какие-то комоляе.

— Козы, козы, — согласился Зейтун. — Теперь туда смотри. Я догадал искал скалу, на которую показывал Зейтун, и вдруг наткнулся...

На плоской вершине скалы, как на постаменте, картинно лежал тур. Рога его были так велики и тяжелы, что, казалось, они оттягивают назад его гордую голову с мезострофической борожкой. Рядом с этим наследным принцем гор домашние козлы показались бы плебеями, надутыми выскочками.

— Ай, Тулайбаш! Ай, Круторогий! — восхищался Зейтун. — Не меньше трехсот килограммов весит, одни рога килограммов два-

дцать... Восемнадцать лет ему, не меньше.

Тут я увидел, что Тулайбаш не один. Вокруг скалы лежали и бродили другие туры, среди которых было немало великолепных рогачей.

Я стал считать, дошел до тридцати, сбился, начал снова.

— Пятнадцать, — сказал Зейтун. — Все утро считаю их.

И вдруг... Я не поверил своим глазам! Чуть выше скалы, между камнями, белело пятно! Я зажмурился. Взглянул снова, пятно не пропало. Мне показалось, что оно двинулось...

— Зейтун! — сказал я почему-то шепотом. — Глянь-ка повыше, между камнями...

Зейтун как-то странно глянул на меня и уставился в бинокль. «А что там?» — спросил он наконец.

— Женя, ну ты хоть видел? — взмолился я.

— Вот подойти бы на полкилометра, — сказал Монин голосом отпетого браконьера, — я бы его точно снял. Какой кадр лежит!

— Трудно подойти, — отозвался Зейтун. — Вон до того лесочка можно, а дальше прятаться негде.

— Пошли, — скомандовал фотокорреспондент, навинчивая на камеру чуть не метровую трубу телеобъектива.

Лесок, отлично видимый в восьмикратный бинокль, оказалась очень далеким. И вообще, совершенно непонятно, как он вырос тут, у границы снегов, где не растет даже карликовая ива. Лес состоял из низеньких, невероятно изогнутых и, по-видимому, очень старых сосен. Росли они прямо на осыпи, на громоздящихся камнях, покрытых мягким ковром мхов, подушками стелющегося можжевельника. Раздвигая свисающие с сучьев зеленые бороды лишайников, мы подошли к краю леса и снова взяли за бинокли.

— Далекое, — сказал Женя.

Белого пятна между камнями не было. «Неужели почудилось, — думал я, — если это снег, он бы и сейчас там лежал...»

— Вот что. Ветер на нас, — сказал Зейтун. — Пойдем сколько сможем, хорошо бы до тех камней.

До камней мы дошли. Тут Зейтун лег и дал нам знак приготовиться. Женя выставил из-за камня черный ствол фоторужья. Он успел шелкнуть два или три раза, когда раздались странные звуки. Словно кто-то протяжно дунул в свирель, рассеяно пробежав пальцами по клапанам...

При первых же звуках туры за-

мерли, как бы растворившись среди желтых скал. Тулайбаш вскопчил, точно подобранный пружиной. Казалось, он звенел от напряжения и тревоги.

Свирели запели громче.

— Все, — громко сказал Зейтун, — улары!

Раздался резкий свист, и туры розовым облаком снялись со скал. Снялись, как стая больших птиц. Прыжки их казались медленными, как взмахи крыльев.

И опять мне почудилось, будто между скал мелькнуло что-то белое...

— Кто свистел?

Зейтун рассмеялся.

— Он свистел, Тулайбаш, такой у них знак тревоги.

— А эти... свирели?

— Улары. Горные индейки. Они

всегда тут, рядом с турками. Улары — глаза и уши туров, попробуй подберись. — Зейтун оживился. — Ну, видали как бегут! Как птицы, точно? Знаете, почему им легко бегать? У них копыто по краю твердое, костяное, а снизу мягкое, как у собаки.

Мы подошли к скале, на которой еще недавно лежал Тулайбаш. За скалой начинался глубокий каньон. На снегу были хорошо видны следы ушедшего стада.

— Осторожно, — строго сказал Зейтун, когда мы вышли на снежник, — поскользнешься, пойдешь вниз без остановки.

Я оглянулся и увидел, на какой высоте мы очутились. Прямо под нами, нависая, поднималась громада Тютю-Баши. На двух ее вершинах сияли на солнце снежные флаги. У самого подножия Тютю-Баши начиналась тонкая нитка реки.

Снег был твердым и сыпучим, блестящая ледяная крупа. Турья тропа вела к леднику.

— Там, где туры ходят, человек тоже пройдет, — рассудил Зейтун. — Это, когда они бегут, могут по любой скале забраться, а так, когда спокойно, самый безопасный путь выбирают...

Тропа была такая, что на ней не всегда умещались подошвы ботинок. К тому же было много прошлогодней, скользкой, как мыло, травы, за которую я помимо воли хватался, хотя и знал, что этого делать не следует, трава — ненадежна. На камнях росли камнеломки, похожие на маленькие моховые кочки, покрытые мельчайшими желтыми цветками; мохнатая, как ночные бабочки, сонтрава и горечавка, что синее горного неба в зените. С какой-то последней жалостью вглядывался я в эти былинки, прилепившиеся к камням, и мне казалось, что за-

поминаю их на всю жизнь. Но опасные места кончались, и я забывал страх и жалость к этим бесприютным растениям...

Турь шли впереди нас. Это было видно по следам и клочкам шерсти. И вдруг мы увидели их почти на самой вершине гребня. Они стояли на фоне неба и, склонив рогатые головы, наблюдали за нами. С гудением, прыгая от стены к стене, пролетел камень. За ним второй.

— Старики говорят, что туры всегда пускают камни на охотников. Поднимутся выше и пускают, — сказал Зейтун.

— Сейчас перейдут гребень — и нет туров...

— Пусть уходят, — отозвался Зейтун спокойно, — наши останутся. Это другое стадо.

Мы шли час или два, а может, и больше, и я постепенно утратил чувство времени. Мы перебрались через несколько каньонов и снежников, но туров нигде не было. Только черные альпийские галки мельтешили над склонами. Их резкие крики были средни звуку, что издают два камня, если их стукнуть друг о друга. Чуть выше нас изредка дули в свои свирели невидимые улары; то появляясь, то исчезая за скалами, кружила очень большая светло-коричневая птица, которую Зейтун называл орлом, а Монин — грифом. Казалось, что все живое вокруг знало о нашем приближении. Видимо, я здорово устал, потому что наша затянущаяся погоня показалась мне бессмысленной.

Но вдруг Зейтун прилег за камень и показал: осторожно!

Великолепная панорама открывалась отсюда. Гребень резко уходил вправо, открывая всю вершину Тютю-Баши и ледник с бутылочно-зелеными стенами ледопада. Впереди и чуть ниже нас лежал небольшой каньон, на дне которого белел язык снежника, и островком торчала группа скал. На скалах, настороженно оглядываясь, столпилось стадо. Наверное, Тулайбаш все еще не решил, как двигаться дальше. Перейти ли снежник и уходить в Адыр-су или вернуться назад, так как последователи уже давно не показывались.

Щелкнул затвор фотоаппарата, и Тулайбаш, точно подстегнутый выстрелом, прыгнул в снег.

— Теперь ушли! — сказал Зейтун.

Я увидел сразу все стадо, но белого тура там не было. И мне стало скучно.

— Может, дойдем до тех скал? — попросил Монин.

— Зачем? — спросил я почти

враждебно. — Следы посмотреть? Так мы целый день по ним ходим. Надо возвращаться...

— Тут же совсем рядом, — настаивал мой товарищ. — Дойдем — и сразу домой.

Проваливаясь по пояс в сыпучем снегу, мы перебрались на скалы. Здесь было много следов, шерсти, помета туров. Как видно, они не раз навещали это место.

— Смотрите, здесь даже трава растет! — несколько преувеличенно обрадовался Монин. — А знаете, давайте здесь победаем!

Мы снова разложили мясо, ретиску, хлеб и принялись за еду. Пригревало солнышко, гудели натруженные ноги, и куда не хотелось спешить...

— Жил в Баксане один человек, — заговорил Зейтун. — Боташ-Мараучу его звали. Мараучу — по-нашему, охотник. Этот Боташ ходил по горам, как тур. Обычно князя нанимали его снабжать мясом козцов, что работали на дальних лугах. Долгое время все было хорошо, но однажды удача ушла от Боташа. Будто кто-то прогнал туров с его пути. Стыдно было такому человеку нести пустой артак — сумку. Он набивал его красными ягодами шиповника и приносил в кош. Косари сердились и называли Боташа шиповником.

Однажды Боташ вышел в горы, как обычно, затемно. Ходил до половины дня. Нет удачи. От этой тоски лег он на камни и уснул. И вот снится ему, будто кто-то поет:

**Возьми-на, Боташ-Мараучу,
Свой золотой Алтынлы,
Брось его со скалы.
Делай, как я научу:
Спешу, не жалея ног,
Иди в Карачай колдовской,
Добудь там ружье Карашхон...**

Тотчас проснулся Боташ. Без жалости бросил в пропасть свое знаменитое Алтынлы, старинную позолоченную кремневку, легкую, как флейта, и пошел в Карачай. Шел он, как на крыльях летел. И к вечеру вернулся на то же место, откуда ушел. И была у него в руках древняя кремневка из черной карачаевской стали — Карашхон.

Сразу увидел он стадо туров-рогачей, загнал их к пропасти и убил 99 штук. Остался один белый туренок. Белого убивать нельзя. Боташ поймал туренка, надел ему на шею свою серебряную пороховницу и сказал: «Иди, поблагодари своего отца».

Пришел охотник в кош и бросил перед косарями полный артак. «Сейчас полакомимся шиповником», — смеялись косари. От-

крыли сумку, а там только туры почки. Пришлось снарядить целый караван ишаков, чтоб привезти в кош все мясо.

С тех пор удача не оставляла Боташа. Говорят, он прожил до ста лет, но даже в глубокой старости ходил на охоту. И вот однажды увидел он белого тура-одинца. Тур был такой старый, что, когда отрывал пучок травы, от слабости садился на снег.

«Вот такой же старик, как я, — подумал Боташ-Мараучу, — верно, сам Абсаты послал его мне, чтоб умер он, как мужчина, от пули, а не от позорной старости». Боташ выстрелил, и тур упал. Охотник подошел к нему и увидел на шее тура свою серебряную пороховницу. Понял Боташ, что круг его жизни замкнулся...

Зейтун замолчал. Здесь, в горах, среди снегов, его рассказ как-то особенно действовал на нас...

Вдруг Монин, не говоря ни слова, подхватил аппарат и, едва не опрокинув нас с Зейтуном, махнул к краю скалы.

Внизу, метрах в двадцати, неторопливо шел по снегу белый туренок. Небольшой, с маленькими черными рожками, он был чуть желтее снега. Увидев нас, туренок двумя отчаянными прыжками пересек снежник и пропал в скалах.

— Успел? — выдохнули мы с Зейтуном.

— Успел... Когда он на скалы выскочил, — Монин суеверно попевал через плечо.

— Видели! Видели теперь! — завопила я в детском хвастливом восторге. — Я же говорил, с самого начала говорил!

— А что было бы, если б я не притащил вас на эти скалы? — спросил Монин. — И вообще... Ничего вы не видели. Если тут, — он похлопал по аппарату, — что-нибудь есть, значит, видели, если нет, то вам почудилось...

4

Так бывает. После долгого, бесконечно долгого пути вдруг наступает тишина. И в ней всегда гораздо больше правды, чем в словах. Вот и сейчас, когда мы молчали, глядя вслед белому туренку, какая-то печаль, мгновенная боль царапнули сердце.

— Он вырастет, — сказал Зейтун. — Я буду беречь его, как сам Абсаты...

Конечно, он вырастет. Рога его станут тяжелыми и высокомерно поднимут маленькую голову. Так войдет он в роль живого чуда этих гор.

Вот, наверное, и все. И можно было бы спросить, зачем нужна

Вот он, снежный сын Абсаты...

эта долгая погоня и стоило ли тратить столько усилий, чтобы увидеть белого туренка-двухлетку?

Конечно, стоило. В конце концов, каждый получил свое. Монин дождался уникального кадра. Я увидел, как летящими прыжками уходил по скалам белый потомок Абсаты. Зейтун стал хранителем живого чуда гор. Все получили то, чего у них раньше не было...

Спуститься вниз оказалось не так просто. Мы добрались до самого ледника и только там, по морене, смогли спуститься к реке. В течение часа мы прыгали по крутому откосу, сложенному из острых, скользких, шатающихся камней, и, когда наконец ступили на усталое мхом и стелющимся можжевельником дно долины, ноги подгибались, отказывались служить. Почему-то опять захотелось есть, а до хижины, где остались продукты, было не меньше двух часов хода.

Мы обошли большую, с двухэтажный дом, скалу и... на ровной моховой площадке увидели расстеленную скатерть-самобранку. Посреди нее, под ворохом душистых кавказских травок, стояло большое деревянное блюдо с жареной бараниной, громоздилась го-

ра крупно нарезанного хлеба, в кружки было разлито темно-красное виноградное вино. Во главе стола невозмутимо восседал Дауд Азретович Ходжаев.

Мы стояли как громом пораженные.

— Я за вами давно смотрю. Хорошо гуляют, думаю. Придут, скажут — кушать хотим...

Только в сумерках двинулись мы в обратный путь. Шли налегке. Вещи везла кобыла Машка, на которой Дауд приехал из города. Мы уходили из Тюю-су, и кто мог подумать, что ущелье приготовит нам еще один сюрприз.

Кажется, никто не заметил, как появилось, догнало нас и, растянувшись длинной цепочкой, двинулось параллельным курсом знакомое стадо рогачей. Туры шли неторопливо, только чуть-чуть быстрее нас. Это было похоже на проводы. Впереди, как положено, шел Тулайбаш, позади и чуть выше — белый туренок.

— Наверное, они знают, что сейчас я не могу снимать, — пожаловался Монин.

Впервые за сегодняшний день мы смотрели на туры просто так, без жадности, без спешки, без жгучего желания догнать.

Интересную вещь заметил я. Белый туренок то и дело пытался замкнуть стадо. Но стоило ему приблизиться, как замыкающий рогач оборачивался и бросался на него, словно отгонял. Это не было похоже на игру. И не будь белый туренок так резв и увертлив, ему пришлось бы худо.

— Дауд, кажется, они его гонят? — спросил я.

— Наверное, потому что белый, — предположил Дауд.

— Старые люди говорят, что он, мол, хозяин стада. Он их пасет, сторожит и со стадом никогда не смешивается. Да и они его в стадо не пускают. Белый, чужой, гнать надо. Так они понимают, — сказал Зейтун.

— Так, наверное, — согласился Дауд. — Старики любят сказки.

«А может, это и не сказки, — подумалось мне. — Убивший белого тура обречен на страшную смерть в горах. Об этом много веков знают люди. Да, пожалуй, это не сказка, а древнейший закон, охраняющий жизнь редкого животного...»

Сумерки заливают ущелье. Темнеют, остывая, рыжие скалы. Едва заметно мелькает среди них белое пятнышко. Туренок уходит, больно натягивая тонкую ниточку нашей общей с ним жизни. И я знаю — эта ниточка никогда не порвется...

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Роман

ЧАСТЬ II. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Джо, правая голова Джо-Джима, посмотрел на Хью Хойланда.

— Ну ладно, умник. Главного инженера ты убедил. — Двухголовый ткнул в сторону Билла Эртца ножом и вновь принялся ковырять им в зубах левой головы. — Ну и что? Какой тебе с того прок?

— Я уже тысячу раз объяснял, — раздраженно ответил Хью. — Будем продолжать, пока все Ученые, от самого зеленого стажера до Капитана, не убедятся в том, что Корабль движется и что его движением можно управлять. Тогда мы завершим Полет и исполним волю Джордана. Сколько у тебя наберется бойцов?

— Тебе, никак, взбрело в голову, что мы согласимся участвовать в твоих идиотских затеях?

— Естественно. Без вас ведь ничего не выйдет.

— В таком случае, можешь поставить на своих планах крест. Бобо, доставай шашки!

— Сейчас, хозяин. — Микроцефал поплелся за шашками.

— Погоди, Бобо, — сказал Джим, левая голова. Карлик застыл на месте, сморщив узкий лоб. Неспособность дать ему согласованный и непротиворечивый приказ, временами проявляемая его двухголовым хозяином, вносила единственную нотку неуверенности в безмятежное существование Бобо.

— Дай Хью сказать, — продолжал Джим, — похоже, есть шанс поразвлечься.

— Развлекись! Ничего себе развлеченьице — получить ножом под ребро! Позволь тебе заметить, Джим, что это и мои ребра тоже. Нет, я никак не согласен.

— Я еще не предлагал тебе соглашаться. Всего лишь просил выслушать. И, знаешь, не говоря уж о развлечениях, это, может быть, и есть наш единственный шанс избежать ножа под ребро.

— То есть?

— Ты же слышал, что сказал Эртц. Офицеры Корабля намерены очистить верхние ярусы. Интересно, как тебе понравится Конвертер, Джо? Боюсь только, что нам не сыграть уже в шашки, когда нас разложат на атомы.

— Не паникуй! Экипажу мьюты не по плечу. Сколько раз уже они пробовали с нами справиться!

— А ты что скажешь? — обернулся Джим к Эртцу.

Эртц отвечал осторожно, ни на секунду не забывая, что теперь он военнопленный, а не старший офицер Корабля. К тому же он был выбит из колеи — слишком много всего случилось и слишком быстро. Налет, схватка, плен — и звезды. Звезды!

В его практичной трезвомыслящей голове не только понятия о них — места такому понятию никогда не было! Более того, Эртц отлично понимал, что жизнь его висит на волоске. Стоит только Джо-Джиму сделать знак этому карлику...

— Я думаю, что на этот раз

Продолжение. Начало в № 1, 2.

Экипаж своего добьется. — Эртц тщательно подбирает слова. — Мы... они хорошо подготовились. Если только вас не больше и если вы не организованы лучше, чем предполагалось, Экипаж победит. Видите ли... В общем, всю подготовку вел я.

— Ты?

— Да. Большинство в Совете выступило против политики, позволяющей мьютам жить вне нашего контроля. Она, может, и соответствует нашим религиозным доктринам, но мы время от времени теряем людей и животных.

— А чем, по-твоему, мьюты должны кормиться? — грозно рявкнул Джим. — Воздухом?

— Должен отметить, что новый политический курс вовсе не предусматривал поголовного уничтожения мьютов. Сдавшихся в плен предполагалось приобщить к цивилизации и раздать членам Экипажа в качестве рабов. Речь идет, конечно, о тех мьютах, кто... — Эртц загнулся, растерявшись, и опустил глаза.

— Ты хотел сказать: «О тех, кто не деформирован физическими мутациями», как я, например, — сказал Джо голосом, от которого мороз прошел по коже. — Так, что ли? Для таких, как я, одна дорога — в Конвертер. — Лезвие ножа Джо-Джим плашмя ударил себя по ладони.

Эртц инстинктивно дернулся вбок, его рука легла на пояс. Но ножа на поясе не было. Без оружия Эртц почувствовал себя беспомощным.

— Я всего лишь честно ответил на твой вопрос и объяснил истинное положение дел, — сказал он.

— Оставь его, Джо. Он правду говорит. И поэтому у нас нет выбора. Если мы не присоединимся к Хью, нас загонят в угол. Даже не думай его убивать, он нам еще здорово пригодится.

Говоря, Джим пытался вложить нож в ножны. Между братьями вспыхнула быстрая и молчаливая схватка за контроль над нервными центрами правой руки — схватка воли, незаметная для глаза. Джо сдался.

— Ладно, — хмуро сказал он, — но, когда меня потащат в Конвертер, я прихвачу его с собой.

— Уймись, — ответил Джим. — Я-то уж в любом случае тебе составлю компанию.

— С какой стати ты вообще ему веришь?

— Ему незачем врать. Он ничего этим не выигрывает. Порасспроси Алана.

Алан Махони, закадычный другок детских лет Хью Хойланда, слушал этот разговор, вытаращив

глаза. Встреча со звездами потрясла его не меньше Эртца, но темный крестьянский ум не обладал гибкостью мышления Главного инженера. Эртцу не мог не понять почти мгновенно, что само существование мира вне Корабля опровергает все, во что он когда-либо верил, и в корне меняет его жизнь и все планы. Алан же просто испытывал благоговейный восторг.

— Алан, что тебе известно о походе на мьютов?

— Что мне может быть известно? Я же не Ученый. Хотя постоите-ка. В нашу деревню прибыл новый офицер, чтобы помочь Лейтенанту Нельсону, — он загнулся и обескураженно обвел всех взглядом.

— Продолжай.

— Ну да, он начал проводить занятия с кадетами и женатыми молодыми крестьянами. Заставлял нас упражняться с ножами и пращами. Но зачем, не говорил.

— Убедились наконец? — всплеснул руками Эртц.

— Убедились, — хмуро кивнул Джо.

Хью Хойланд спросил его с надеждой:

— Теперь ты согласен быть со мной заодно?

— Придется, — ответил Джо.

— Согласен, — сказал Джим.

— А ты, Билл?

— Разве у меня есть выбор?

— Есть. Я всем сердцем хочу, чтобы ты был с нами. План у меня такой — Экипаж в счет не идет. Нам надо убедить офицеров. Те, у кого хватит ума поверить в очевидное, увидев звезды и Главную рубку, останутся с нами. Остальных, — он провел по горлу большим пальцем, — в Конвертер.

Бобо радостно усмехнулся и повторил его жест.

Эртц кивнул.

— А дальше?

— Под руководством нового Капитана мьюты и Экипаж вместе поведут Корабль к Далекому Центауру. Да свершится воля Джордана!

Эртц смотрел на Хью. То, что тот предлагал, было настолько грандиозно, что не сразу укладывалось в голову. Но мысли Хью приходились по душе Эртцу. Опершись о стол руками, он наклонился вперед.

— Я с тобой, Хью Хойланд.

Один из ножей Джо-Джима лег на стол между его ладонями. Джо встрепетнулся, хотел что-то сказать брату, но передумал. Эртц взглядом поблагодарил близнецов. Близнецы пошептались между собой, потом Джо громко сказал:

— Если идем, так до конца.

Зажав лезвие ножа между большим и указательным пальцами так, что наружу торчало лишь острие, Джо-Джим вонзил его в предплечье левой руки.

Глаза Эртца зажглись. Схватив только что обретенное оружие, он надрезал себе левую руку в том же месте. Хлынула кровь.

— Спиной к спине! — Отпихнув стол, Эртц прижался раной к ране Джо-Джима.

Выхватив ножи, Алан, Хью и Бобо совершили обряд кровной клятвы. Они стояли, прижавшись плечами друг к другу, и кровь их стекала на пол одной струей.

— Нож за нож!

— Спиной к спине!

— Кровь за кровь!

— Кровные братья до конца Полета!

Ученый-вероотступник, ученый-пленник, темный крестьянин, двухголовый монстр и безмозглый карлик — пять ножей, считая Джо-Джима за один, и пять голов, считая Джо-Джима за две и не считая Бобо, — пять голов и пять ножей против всего «цивилизованного мира».

— Не хочу я туда возвращаться, Хью, — понуро сказал Алан. — Почему мне нельзя остаться с тобой? Я хороший боец.

— Боец ты отличный, дружище, но сейчас от тебя будет больше пользы как от лазутчика.

— Для этого есть Билл Эртц.

— Без тебя ему не обойтись. Билл на виду: если он все время будет мотаться вверх-вниз, могут пойти пересуды. Вот тут-то ты и нужен: будешь у него связным.

— А как я, Хафф поberi, объясню в деревне, где столько времени пропадаю?

— Говори как можно меньше. Главное, держись подальше от Свидетеля. — Хью вдруг представил себе, как Алан пытается выкрутиться, а Свидетель, обуреваемый своей вечной жаждой подробностей, загоняет его в угол умелыми вопросами. — Держись от старика подальше, — повторил Хью. — Он тебя сразу расколлет.

— Старик-то? Да ведь он давно уже помер. А новый Свидетель еще зелен и глуп.

— Вот и хорошо. Будь осторожен и ничего не бойся. — Хью повысил голос: — Билл! Ты готов?

— Готов. — Эртц поднялся и неохотно отложил книгу, которую читал, — иллюстрированное издание «Трех мушкетеров».

— Книга просто чудесная, —

Рисунки Н. ГРИШИНА

сказал он. — Слушай, Хью, неужели на Земле действительно все так и есть?

— Конечно. Книги Джо-Джима не врут.

Задумавшись, Эртц закусил губу:

— Как по-твоему, что такое «площадь»?

— «Площадь»? Насколько я понял — огромная общинная, где может сразу собраться много людей.

— Сначала, читая, я тоже так думал, но... как же можно тогда ездить на ней верхом?

— Что-что?

— Да вот в книге они только и делают, что залезают на площадь и скачут куда-нибудь.

— Дай-ка мне книгу, — приказал Джо. Быстро перелистав ее, он рассмеялся. — Ну и идиот же ты. Ездят на лошадях, а не на площадях. Можно сесть на лошадь и проехать по площади, но не наоборот, понял ты, дурень?

— А что такое «лошадь»?

— Животное, величиной с корову. Ты усаживаешься ему на спину и едешь, куда хочешь.

Эртц обдумал новую информацию:

— Непрактично как-то. Когда едешь в носилках, просто говоришь Главному носильщику, куда идти, и все. А как объяснить дорогу корове?

— Легче легкого. Твой носильщик ее поведет в нужном направлении.

Эртц поразмыслил и над этим:

— Все равно непрактично. Можно ведь упасть. Нет уж, лучше пешком.

— Дело кажливое, — объяснил Джо. — Требуется привычка.

— А ты умеешь ездить на лошади?

Джим фыркнул.

— Где ты видел лошадей в Корабле? — разозлился Джо.

— Ладно, не будем про лошадей. Но я хотел еще кое-что спросить. Эти парни, Атос, Портос и Арамис, дрались необычайно длинными...

— Об этом поговорим в следующий раз, — перебил его Хью. — Бобо уже вернулся, пора идти.

— Подожди, Хью. То, что я говорю, очень важно. Они дрались необычайно длинными ножами. — Ну и что с того?

— Но ведь их ножи гораздо лучше наших. Длинной с руку, а то и больше. Подумай только, какое преимущество дадут нам такие ножи, если придется драться с Экипажем.

Хью обнажил свой нож и задумчиво посмотрел на него:

— Может, ты и прав. Но зато длинный нож не метнешь.

— А кто мешает сохранить наши метательные ножи?

— Да никто, пожалуй.

Близнецы молчали, прислушались к их разговору. Наконец Джо сказал:

— Билл прав. Подумай о ножах, Хью, а нам с Джимом надо кое-что почитать.

Обе головы лихорадочно вспоминали все прочитанные книги, подробно и со знанием дела перечисляющие разнообразные методы, используемые людьми для сохранения жизни своих недругов.

Джо-Джим и не заметил, как учредил Факультет исторических изысканий военного колледжа, тем более, что такое цветистое название ему и в голову бы никогда не пришло.

— Читай, конечно, — согласился Хью. — Но поговори сначала со своими людьми.

— Пошли.

Они вышли в коридор, где Бобо собрал десятка два головорезов, составляющих опору Джо-Джима в стране мутантов. Для всей этой шайки, кроме Длиннорукого, Кабана и Коротышки, Хью, Билл и Алан были чужаками, а чужакам встречаться с ними было опасно для жизни.

Джо-Джим приказал мьютам хорошоенько запомнить троих людей с нижних палуб. Запомнить и знать, что их следовало пропускать везде и всюду беспрепятственно, оказывая помощь и содействие. Более того, в отсутствие Джо-Джима мьютам надлежит повиноваться им, как ему самому.

Среди мьютов начался гул. До сих пор они привыкли повиноваться только Джо-Джиму, и никому, кроме него.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил:

— Я — Джек Носатый. Мой нож остр и мой глаз меток. Джо-Джим-двухголовый мудр за десятерых, он мой хозяин, и я за него сражаюсь. Но хозяин он, а не эти трое с нижних палуб. Что вы скажете, молодцы?

Он выжидающе замолк. Мьюты нервно переминались с ноги на ногу, поглядывая на Джо-Джима. Джо уголок рта пробормотал что-то Бобо. Джек Носатый открыл было рот, чтобы продолжать, но раздался лишь треск разбитых зубов и переломанной шеи — снаряд пращи Бобо заткнул ему глотку.

Бобо снова изготовил пращу. Джо-Джим оглядел притихших мьютов:

— Длиннорукий! Ты, Сороковой и Топор пойдете вниз с Бо-

бо, Аланом и Биллом. Остальным разойтись.

Трое мьютов отделились от отряда и последовали за Бобо. Перед тем как прыгнуть в люк, Эртц обернулся.

— Да хранит вас Джордан, братья, — сказал он.

Джо-Джим помахал ему рукой.

— И тебя, — ответил Джо.

— Доброй еды, — добавил Джим.

Бобо вел их вниз. Через сорок с лишним палуб они оказались на ничьей земле между мьютами и Экипажем. Бобо обернулся к своим рубакам:

— Мудрые Головы приказали вам стоять здесь по очереди на посту. Ты первый, — показал он на Длиннорукого.

— Алан и я идем вниз, — добавил Билл. — А вы трое по очереди будете караулить здесь и передавать мои послания Джо-Джиму. Ясно?

— Ясно, — ответил Длиннорукий.

— Приказ Джо-Джима! — отметил Сороковой, пожимая плечами, как бы говоря: «Что ж тут рассуждать!»

Топор просто хмыкнул в знак согласия.

Бобо от души похлопал Билла и Алана по спине.

— Доброй еды, — напутствовал он их.

Обшаривая столы исчезнувшего Главного инженера, Старший помощник

Капитана-Помазанника Финеас Нарби обнаружил, к своему изумлению, что Билл Эртц тайком хранил парочку Ненужных книг. Были у него в столе, конечно, и обычные Священные книги, такие, как бесценные «Профлактика вспомогательного Конвертера» и «Справочник систем освещения и кондиционирования звездолета «Авангард» — самые священные из всех Священных книг: на них стояла печать самого Джордана, и они по праву могли принадлежать только Главному инженеру.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — дело праведное и благое... для Экипажа. И все же слова «Фонд Джордана», отписанные штемпелем на титульном листе, будили в душе трепет, которого он не помнил с тех пор, как был удостоен сана Ученого.

Нарби восхищался прекрасным четким шрифтом старинных книг. Вот ведь были писцы у древних! Не то, что современные неряхи, которым и двух букв одинаково ровно не написать.

Он решил обязательно изучить

подробно эти ценнейшие справочники инженерного ведомства, прежде чем передать их преемнику Эртца. Было бы очень полезно, решил Нарби, избавиться от необходимости слепо полагаться на слова Главного инженера, не завися от него, когда он, Нарби, сам станет Капитаном. Нарби не очень почитал Инженеров в основном потому, что сам инженерными способностями не блистал. Когда он стал Ученым, одним из тех, кто охранял духовное и материальное благополучие Корабля, когда дал клятву служить верой и правдой делу Джордана, то быстро понял, что более склонен к руководству кадрами и разработке политической линии, чем к обслуживанию Конвертера. Он занимал посты клерка, администратора деревни, секретаря Совета, кадровика и, наконец, поднялся до должности Старшего помощника самого Капитана-Помазанника. Это место он получил сразу же после таинственного происшествия, значительно сократившего жизнь его предшественника.

Решение заняться инженерными делами до избрания нового Главного инженера напомнило ему о необходимости подобрать подходящую кандидатуру. В обычной ситуации на пост Главного инженера, ушедшего в Полет, назначался старший Вахтенный офицер, но Вахтенный Морт Тайлер сам ушел в Полет — его хладный труп нашли в коридоре, по которому отступали мьюты, освободившие еретика Хью Хойланда. Вопрос о кандидатуре оставался открытым, и Нарби еще не решил, кого рекомендовать Капитану.

Одно было ясно — новый Главный инженер не должен обладать таким чрезмерно развитым чувством инициативы, как Эртц. Нарби отдавал последнему должное и признавал его заслуги в отличной организации подготовки Экипажа к намеченному истреблению мьютов, но именно эти его качества хорошего организатора и руководителя беспокоили Нарби — они могли сделать Эртца слишком сильным кандидатом на пост Капитана в случае... Наедине с самим собой Нарби мог признаться, что жизнь нынешнего Капитана так неоправданно затянулась только потому, что он, Нарби, не был на все сто процентов уверен, кого Совет избрет следующим Капитаном — Эртца или его. А сейчас старому Капитану было бы в самый раз отправиться к Джордану. Старый толстый дурак давно уже отжил свое, и толку от него... Нарби просто устал улеживать старика, чтобы тот отдавал нуж-

ные распоряжения. Да, если перед Советом встанет необходимость выбора нового Капитана именно в настоящий момент, то подходящая кандидатура будет только одна...

Нарби захлопнул книгу. Решение было принято. Замыслив убрать Капитана, Нарби отнюдь не испытывал ни стыда, ни угрызений совести, ни мыслей о грехе и предательстве. Капитана он презирал, но никаких злых чувств к нему никогда не испытывал, так что в его намерениях убить Капитана не было и следа личной ненависти или неприязни. Нарби строил свои планы, исходя из самых благородных побуждений государственного деятеля. Он искренне верил, что действует на благо всего Экипажа, что его цель — здравомыслящая администрация, порядок, дисциплина и добрая еда для каждого. Необходимость отправить кое-кого в Повет ради достижения великих целей и всеобщего блага не вызвала у него ни малейшего сожаления, и за никакого к этим людям он не питал.

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби обернулся и увидел покойного Билла Эртца, с недовольным видом склонившегося над ним. Сначала Нарби уставился на Билла, потом медленно закрыл рот. Нарби настолько был уверен в смерти Главного инженера после его исчезновения во время налета, что увидеть Эртца сейчас перед собой живым и сердитым было для него тяжелым ударом. Но он быстро взял себя в руки.

— Билл! Джордан с нами! Мы же думали, что ты ушел в Повет! Садись, садись, да расскажи поскорее, что с тобой приключилось.

— Сяду, конечно, если ты убеешься из моего кресла, — ядовито ответил Эртц.

— Извини. — Нарби быстро вылез из-за стола и пересел в кресло напротив.

— А теперь, — продолжал Эртц, занимая свое место, — будь любезен объяснить, почему ты копаешься в моих бумагах.

Нарби ухитрился изобразить обиду.

— Но разве это не ясно? Мы же считали тебя погибшим. Кто-то должен же руководить твоим ведомством до назначения нового Главного инженера. Я выполнял приказ Капитана.

Эртц смотрел ему прямо в глаза.

— Не заливай, Нарби. Мы-то с тобой знаем, кто думает за Капитана, сами частенько это дела-

ли. Даже если ты действительно считал меня мертвым, мог бы и подождать еще немножко, прежде чем лезть в мой стол.

— Но в самом деле, старина, ты уж слишком. Если человек исчезает после налета мьюттов, то вполне логично предположить, что он ушел в Повет.

— Ладно, оставим это. Почему мое место не занял Морт Тайлер, как и должно быть во время моего отсутствия?

— Морт в Конвертере.

— Что, убит? Но кто приказал отправить его в Конвертер? Такая масса даст слишком сильную нагрузку.

— Приказал я. Масса его тела почти совпадала с массой тела Хойланда, а Хойланд в Конвертер так и не попал.

— «Почти» и «совсем» — не одно и то же, особенно когда имеешь дело с Конвертером. Придется мне проверить. — И Эртц поднялся с места.

— Не беспокойся, — сказал Нарби, — я ведь все-таки тоже не крестьянин и в инженерном деле немного соображаю. Я приказал подогнать массу Тайлера под график переработки, который ты составил для тела Хойланда.

— Хорошо. Потом проверю. Лишний вес терять впустую нам тоже нельзя.

— Кстати, насчет рационального использования веса, — невинно сказал Нарби, — я у тебя в столе нашел пару Ненужных книг.

— Ну и что с того?

— Тебе ведь известно, что они определены как масса, подлежащая конвертерной переработке для производства энергии.

— Известно. А тебе известно, кто отвечает за производство энергии.

— Ты. Но зачем эти книги находятся в твоём столе?

— Позволь заметить, дорогой любимчик Капитана, что только мне одному дано право судить, где хранить вещи, предназначенные для Конвертера.

— Конечно, конечно, ты прав. Послушай, если они не нужны для Конвертера прямо сейчас, можно я возьму их почитать?

— Бери, пожалуйста, но будь благодарен. Я выдам их под расписку, а ты не распространяйся об этом.

— Спасибо. Живое было воображение у древних. Полный бред, конечно, но приятно на досуге позабавиться.

Эртц рассеянно приготовил расписку на две книги и протянул ее Нарби прочитать. Мысли Эртца были заняты совсем другим — как и когда начать обработку Нар-

би. Он хорошо понимал, что в деле, которое замыслили он и его кровные братья, без Финеаса не обойтись. Его позиция может иметь решающее значение. Перетянуть бы его на свою сторону...

— Фин, — сказал он наконец, когда Нарби положил на стол подписанную расписку, — я начал сомневаться в разумности нашего поведения в деле Хойланда.

Нарби удивленно взглянул на него.

— Да нет, я отнюдь не верю всем этим бредням, которые он наплел, — добавил Эртц торопливо. — Но сдаётся мне, что мы упустили шанс. Надо было поиграть с Хойландом и выйти через него на мьюттов. Мы хотим присоединить их территорию, но все наши планы строятся на предположениях, а не на достоверной информации. Сколько их, каковы их силы, как они организованы — толком мы ничего не знаем. Более того, нам придется драться на чужой территории. Но верхние палубы для нас вообще «белое пятно». Надо бы притвориться, что мы верим Хойланду, и выкачать из него как можно больше сведений.

— На которые вряд ли можно было бы полагаться, — отметил Нарби.

— Полагаться только на его слова не было нужды. Он ведь предлагал нам безопасный проход через страну мьюттов, можно было бы самим посмотреть, что к чему.

— Ты это всерьёз? Любый член Экипажа, доверившийся мьюту, отправится не в Невесомость, а в Повет! — Нарби был ошеломлен.

— Не знаю, не знаю, — возразил Эртц. — У меня сложилось впечатление, что Хойланд сам верил в то, что говорил. Помимо того...

— Что «помимо того»? Весь этот бред о движении Корабля? Незыблемого Корабля? — Нарби ударил кулаком по стенке. — Да кто поверит в подобную чушь?

— Хойланд поверил. Ну, хорошо, он религиозный фанатик, я согласен. Но ведь его фанатизм на чем-то основан? Он увидел там, наверху, что-то невероятное и воспринял его по-своему, в виде той истории, которую нам рассказал. Мы должны были использовать его предложение пойти наверх и познакомиться с его открытием хотя бы для того, чтобы развеять по дороге страну мьюттов.

— Полнейшее безрассудство!

— Вот и нет. Судя по всему, он пользуется огромным влиянием среди мьюттов, а то с чего бы им заваривать эту кашу и спасать

его? Если он говорит, что гарантирует безопасный проход через их страну, значит, знает, что говорит.

— С чего это ты изменил свое мнение?

— Мое мнение изменил налет. Я бы в жизни не поверил, что шайка мьютов рискнет шкурами, чтобы спасти одного человека. Но коль скоро это произошло, я вынужден пересмотреть свои взгляды. Абстрагируясь от рассказа Хью, могу сказать только одно: мьюты готовы за него драться и, по всей вероятности, готовы подчиняться ему. А если это так, на его религиозный фанатизм следовало смотреть сквозь пальцы и использовать Хью для установления контроля над мьютами, не прибегая к войне.

Нарби пожал плечами:

— Твои рассуждения не лишены логики. Но стоит ли тратить время на рассуждения о том, что могло бы произойти. Если шанс и был, то он уже упущен.

— Как знать. Хойланд ведь бежал к мьютам. Если бы я мог как-нибудь связаться с ним, может, и удалось бы еще начать все сначала.

— И как же ты предполагаешь сделать это?

— Сам пока не знаю. Можно, например, взять охрану, полезть наверх, поймать какого-нибудь мьюта и отправить его к Хойланду.

— Рискованная затея.

— Но я не прочь попробовать.

Нарби задумался. Весь план казался ему донельзя глупым и неоправданно рискованным. Но если Эртцу не прочь рискнуть... Шансов, конечно, мало, но чем Хафф не шутит? Если Эртцу удастся осуществить свой план, то у него, у Нарби, будут развязаны руки для выполнения самых заветных планов. Уж кто-кто, а Нарби понимал, что покорение мьютов силой будет делом долгим и кровавым, да и вообще вряд ли осуществимым. А если у Эртца ничего не выйдет, то опять же Нарби ничего не теряет, кроме самого Эртца. А на нынешнем этапе игры о жизни Главного инженера вообще вряд ли стоит сокрушаться. Та-ак...

— Возьмись за это дело, Билл, — сказал он. — Человек ты смелый, а дело стоящее.

— Хорошо, — согласился Эртц. — Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды, — ответил он и, забрав книги, ушел. Только вернувшись к себе, он сообразил, что Эртц так и не дал никакого объяснения своему исчезновению и долговому отсутствию.

Эртцу тоже понимал, что и Нарби не был с ним полностью откровенен. Но, зная Нарби, принимал это как должное. Основа для будущих действий была заложена.

Главный инженер провел текущую проверку Конвертера и назначил исполняющего обязанности Вахтенного. Убедившись, к своему удовлетворению, что его подчиненные справятся с работой и во время его дальнейших отлучек, он приказал вызвать к себе Алана Махони. Он хотел было выехать навстречу Алану в носилках, но решил не привлекать внимания к встрече.

...Алан бурно приветствовал его. Для все еще не женатого, работающего на более удачливых людей кадета, все сверстники которого давно уже обзавелись семьями и собственностью, кровное братство с одним из главных Ученых Корабля стало самым выдающимся событием в жизни. Оно затмевало даже все недавние приключения, полный смысл которых его невежественный ум все равно не мог постичь.

Эртц прервал его и быстро закрыл дверь.

— Стены имеют уши, — тихо сказал он, — а у клерков, помимо ушей, еще и языки. Ты что, хочешь, чтобы нас с тобой сунули в Конвертер?

— Прости, Билл, я не сообразил.

— Ладно, оставь. Встретимся на лестнице, по которой мы спустились от Джо-Джима, десятью палубами выше этой. Считаю умеешь?

— Даже в два раза больше, чем до десяти. Один да один — два, еще один — получится три, еще один — четыре...

— Молодец. Хватит. Но я больше полагаюсь на твою верность и умение обращаться с ножом, чем на твои математические способности. Встретимся как можно быстрее, и постарайся, чтобы тебя никто не видел.

В месте встречи на посту стояла Сороковой. Эртцу окликнул его по имени издали, держась вне пределов досягаемости ножа и пращи — совсем не лишняя предосторожность, когда имеешь дело с существом, дожившим до своих лет только благодаря умению обращаться с оружием.

Приказав мутанту найти и привести Хойланда, Эртц вместе с Аланом присел отдохнуть.

В жилище Джо-Джима не было ни хозяина, ни Хью. Сороковой застал там Бобо, но что с него толку? Бобо сказал, что Хью по-

шел на самый верх, туда, где все летают. Но на самый верх Сороковой забирался лишь раз в жизни и верхних палуб толком не знал. Где там найти Хью? Сороковой растерялся. Нарушать приказы Джо-Джима было небезопасно, а Сороковой раз и навсегда вбил в свою буйную голову, что приказ Эртца — то же самое, что приказ Джо-Джима. Он снова растолкал Бобо.

— Где Мудрые Головы?

— У оружейницы. — Бобо закрыл глаза и захрапел.

Это уже лучше. Где живет оружейница, знал каждый мьют. Все имели с ней дела. Оружейница была незаменимой мастерицей, торговкой и посредницей. Нет нужды говорить, что личность ее была неприкосновенной, а мастерская — нейтральной территорией, где все схватки были запрещены. Туда и направился Сороковой.

Дверь с табличкой «Термодинамическая лаборатория. Вход строго воспрещен» была распахнута настежь. Читать Сороковой не умел, а если бы и умел, все равно бы ничего не понял. Услышав голоса оружейницы и одного из близнецов, он вошел внутрь.

— Хозяин, — начал было он.

— Закройся, — ответил Джо.

Джим даже не обернулся, занятый беседой с Матерью Клинков.

— Сделаешь, как тебе говорят, — прорычал он, — и хватит попусту болтать.

Оружейница уставилась на него, переве все четыре мозолистые руки в широкие бедра. Глаза у нее были красные, ей все время приходилось следить за плавающей печью — по морщинистому лицу и капал на обнаженную грудь.

— Я делаю ножи, да! — отрезала она. — Честные ножи, а не дрючки для свиней, которые ты от меня требуешь. Придумают тоже — нож длиной с руку, тыфу! — и она плюнула в раскаленную докрасна печь.

— Слушай ты, падаль, — ровным голосом ответил Джим, — или сделаешь, что говорят, или я тебе пятки поджарю в твоей же печке. Ясно?

У Сорокового отвисла челюсть. Да, могущественней его хозяина не было! Никто и никогда, кроме него, не посмел бы так разговаривать с Матерью Клинков!

Оружейница сразу сдалась.

— Но так ведь делать ножи не положено, — жалобно всхлинула она. — Их же не метнешь. Да я вам сейчас покажу. — Она схватила со стола пояс с ножами и метнула ножи через всю комнату в крестообразную мишень — все

четыре сразу. Лезвия вонзились в четыре конца крестовины. — Видел? А твой дючок разве так метнешь?

— Хозяин, — снова начал Сороковой, но Джо-Джим, не оборачиваясь, заткнул ему рот кулаком.

— Ты права, — ответил Джим оружейнице, — но мы вовсе не собираемся метать длинные ножи. Мы ими собираемся колоть и резать на близком расстоянии. Примайся за работу; пока не сделаешь для меня первый нож, есть не сядешь.

Старуха закусил губу.

— Плата обычная? — резко спросила она.

— Обычная. Десятину с каждого убитого твоим ножом, пока не будет выплачена их стоимость, и хорошая кормежка на все время работы.

Старуха пожала кривыми плечами.

— Ладно. — Она вытянула из-под стола длинный кусок стали и сунула его в пень.

Джо-Джим обернулся к Сороковому.

— В чем дело? — спросил Джо.

— Хозяин, Эртц велел мне найти Хью.

— Так что же ты его не ищешь?

— Бобо сказал, что Хью ушел в Невесомость.

— Ну и иди за ним туда. Хотя нет, заблудишься. Придется мне самому его найти. А ты возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы ждал.

Сороковой заспешил вниз. Хозяин был у него что надо, но мешкать в его присутствии не стоило.

...Обнаружив Кабана и Коротышку, спавших у двери, ведущей в Главную рубку, Джо-Джим понял, что Хью там — он сам назначил их личными телохранителями Хью. Но и так было ясно, что если Хойланд пошел наверх, то наверняка в Главную рубку. Она волшебной силой притягивала его к себе. С того момента, как Джо-Джим в буквальном смысле слова втащил Хью за шиворот в рубку и ткнул носом в действительность, в то, что Корабль — отнюдь не весь мир, а всего лишь песчинка, затерянная в гигантской Вселенной, судно, движением которого можно управлять, одна лишь мысль владела Хью Хойландом, тогда еще пленником-рабом Джо-Джима, одно лишь желание обуревало его — сесть за пульт управления и вести Корабль! Мечты Хью и в сравнение не шли с мечтами земных астронавтов. Стремление в космос, жажда по-

летов на космических кораблях, подражание романтическим героям-астронавтам были естественными для всех земных мальчишек еще с тех пор, как взлетела первая ракета. Но Хью-то мечтал вести в Полет не просто космический корабль, а весь свой мир! Замысли земляне оснастить свою планету двигателями и ринуться сквозь Галактику, и то их мечта уступала бы в дерзновенности намерениям Хью. Новый Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо-Джим остановился на пороге гигантского стелларiums Главной рубки и заглянул внутрь. Хью он не видел, но был уверен, что тот расположился в кресле Главного навигатора — огни были включены. На стенах ярко мерцало изображение звездного неба, воспроизведенного телескопами с пунктуальной точностью.

Хью, сидя в кресле, гасил сектор за сектором, оставляя лишь один на противоположной себе стороне, отличавшийся от других

изображением большого сверкающего шара, затмевающего своей яркостью соседние звезды. Джо-Джим полез к креслу Хью.

— А, это ты, — обернулся тот.

— Вылезай, тебя ждет Эртц.

— Хорошо, но сначала посмотри.

— Да пошли ты его... — сказал брату Джо, но Джим ответил:

— Будет тебе, право, давай посмотрим. Дело ведь недолгое.

Джо-Джим вскарабкался на соседнее с Хью кресло.

— Что еще там? — буркнул Джо.

— Посмотри на эту звезду, — показал Хью на яркий шар. — Она намного больше, чем была в прошлый раз.

— Да она давно уже растет, — ответил Джим. — Когда мы сюда пришли в первый раз, ее почти совсем не было заметно.

— Значит, мы приближаемся к ней.

— Разумеется, — согласился Джо. — Факт давно известный. Еще одно доказательство, что Корабль движется.

— А почему ты мне раньше не говорил?

— О чем?

— О звезде. О том, что она растет.

— Что нам проку с того, что она растет?

— «Что нам проку!» Да в этом же все дело! Это же конец Полета, место, указанное Джорданом!

Слова Хью привели обе головы Джо-Джима в замешательство. Мысли близнецов не шли дальше обеспечения собственной безопасности и привычных удобств, им трудно было понять, что Хью, да и Билл Эртц руководствовались совсем другими соображениями — желанием возродить утраченные достижения далеких предков и довести до конца их дело — давно забытый, превратившийся в мистический Полет на Далекий Центавр.

Первым пришел в себя Джим:

— Почему ты думаешь, что именно эта звезда и есть Далекий Центавр?

— Плавать мне, Центавр она или не Центавр. Но мы к ней ближе, чем к остальным, и продолжаем приближаться. Одна звезда ничем не хуже другой, когда все равно не знаешь, где которая из них. Слушай, Джо-Джим, а ведь древние умели различать звезды.

— Умели, — ответил Джо. — Но нам-то что с этого? Выбрал ты себе звезду, ну и добро пожаловать. А я пошел вниз.

— Хорошо, я тоже спускаюсь, — неохотно поднялся с кресла Хью.

Эртц изложил Джо-Джиму и Хью содержание своей беседы с Нарби.

— Вот что я предлагаю, — про-

должал он. — Я пошлю Алана обратно к Нарби и велю ему передать, что мне удалось вступить с тобой в контакт, Хью, и что я прошу его подняться сюда на ничейную палубу, где покажу ему кое-что очень важное.

— Почему бы тебе самому за ним не пойти и не привести его сюда? — спросил Хью.

— Потому, что так пытался сделать ты, когда пришел ко мне и хотел все объяснить. — Эртцу смутился. — Ты вернулся от мьютов с невероятными рассказами, и я тебе не поверил, отдав под суд по обвинению в ереси. Если бы не Джо-Джим, быть бы тебе сейчас в Конвертере. И если бы ты не взял меня в плен и не затащил бы в Рубку, где я все увидел собственными глазами, я бы так тебе и не поверил. Пойми, что Нарби — орешек не менее твердый, чем был я. Мы должны заманить его сюда, а потом показать ему звезды и заставить его их увидеть. Добром, если получится, силой, если потребуется.

— Не понимаю, — сказал Джим, — чего с ним цацкаться. Куда проще перерезать ему глотку.

— Перерезать ему глотку было бы славно, но вряд ли практично. Ты даже не представляешь, Джим, насколько Нарби может быть нам полезен. В Совете нет офицера авторитетнее Нарби. Более того, он давно уже вершит делами от имени Капитана. Перетянув его на свою сторону, мы вообще сможем избежать войны, в исходе которой я, честно сказать, не совсем уверен.

— Сомневаюсь, что Нарби придет. У него нюх на ловушки, — сказал Хью.

— Тем более должен идти Алан, а не я. Меня Нарби сразу начнет «копать», а с Алана взятки гладки. Он ничего не скажет Нарби, кроме того, о чем мы договоримся.

— Точно. Знать ничего не знаю, видеть ничего не видел, — сказал Алан и добавил честно и откровенно: — Я вообще никогда особенно много не знал.

— Джо-Джима ты не видел, о звездах слыхом не слышал. Ты просто мой телохранитель и ординарец. Нарби передашь следующее. — Эртц подробно объяснил Алану, как и что следует говорить. Удостоверившись в том, что тот все понял, он пожелал ему доброй еды.

— Доброй еды, — ответил Алан, стиснув рукоять ножа, и отправился в путь.

Послание Эртца Алан изложил Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга, стоявший за дверью.

— Эртц хочет, чтобы я шел с тобой в страну мьютов? — Ошеломленно уставился на него Нарби.

— Не совсем туда, сэр. На ничейную палубу, где можно будет встретиться с Хью Хойландом.

— Что за абсурд! Да я просто пошлю стражу арестовать его и доставить сюда! — взорвался Нарби.

Алан понял, что наступил решающий момент. Он нарочно повысил голос, чтобы слуга за дверью, а может быть, и клерки, услышали его:

— Эртц велел передать, что если вы испугаетесь идти, то можете оставить эту затею. Он сам подымет вопрос на заседании Совета.

Своим дальнейшим существованием Алан был обязан только тому, что Нарби был человеком интеллекта, а не грубой силы. Посматривая на нож на поясе Нарби, Алан с тоской вспоминал свое оружие, которое сдал начальнику охраны, входя в покои Старпома.

Нарби сдержал гнев. Он был слишком умен, чтобы отнести оскорбление на счет стоящего перед ним придурка, хотя и пообещал себе уделить этой деревенщине немного особого внимания в более подходящее время. Сейчас же на принятом им решении сказались в равной мере и задетое самолюбие, и любопытство, и потенциальная угроза потери лица.

— Ты отведишь меня к Эртцу, — сказал он сурово, — и я проверю, правильно ли ты передал его слова.

Нарби хотел было взять с собой конвой, но передумал.

Не стоило обнародовать дело, не разобравшись во всех его политических аспектах, да и взять охрану в данном случае все равно что не пойти совсем. Но он нервно спросил Алана, когда тот получил обратно свое оружие:

— Ты хорошо владеешь ножом?
— Даже очень, — бодро ответил Алан.

Нарби от души понадеялся, что Алан не хвастун. Последнее время он часто жалел, что раньше пренебрегал военной подготовкой. Следуя за Аланом, он постепенно успокоился. Во-первых, ничего особенного не случилось, во-вторых, Алан производил впечатление опытного и надежного разведчика. Двигаясь он бесшумно, никогда не забывая тщательно обшарить палубу взглядом, прежде чем вылезти на нее из люка. Нарби вряд ли бы сохранил свое с трудом обретенное спокойствие, услышав он то, что слышал из тускло освещенных проходов Алан, — шорохи, из которых было ясно, что за их продвижением следят с флажков. Алана эти шорохи настораживали, хотя он их и ожидал, понимая, что Хью и Джо-Джим слишком опытные, чтобы оставить проходы без прикрытия. Но, будучи настороже, он все же не испытывал беспокойства — это пришлось бы делать, не сумей он прикрытия обнаружить. Дойдя до условленного места, Алан остановился и свистнул.

Раздался ответный свист.

— Это я, Алан, — крикнул он.

— Выйди на открытое место и покажись!

Алан вышел вперед, не теряя, однако, бдительности. Убедившись, что его встречают друзья — Эртц, Хью, Джо-Джим и Бобо, он сделал Нарби знак следовать за ним.

При виде Джо-Джима и Бобо восстановившееся было самообладание Нарби лопнуло. Он понял, что попал в ловушку. Выхватив нож, Старпом метнулся назад, однако Бобо крутнул свою пращу еще быстрее. На мгновение все застыло, но Джо-Джим резко выбил из его рук оружие.

Нарби удирал что было сил. Хью и Эртц тщегно звали его назад.

— Бобо, возьми его! Живьем, — командовал Джим.

Бобо рванулся вперед.

Вскоре он вернулся и, уложив Нарби на пол, заметил:

— Быстро бегает.

Нарби лежал, почти не двигаясь, стараясь восстановить дыхание. Бобо вытащил из-за своего пояса отнятый у Старпома нож и

попробовал его на жестких волосах своей левой руки.

— Хороший клинок, — одобительно хмыкнул он.

— Верни ему нож, — приказал Джо. Бобо удивился, но выполнил приказ, забрав у Джо-Джима свою пращу.

Нарби был удивлен не меньше Бобо тем, что получил свое оружие обратно. Но чувства свои он умел скрывать намного лучше карлика. Он даже сумел изобразить достоинство, принимая нож обратно.

— Послушай, — обеспокоенным голосом начал Эртц, — мне очень жаль, что так вышло. Но другого пути удержать тебя не было.

Усилием воли Нарби восстановил холодное самообладание, с которым обычно воспринимал жизнь со всеми ее поворотами. «Проклятье, — подумал он, — ситуация просто идиотская. Ну, ладно».

— Забудем об этом, — сказал он вслух. — Просто я шел на встречу с тобой, а увидел вооруженных мьютов. В странные ты игры играешь, Эртц.

— Приношу свои извинения. Следовало, конечно, предупредить тебя, — Эртц позволил себе маленькую дипломатическую ложь. — Но позволю представить тебе Джо-Джима. Он у мьютов все равно что у Экипажа офицер. А с Бобо ты уже познакомился.

— Доброй еды, — вежливо сказал Джо.

— Доброй еды, — машинально ответил Нарби.

Наступило неловкое молчание. Нарби первым нарушил его.

— Я полагаю, Эртц, что у тебя были серьезные причины послать за мной.

— Серьезные, — согласился Эртц. — Настолько, что даже не знаю, с чего начать. Слушай, Нарби, ты мне не поверишь, но я видел собственными глазами: все, что нам сообщил Хью, было абсолютной правдой. Я был в Главной рубке. Я видел звезды.

Нарби уставился на него.

— Эртц, — сказал он размеренно, — ты сошел с ума.

— Ты говоришь так, потому что не видел, — взволнованно выпалил Хью, — но Корабль движется, Корабль...

— Погоди, Хью, дай я сам, — остановил его Эртц. — Слушай меня внимательно. Нарби, сам реши, что к чему, сам делай выводы, но сейчас я хочу рассказать тебе то, что видел и понял я. Меня отвели в Капитанскую рубку — помещение со стеклянной стеной. И за стеной — необъятное пустое черное пространство, такое большое, что ничего боль-

шого быть не может, больше Корабля! И в нем горят звезды! Звезды, о которых мы читали в древних мифах!

— Ты ведь считаешься Ученым. — На лице Нарби изумление смешивалось с отвращением. — Где же твоя логика? «Больше Корабля!» Абсурд! Одно понятие противоречит другому: Корабль есть Корабль. Весь остальной мир — лишь его часть. Ты увидел или убедил себя, что увидел что-то из ряда вон выходящее, но чем бы ни было явление, увиденное тобой, оно не может быть больше того объема, в котором содержится. Таковы элементарные законы физической природы мира.

— Словами этого не объяснишь... — снова начал Эртц.

— Конечно, не объяснишь, и я про то же.

Близнецы перешептывались друг с другом с видом полнейшего омерзения. Наконец Джо громко сказал:

— Хватит болтать! Пошли!

— Верно, — охотно согласился Эртц, — давай отложим спор до тех пор, пока ты не удостоверись собственными глазами. Фин, пора в путь, идти нам далеко.

— Идти? Куда еще идти?

— Наверх, в Главную рубку.

— Не смей меня. Я иду вниз.

— Нет, Нарби. Вниз ты сейчас не пойдешь. Я и вызвал тебя сюда только для того, чтобы отвести в Рубку.

— Не валяй дурака. Мне туда идти незачем, у меня и так хватает здравого смысла во всем разобраться. Тем не менее ты заслуживаешь поощрения за установление дружественных контактов с мьютами. Полагаю, мы можем выработать определенные принципы сотрудничества с ними...

Джо-Джим шагнул вперед.

— Попусту тратьшь время, — ровным голосом сказал Джим. — Мы идем наверх, и ты идешь с нами.

— Об этом не может быть и речи, — покачал головой Нарби. — Но не исключено, что я соглашусь позже, когда мы выработаем принципы сотрудничества.

С противоположной стороны к нему придвинулся Хью Хойланд.

— Если ты не понял, что к чему, то позволю тебе объяснить: ты идешь с нами наверх. Сейчас. Нарби взглянул на Эртца. Эртц кивнул:

— Именно так дела и обстоят, Нарби.

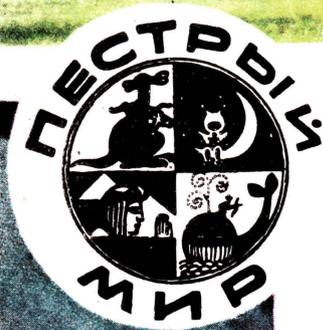
Продолжение следует.

Перевел с английского
Ю. ЗАРАХОВИЧ

ЛЕТАЮЩИЕ «ДЕДУШКИ»

На что похожи первые самолеты, родившиеся на заре авиации? На этажерку, на воздушный змей, на неумелую модель, склеенную новичком секции авиамоделлизма, на скелет передохла, наконец. И все-таки они летали! А в том, что это на самом деле так, убеждает коллекция аэропланов, собранная в ангарах аэродрома «Олд-Уорден» близ небольшого английского городка Биглсуэйд. От прочих подобных коллекций ее отличает то, что самолеты здесь не копии, а оригиналы, и многие из них действительно в состоянии отрываться от земли. Правда, некоторые «этажерки» поднимаются в воздух всего на несколько метров, это и полетом-то не назовешь, скорее прыжками в длину, но, согласитесь, для семидесятилетних «старичков» и такое достижение почетно. Зато «блерио» 1909 года — тот самый, на котором Луи Блерио впервые преодолел воздушное пространство над Ла-Маншем, — до сих пор летает по-настоящему и по праву считается гордостью коллекции. Как-никак — самый старый летающий самолет в мире.

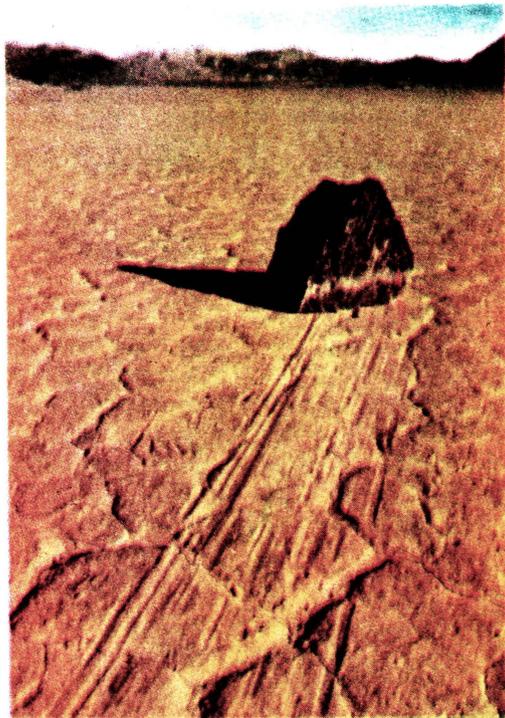
НЕПРИЗНАННЫЕ РЕКОРДСМЕНЫ

Единственная причина, по которой носатые обезьяны не выступают в цирке — это, пожалуй, их малочисленность. Вид относится к числу вымирающих и потому охраняется законом. А одно из немногих мест в мире, где эти обезьяны водятся еще в сколь угодно заметных количествах, — низовья реки Бруней в одноименном султанате.

Циркачи из обезьян, действительно, отменные. Носатые приматы бесстрашно прыгают на землю с вершин высоченных деревьев, а также преодолевают впасть бурные реки. Причем, чтобы не тратить слишком много энергии на борьбу с течением, обезьяна разбегаётся по выступающей ветке, делает головокружительный прыжок и с шумом плюхается в воду на середине стремнины, откуда до берега уже не так далеко. Местные жители относятся к этим животным с уважением, почитая в первую очередь их отвагу, доходящую до безрассудства. Однажды носатого пловца обнаружили... посреди Южно-Китайского моря. Ловко загребая лапами, он уверенно устремлялся к далекому — очень далекому! — континенту. Приблизившийся на лодке спасатель был немедленно укушен. Все понятно: когда дело касается мирового рекорда — не мешай!

КАМНИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Скальные обломки, разбросанные по ложу высохшего озера Рейстрек, что близ Долины Смерти (Калифорния), вряд ли привлекли бы чье-либо внимание, если бы они, как и положено лежащим камням, незыблемо покоились на своих местах. Однако камни... движутся. На это явственно указывают отчетливые следы в песчаном дне озера. Некоторые обломки весят 10—15 килограммов, что не мешает им пускаться в путь и преодолевать расстояния, измеряемые десятками метров. Единственное объяснение — ураганные ветры. В горах создаются особые климатические условия: на песке оседает влага, которая и играет роль смазки, позволяя камням, увлекаемым ветром, сниматься с места. Правда, давно уже замечено, что отдельные близлежащие обломки «путешествуют»... в противоположных направлениях. Но тут уж приходится ссылаться на переменчивость ветров: другого объяснения феномену пока не найдено.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

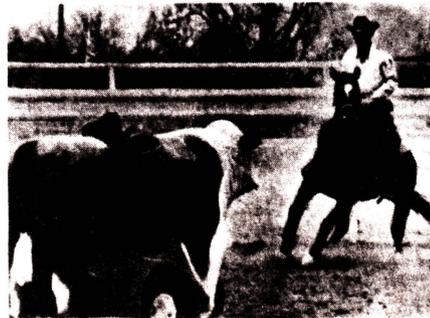
ОТКУДА ДУЕТ ВЕТЕР?

Малые Антильские острова вытянулись дугой от Пуэрто-Рико до Венесуэлы. Часть их, ограничивающая Карибское море с востока, именуется Наветренными островами, южная цепочка носит название Подветренных. Вроде бы географическое имя говорит само за себя. Та же история с нидерландской частью Малых Антиль: три острова — Голландские Наветренные, три — Голландские Подветренные. Однако если мы обратимся к английским картам, то там будет все иначе: Наветренные станут Подветренными и наоборот. Почему такая путаница? Неужели для разных географов ветер дует по-разному? Ответ следует искать в истории. До 1816 года Голландские Антильские острова переходили из рук в руки. Борьбу за них в основном две державы: Британия и Нидерланды.

Например, остров Саба менял хозяев 12 раз, а Синт-Эстатус — даже 22. Распри были настолько велики, что когда англичане нарекли несколько клочков суши Подветренными — «укрытыми от ветра», то голландцы тут же переименовали их в острова, «ветру открытые», — Наветренные. Как ни противоречивы названия, их можно встретить в атласах по сей день. И только ветер здесь совершенно ни при чем.

БЫКОМОБИЛИ ДЛЯ КОВБООВ

Что нужно для того, чтобы стать ковбоем? Очевидно, необходимыми выносливость, мужество, незаурядная физическая сила, умение гарцевать на лошади и, конечно же, объект тренировок — не слишком горячие, умеренно резвые быки и коровы. Но как выделить из стада животных с «запрограммированными» свойствами? Да к тому же истинный ковбой тем и славится, что он способен усмирить самых неукротимых представителей крупного рогатого скота. Но не следует забывать и о лошадях: их нужно приучать к «ковбойской» работе постепенно. Сотрудники центра коневодства «Рио-Гранде», что в американском штате Нью-Мексико, с честью распутали этот клубок противоречий. Они создали... механизированных быков на колесах. Каждым таким устройством управляет, естественно, человек. Скорость «быкомобиля» можно сообщить любую, а вот бросаться стогрча на всадника он абсолютно не в состоянии.

ВСЯ СИЛА В МАСКЕ

У разных народов мира масок существует великое множество.

«Страшил», подобных тому, что изображен на левом снимке, шриланкийские мастера делают с незапамятных времен. И главная их роль, разумеется, не пугать непослушных детей, а отгонять злых духов. Причем, чем страшнее была маска, тем безопаснее чувствовал себя владелец перед лицом потусторонних сил.

Маски некоторых индейских племен Северной Америки несли примерно ту же функцию. Но надевали их исключительно знахари, и лишь в тех случаях, когда кто-либо из соплеменников заболел. Вытесывали маски обязательно из дерева, пораженного молнией, что наделяло их особой целительной силой. Ведь если испытанные средства — например, печенка скунса или толченый коготь гризли — не помогали, вся надежда оставалась только на «лечебную» маску.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1904 год

ДАРА

Дара находится на юге Марокко и представляет собою обширную пустыню, которая тянется от Бени-Аллаха до Фигита. Эта песчаная и большею частью ровная область прорезывается с севера на юг преимущественно пересекающимися у́дами и (руслами рек); но в ней есть и пересыхающие реки, как, например, Хариф, Рас-эль-Ма и другие.

Все племена, населяющие Дару, арабского происхождения. Это настоящие кочевые народы, истые сыны воинственных эменов — этой расы победителей, от которой они унаследовали характер, нравы и обычаи. Трезвые, во всем умеренные, закаленные в лишениях, не знающие усталости, фанатичные до глубины души и храбрые, как львы, эти сыны пустыни считают высшим благом на земле независимость и готовы биться за нее до последней капли крови. Самое любимое занятие — охота. Сидя на своем быстрогого скакуне, араб со скоростью ветра мчится вслед за газелью или антилопою. Ни одному европейскому наезднику, как бы он ни был знаменит на своей родине, не выдержать такой бешеной скачки.

У всех кочевников свято почитается семейное начало, и старший в шатре пользуется безусловным авторитетом. Никому из его семьи не может прийти и в голову выказать поползновение не только к неповиновению ему, но даже просто на критический разбор его поступков и слов. Только мужчины зрелых лет допускаются к участию в беседах стариков, но если беседуют между собой шейхи, то никто не имеет права вмешиваться в их беседу. Младшие сходятся отдельно и с полным почтением относятся к старшим. Никогда не бывает, чтобы сын позвонил себе первым заговорить в присутствии отца или старшего родственника, но всегда выжидает, пока те обратятся к нему с вопросом. Вступать же со старшим в спор — у них прямо неслыханное дело. Являющиеся младшие к старшим только по зову

или для утреннего и вечернего приветствий.

Кочевник обыкновенно женится очень молодым, не старше двадцати лет. За невесту дается денежный выкуп, и свадьба празднуется песнями, играми и угощениями.

Жизнь кочевницы очень тяжела, так что к тридцати годам кочевница становится уже почти старухой. На ее обязанности лежит прядение и ткание полотен и шерсти для шатров и одежд и шитье последних на всю семью. Кроме того, на ее руках все хозяйство, забота о детях, о стирании, о лошадах, овцах — словом, обо всем, что есть в хозяйстве кочевника. Даже воду из колодца должна таскать она. За все это она вместе с детьми пользуется только объедками, остающимися после мужчин. Однако ни одна из них никогда не согласится покинуть шалаш своего мужа и последовать за европейцем даже во дворец.

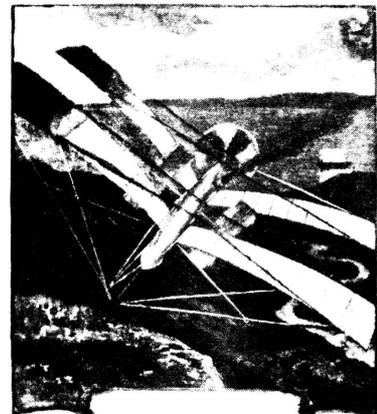
НЕУДАВШИЙСЯ ОПЫТ

Идея воздухоплавания с самых давних времен занимает пылкий ум человека. Первый воздушный шар был устроен братьями Монгольфьерами в 1783 году во Франции. На этом шаре, наполненном водородом, и был совершен в том же году Пилатром де Розье первый удачный полет. В настоящее время воздушные шары наполняют светильным газом и управляют их движением посредством колес, винтов, паровых, газовых и динамо-электрических машин и других приспособлений. Главная причина их несовершенства заключается в том, что воздухоплавательные приборы делались до сих пор легче воздуха, а потому они лишены были возможности победоносно бороться с силою ветров. Ввиду этого все изобретатели воздухоплавательных приборов пришли к заключению, что для успешной борьбы с ветрами эти приборы должны быть тяжелее воздуха и должны приводиться в движение посредством силы динамической. Но опыты с такими снарядами до сего времени не дали никаких положительных результатов.

К числу таких неудачных опытов следует отнести и попытку американского ученого Ланглей, устроившего летательный аппарат из материалов тяжелее воздуха, то

есть из дерева и металла. В продолжение двадцати лет Ланглей потратил немало сил и знаний на устройство машины, которая должна была посредством своих стальных мускулов восторжествовать над силою тяжести. 14 сентября 1903 года в заливе Уайд-Уотера, на реке Потомак, на границе штатов Мэриленда и Виргинии, был произведен интересный опыт с изобретением Ланглей. Гигантский кузнечик, форму которого имел прибор американского ученого, был выпущен с палубы высокого судна, стоявшего в реке близ берега и специально устроенного для этой цели. Прибор сразу вылетел на воздух из особого приспособления, называемого катапультиком, давшим ему необходимый толчок, и тотчас же распустил свои крылья, но, долетев до берега и продержавшись в воздухе не более минуты, тяжело рухнул на землю и вдребезги разбился. Хотя при этой катастрофе никто не пострадал, тем не менее она была полна драматизма: если в ней не погибли люди, зато погибли труды многих лет, погибла идея...

Таким образом, и этот опыт, для которого не жалели никаких средств (прибор Ланглей со всеми приспособлениями обошелся более 350 000 долларов, или около 700 000 рублей), не увенчался успехом. Но не будем смущаться этим: станем лучше надеяться, что пылкий ум человека не остановится перед неудачами, и, когда идея принципа, что летающие снаряды должны быть тяжелее, а не легче воздуха, будет осуществлена, тогда человек восторжествует и над воздухом, как уже восторжествовал над землею и водою.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР ХАРЬКОВСКИЙ — Возвращение земли . 2-я стр. обл.	
Б. ТИШИНСКИЙ — «Белая смерть» в лагуне	5
С. КОЗЛОВСКИЙ — Хэрчэ	15
Загадки, проекты, открытия	19, 59
ЕВГЕНИЙ РЕЙН — Ленты дальних странствий	20
Л. ЧЕШКОВА — Летопись, которая не кончается	24
АЛАН МАРШАЛЛ — Красногривые кони	30
ГЕННАДИЙ СОКОЛОВ — Острова на краю света	38
ЮРИЙ ГАЛЬПЕРИН — «Отмеченный огненной страстью...»	44
Н. ЛИНКО — Скиф из долины Саглы	48
КУРТ КЛАМАН — В диком рейсе	50
Г. СБОЙЧАКОВА — Сезон воздушного змея	57
И. ЦЫБУЛЬСКИЙ — Снежный сын Абсаты	60
РОБЕРТ ХАЙНЛЯЙН — Пасынки Вселенной	69
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Н. БАРАТОВ — Мой знакомый крокодил	80

На первой странице обложки: **ФИЛИППИНЫ**. Архипелаг Сулу. Невеста народа баджау.

Длинные лодки народа баджау — «морских цыган» Филиппин — снуют между островами архипелага Сулу. Баджау нигде долго не задерживаются, разве что случается важное событие — свадьба, например.

Несколько дней веселится весь род, и только жениху с невестой и их родителям обычай предписывает никак не показывать своих чувств. И потому, когда невеста выходит танцевать, набеленное лицо ее бесстрастно...

В номере использованы фотографии из журналов «Атлас» (Франция), «Нейшнд джиографик» (США). Отрывок из книги писателя К. Кламана (ГДР) «В диком рейсе». © Verlag «Neues Leben», Berlin, 1973.

Главный редактор **А. В. НИКОНОВ**

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), **Г. В. МАКСИМОВИЧ** (ответственный секретарь), **Ю. Б. САВЕНКОВ, О. И. СОКОЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ**

Оформление **А. Гусева и Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

© «Вокруг света», 1977 г.

Сдано в набор 7/1 1977 г. Подп. к печ. 21/II 1977 г. А00583. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 500 000 экз. Зак. 2373. Цена 70 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

МОЙ ЗНАКОМЫЙ КРОКОДИЛ

Жители небольшой деревушки Сабу, расположенной в ста километрах от столицы Республики Верхняя Вольта города Уагадугу, считают себя счастливыми. Их деревня стоит на берегу озера, а вода — главное богатство в выжженной солнцем африканской саванне. Озеро не бог весть какое: его можно переплыть, а в сухой сезон даже перейти вброд за 15 минут. Но лучше не пробовать — в озере полно крокодилов. Поэтому в его желтую стоялую воду вход посторонним категорически воспрещен. Вернее, заходи, пожалуйста, но пеняй на себя.

По общему мнению, крокодилы — малосимпатичные существа. Их считают кровожадными и хитрыми, а дурная привычка крокодилов плакать за едой закрепила за ними славу отъявленных лицемеров. И если бы не мультфильм про крокодила Гену, их репутация была бы, наверное, окончательно загублена. А вот крестьяне из Сабу, испокон веков живущие бок о бок с этими громадными земноводными, считают их своими друзьями. По местным верованиям, крокодилы являются воплощением могущественных подземных духов, символом плодородия и изобилия. Жители не только всячески оберегают мрачных обитателей озера, но и подкармливают их. В свою очередь, крокодилы никогда не нападают на людей, и в озере плещутся ребяташки, женщины стирают белье, а рыбаки, зайдя по пояс в воду, забрасывают сети.

Когда-то кормление крокодилов обставилось целым ритуалом, теперь это всего лишь забавный аттракцион для туристов. Выглядит это так. Парнишка лет двенадцати заходит в озеро, он держит на небольшой веревочке цыпленка. Похлопывая приманкой по воде, он начинает постепенно отступать к берегу. Как правило, несколько минут спустя на свет появляется сонная, с брезгливым выражением морда крокодила, затем его кольчужное тело. Он нехотя вылезает на берег, вместе с веревкой выхватывает из рук мальчика несчастного цыпленка и, неуклюже пятясь, уходит в свое озеро. Иногда же рептилия наотрез отказывается выходить из воды. То ли их допекали нахалы мальчишки, все новоящие ухватить «священного» крокодила за хвост, то ли им просто надоела курятина...

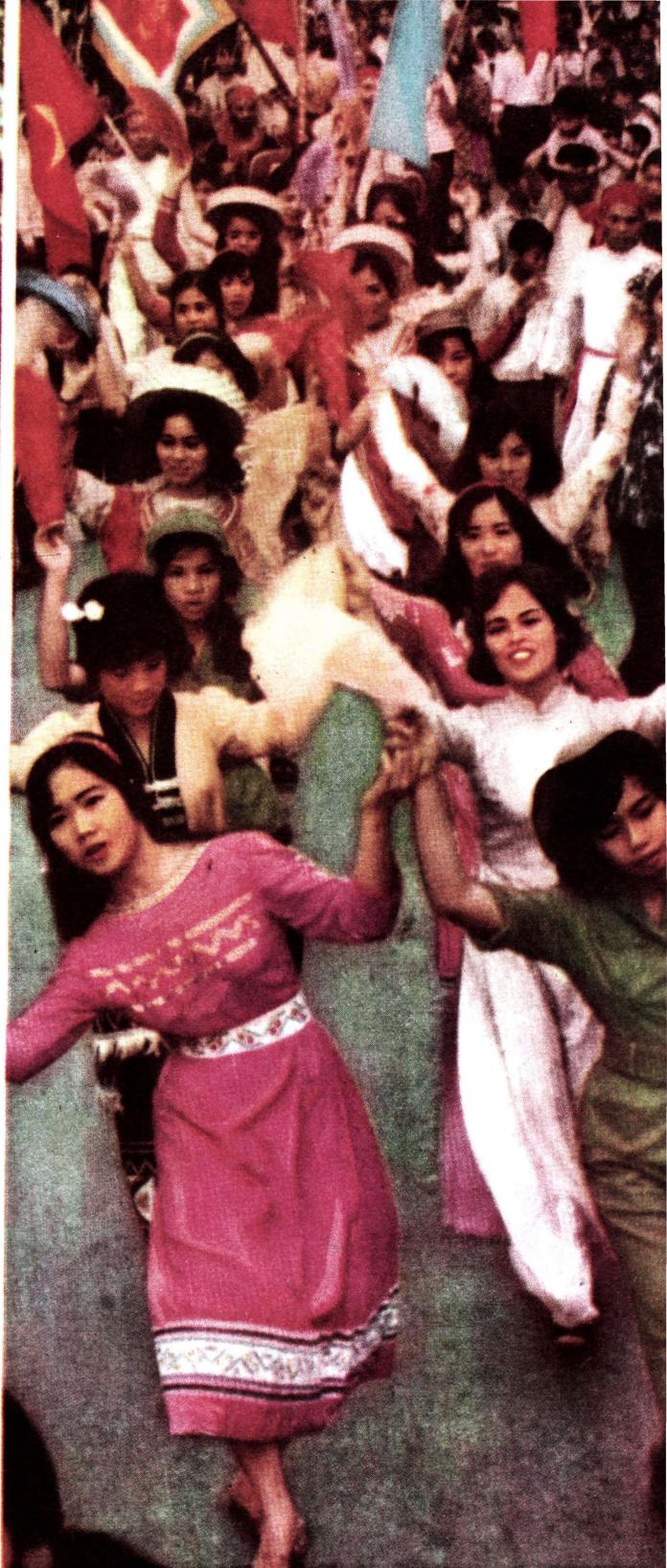
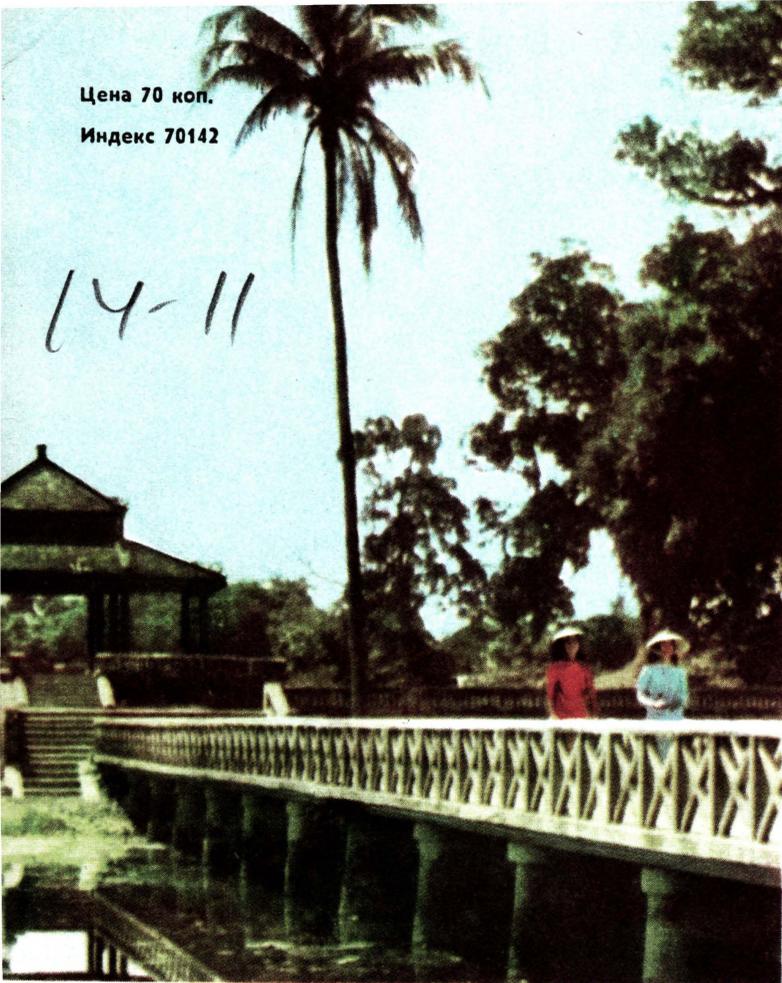
Н. БАРАТОВ
Фото автора

Цена 70 коп.

Индекс 70142

14-11

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

